Эдуард Гурвич

ДЕРЗКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

жизнь и судьба эмигранта

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…И я решил написать биографию князя Лобанова-Ростовского – человека с необыкновенной жизненной историей.

Впрочем, выявились и другие причины, побудившие меня взяться за книгу. В частности, параллели – несомненно дерзкие, прямые и косвенные – проходящие не только через детские и отроческие годы, но и через наши столь разные и в то же время схожие эмигрантские судьбы». – Э.Г.

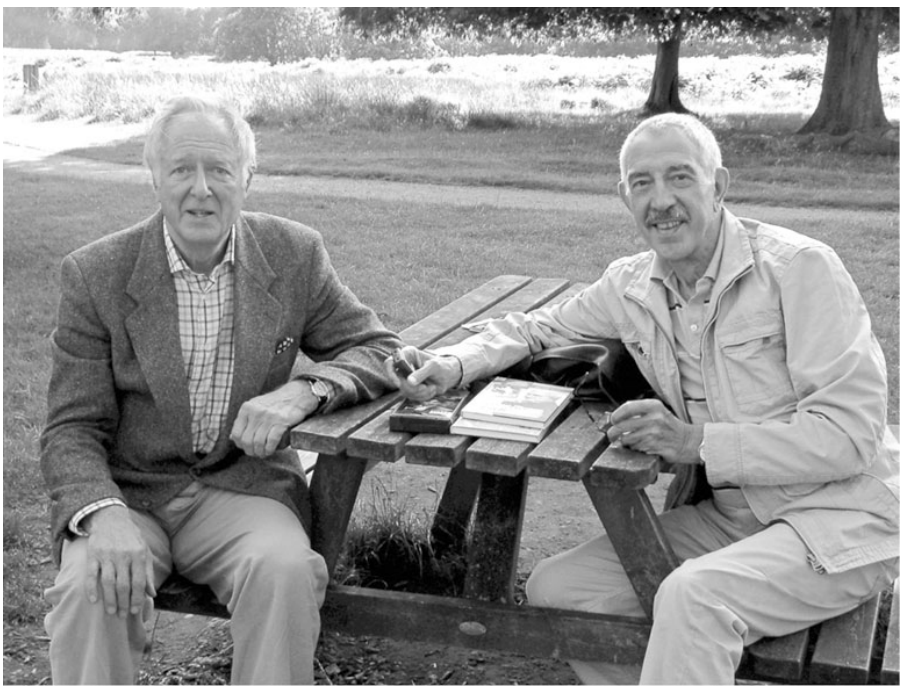
- Эдуард Гурвич
  -
  -
  - Параллели
  - О хлебосольстве и благотворительности
  - Из князя в грязь
  - «Восток-запад»
  - Оксфорд
  - Америка
  - Рассказы коллекционера
  - Слово о торговцах
  - Собирательство
  - Москва, Лубянка, далее везде
  - Художники и эмиграция
  - Портреты. дарения. выставки
  - Возвращение в Англию
  - «Дебирс». Россия 80-х
  - Аукционы
  - И все-таки коллекция в России
  - Музей в Филях
  - «Еврейский вопрос» в русском характкере
  - Так кто же такой князь?
  - Проекты и утопии
  - Послесловие
- notes
  - 1

Эдуард Гурвич
Дерзкие параллели. Жизнь и судьба эмигранта

© Эдуард Гурвич, 2012

* * *

Посвящаю дочери



Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (слева) и Эдуард Гурвич. Ричмонд-парк, Лондон.

В 1995 году я, тогдашний лондонский корреспондент американского русскоязычного альманаха «Панорама», написал очерк о князе Никите Дмитриевиче Лобанове-Ростовском. Из двадцати с лишним страниц редакция сначала хотела напечатать лишь шесть, а затем и вовсе отказалась от публикации. Будучи в Москве, Никита Дмитриевич предложил этот материал иллюстрированному журналу В результате часть очерка была

опубликована там за подписью… главного редактора и под моей искаженной фамилией. Соавторство бандитское, без всякого согласования, но принятое и в сегодняшней России. Об истинной подоплеке отказа в публикации в альманахе «Панорама» я всё-таки узнал: будто у Лобанова-Ростовского в Калифорнии плохая репутация…

В мае 2011 года, после долгого перерыва мы случайно встретились с князем в Пушкинском Доме на выставке русских художников Парижской школы. И я напрямую спросил про репутацию. Никита Дмитриевич ничуть не смутился и сказал, что вокруг него по-прежнему множество сплетен: будто он антисемит, жидомасон, цэрэушник, кагэбэшник, а то и просто шпион.

После этого признания я решил написать биографию князя, человека с необыкновенной жизненной историей. Впрочем, выявились и другие причины, побудившие меня взяться за книгу. В частности, параллели – **несомненно дерзкие,** прямые и косвенные – проходящие не только через детские и отроческие годы, но и через наши столь разные и в то же время схожие эмигрантские судьбы.

Параллели

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский родился в Царстве Болгария в 1935 году в семье русских эмигрантов, бежавших из Советской России от большевиков. Я родился в Стране Советов в 1939 году в семье еврейского эмигранта. Отец князя был арестован и расстрелян за попытку бежать из советской Болгарии. Мой отец, очарованный идеей построения социалистического Биробиджана, в конце 20-х годов приехал туда из Аргентины. Он прозрел в считанные месяцы, но аргентинский паспорт у него уже отобрали. Из Биробиджана он сумел выбраться лишь в Москву.

Детские годы Никиты Дмитриевича были счастливыми пока не началась война. Ему пришлось вместе с родителями пережить бомбёжки в Софии, а вслед за нацистской оккупацией пережить оккупацию Болгарии советскими войсками.

Мои родители после начала войны оставались в Москве и прятали нас с сестрой в бомбоубежищах от ночных налётов гитлеровской авиации. Последним эшелоном вместе с оборудованием эвакуировавшегося на восток завода, где работал отец, нас вывезли в Ульяновск. (О своем детстве и отрочестве я рассказал в книге «Моя Азбука»).

Жизнь князя сложилась достаточно трагично. Одиннадцатилетний Никита оказался в тюрьме – по делу о побеге его родителей из советской Болгарии. Спустя год юный князь вышел на волю. Мать с отцом ещё оставались в заключении и его приютила бедствовавшая семья няни. Никита познал такую нищету, которая, хоть и напоминает мне мою, в послевоенном бараке за Красной Пресней, но несравнима с пережитым моей семьёй. Юный князь подбирал окурки, чтобы по крохам собрать табак, на вес продать его цыганам и принести эти гроши в семью няни. Он чистил огороды, сады, тащил для топки печи то, что удавалось оторвать от заборов. Я тоже помню голод в моём детстве. Я тоже подворовывал мелочь в отцовском кошельке, а позже, в студенческом безденежье, сутками ездил ассистентом проводника в общем вагоне, помогая тому обирать левых пассажиров, чистя туалеты, охраняя вагон от «зайцев», с которых нечего взять. Князь мальчишкой воровал уголь на вокзале, а я с отцом таскал в сарай купленные у сторожей и рабочих барж сворованные ими дрова…

Никиту и его мать, после того как её выпустили из тюрьмы, ни на минуту не покидало намерение выбраться из советской Болгарии. За них хлопотал дед по материнской линии

В.В.Вырубов, живший в Париже. В моей семье не было даже и мысли, что нам когда-нибудь удастся покинуть Советский Союз. Никита, став юношей, не надеясь, что его с матерью выпустят, готовил себя к новому побегу – заплыву через нейтральные воды к берегам Турции. К счастью, этого не потребовалось. Он и больная мать, в конце концов, уехали легально. 30 сентября 1953 года они оказались во Франции.

Я же, возвращаясь из школы, где был единственным в классе евреем, тихо плакал и мечтал, что когда-нибудь выберусь в Америку, к нашим родственникам, о которых в семье говорили по секрету. Страх оказаться в ГУЛАГе подавил у отца всякие надежды. Первая крупная ссора с ним у меня случилась в 1956 году, когда нас посетил его брат из Флориды. Я был уверен, что отец должен попытаться выбраться в Америку и вытащить нас с сестрой. Он кричал, что у него в СССР пенсия, смежная двухкомнатная квартира, бесплатное образование для детей. А в Америке всё надо начинать сначала и за всё платить. В результате, я на год уехал из родительского дома в Сибирь, в Туву, потом вернулся и поступил в Московский университет. На большее меня тогда не хватило. Моему сыну было два года, когда я, наконец, решился и фактически убежал из Советского Союза. В Хитроу я прилетел из Москвы с туристической визой. Я был без английского языка, но со многими советскими мифами, о которых не подозревал. И со 120 фунтами в кармане! Понятно, с таким багажом мои надежды в 50 лет завоевать Лондон оказались тщетны. Вытащить сына с его матерью я не смог. Сыну пришлось выбираться из России самому, спустя 20 лет…

При всей разности судеб, биографий, а также времени и обстоятельств нашей эмиграции, похожесть детских и отроческих воспоминаний, вероятно, определила тон бесед с князем, отличавшихся доверием и открытостью. Я признавался князю в чревоугодии, тяжком грехе, который тщетно стараюсь искупить ограничениями на протяжении всей моей взрослой жизни, но и сегодня боюсь пустого холодильника. Я не скрывал, что слежу за собой, сидя за обеденным столом, чтобы есть бесшумно, правильно пользуясь приборами. Оказалось, что и для князя пережитый в Болгарии голод не прошёл бесследно. Нынешняя, нежно любящая его жена Джун, происходя из родовитой английской семьи, постоянно напоминает ему, что он ест слишком быстро. Действительно, Никита Дмитриевич не любит долгие застолья и воспринимает еду, как необходимость насыщения. Я вспоминаю хлебную палатку, где продавалась калорийная булочка с изюмом, которая была недоступна моей семье, но ненавижу редиску, которую выращивали и ели, пока не

надоест. Князь помнит манящий запах свежевыпеченного кукурузного хлеба:

– Горячий, он обладал вкуснейшим запахом, а горбушка хрустела во рту. Зато мякиш из сырого теста камнем ложился на желудок. Помню и круглые кукурузные лепешки, и, как ни странно, когда бываю в Америке, с удовольствием ем corn bread. Очень люблю чай из цветов липы, которую сам ныне собираю около дома в Яауепзсоий Рагк. До сих пор люблю ещё одно блюдо тех голодных лет: суп из чечевицы.

Хотя тюремный суп из фасоли князь называет похлёбкой из непотребного, но, оказываясь в Болгарии, непременно идёт в лучший ресторан Софии и заказывает там болгарское национальное блюдо «фасул чорба».

Я за свою почти полувековую журналистскую практику редко встречал героя своих очерков, который бы так любил себя. Этот грех – эгоизм – подмечаю в себе тоже. Князь, вне всякого сомнения, нарцисс и ему нравится внимание серьёзной прессы. Мне тоже свойственно стремление к публичности: иначе я бы не занимался журналистикой, преподаванием.

Спустя десятилетия с момента нашей первой встречи с князем, я пришёл к нему после его развода с первой женой, Ниной, и сказал, что нынешние апартаменты выглядят скромнее прежних. В подтексте замечания – стандарты, которыми набита моя бедная голова: мол, пощипала вас прежняя супруга! В ответ о ней ни одного худого слова, хотя оставил ей квартиру, часть архива, любимые картины. Да, поначалу поселился с Джун в её пятиэтажном доме. А потом вместе решили: важен комфорт, а не престиж, и перебрались в этот.

Далее, я интересуюсь, когда и как он от собирательства и коллекционирования произведений искусства пришел к меценатству. В голове у меня с моей советской ментальностью уже рисуется образ мецената с идеалами добра. Никита Дмитриевич остужает меня вопросом: почему в Америке так много прекрасных музеев? Потому что даритель снижает свои налоги, которые списываются на сумму пожертвования. Так что дарить побуждала не совесть, а экономия. Иначе говоря, выгода! Ещё пример. С моим советским максимализмо-м в очередной раз пытаю князя, что он чувствовал, когда мать говорила ему, уже взрослому сыну: иду на явочную квартиру, чтобы писать очередной донос. Никита Дмитриевич на мгновение перенёсся в те времена и тут же отвечает: «Я чувствую боль за мать, что ей это приходилось делать. Я всегда очень любил мать и никаких нравственных терзаний не испытывал! Выживать надо было! Отца, которого поначалу выпустили, снова посадили и к тому

времени уже расстреляли!..»

С той первой встречи я помнил, что элегантность в одежде князя была притчей во языцех у журналистов. Его склонность к гедонизму, как и моя, вне всякого сомнения, следствие пережитой бедности и безденежья в наших эмигрантских семьях: князя Никиты Лобанова-Ростовского в Царской, а затем социалистической Болгарии, и моей семьи в Стране Советов.

О хлебосольстве и благотворительности

Жизнь перемешивалась с сюжетом, который сложился у меня ещё до того, как я начал писать книгу. Наше общение с Никитой Дмитриевичем было ежедневным, на самом пике, когда он предложил мне присутствовать на встрече с его приятелем Диком Кулсоном, крупным адвокатом в прошлом, которого знал ещё по Нью-Йорку. Они не виделись 20 лет. Приятель прилетел с Багамских островов, намереваясь собрать материал и написать очерки о коллекционере Никите Лобанове-Ростовском. Встреча прошла более чем обыденно: без цветов для супруги, без багамских сувениров. Позже, на мой вопрос насчёт цветов князь улыбнулся: «Нет, это не принято на Западе!» Но ведь я-то пришёл в княжеский особняк со своими старыми представлениями! Я знаю, что и цветы, и сувениры, и дружеские объятия должны быть непременно. Знаю также, что гостя надо угостить…

Живя в Лондоне, посетителей и гостей принимаю редко, но если они случаются, чаи с ними гоняю и даже готовлю для них борщи. Жадным себя не считаю. Хотя скупость иногда подмечаю и тогда стараюсь доказать обратное. Пятьдесят лет я прожил в голодающей стране с хроническим дефицитом, прежде всего, продуктов питания. При нищенском уровне жизни значение подарков, уровень приема гостей у моего поколения преувеличено. А подсознание не меняется даже в эмиграции.

Когда мои студенты едут в Россию и потом рассказывают о необыкновенном гостеприимстве русских, я советую не обольщаться. Характер нации, традиции – тут последнее дело! И если вы попали в сети этого хлебосольства, то будете себя чувствовать крайне неловко, видя, как хозяева тратят на угощения последние деньги. Ну, а затем ждите гостей в Лондоне. И тогда уж, будьте любезны готовить завтраки. А обеды и ужины – с «первым, вторым и третьим», т. е. закусками, горячим, десертом. И не вздумайте вести их вместо этого в ресторан за углом, паб, даже в Макдональдс. У вас в доме, прежде всего, стол должен ломиться от яств! Но ничего подобного в доме князя не происходило. Вместо того, чтобы парить-жарить на кухне, Джун, очаровательная супруга Никиты Дмитриевича, предложила нам чай-кофе, поставила вазочку с печеньем и отправилась в сад. В продолжение трёхчасовой беседы приятелей я через широкое окно наблюдал, как она обрезала в саду кусты, складывая ветки в чёрные мешки. На следующий день нашей встречи с князем в

Лондоне стояла жара, и нам предложили холодной воды со льдом. А спустя два часа, князь вдруг сказал, что пришло время приготовить сэндвичи, удалился на кухню и вернулся… с кофе для себя. Тогда я достал из портфеля яблоко и стал грызть его. Впрочем, перед нами стояли бокалы для прохладительных напитков, но уже пустые, на что хозяин, уверен, по рассеянности не обратил внимания…

Позже, по дороге домой, размышлял, как объяснить себе своего героя. Страшно не хотелось разочароваться в нём! Но ведь даже лёгкое застолье связано со временем, транжирить которое князь не намеревался! Тут всё вдруг встало на свои места: и образ его мыслей, и стиль жизни. Чаи гонять – время терять! Почему-то вдруг вспомнились рассказы о фантастической скупости едва ли не самого богатого советского писателя-переводчика Самуила Маршака. Не чай он жалел, а время. Потому собеседников отбирал скрупулёзно, в гости звал редко. На молву, похоже, ему было наплевать! Зато сколько оставил стихов, сколько замечательных переводов! Тем не менее, я решил испытать правильность хода собственных мыслей, и вечером того же дня отправил электронное письмо: мол, вижу, не по-княжески живёте, Никита Дмитриевич: жена в саду работает, вы сами себе сэндвичи жарите, кофе варите… А где челядь? Где прислуга? Ответ его замечателен:

– Я ежедневно делаю кофе и сэндвичи для моей секретарши Ольги. Она много лет состоит у меня на повременной оплате. Приходит к полудню и пашет допоздна. Это минимальное внимание, которое я ей уделяю. Джун не разрешает и не хочет у нас иметь проживающую прислугу, чего я предлагаю много лет. Да, днём приходит домработница. Со всем остальным в доме мы управляемся сами. Пока, как видите, дополнительных слуг не требуется. Время дорого! Это самое ценное, что каждый из нас имеет. Время нужно очень беречь, если хотите что-нибудь создать. Конечно, разные люди трактуют такой стиль жизни по-разному. Но бессмысленные разговоры, даже с бывшим приятелем, во время интервью считаю неуместными.

Вот так! Варить кофе и готовить сэндвичи секретарше – между прочим, правнучке вожака бакинских комиссаров, Степана Шаумяна – князь, ненавидящий коммунистов, не считает для себя зазорным! А трата времени на пустые разговоры с бывшим приятелем – излишество! Кстати, само появление приятеля в роли берущего интервью, вызвало у меня удивление. Дик записывал каждое слово Никиты Дмитриевича и вёл себя так, будто ничего не знал о человеке, к которому много лет ходил в гости, принимал у себя. Даже охотились вместе! Оказалось, дело

обстояло несколько иначе:

– Незнание о моем коллекционировании, несмотря на относительно дружеские отношения в 50-х, 60-х и 70-х годах в Нью-Йорке, типично для почти всех наших знакомых. В молодые годы мы старались утвердиться профессионально. Моими приятелями были студенты бизнес-школ, начинающие юристы, банкиры, маклеры. Мало кто из них интересовался русским искусством, да и вообще искусством. Никто картин не покупал. Но был узкий круг людей, такие, как директор Музея современного искусства Альфред Барр, или же Юрий Рябов – единственный на тот момент коллекционер русского искусства в Нью-Йорке, с которыми я и моя первая жена Нина могли поделиться нашими интересами.

У моих современников в Нью-Йорке была мотивировка: преуспеть в жизни и зарабатывать деньги. Я никогда никому из друзей не навязывал свой интерес к искусству. А в тот же период в Советском Союзе люди сидели на кухне, пили водку, терзали друг друга вопросом «ты меня уважаешь», обсуждали отвлечённые моральные темы, составляющие суть русской души и столь типичные для русской интеллигенции. Но такие посиделки на кухнях никак не помогали продвинуться в карьере, а отражали двойственность жизни. С одной стороны, публичная жизнь, связанная с работой и учёбой, где надо было убеждать всех, кто слушал и подслушивал, в своей лояльности к режиму; с другой – личная, где старались жить нормальной жизнью, отводили душу в пустых разговорах. Вот почему бывший приятель задавал мне многие вопросы, относящиеся к моей жизни в Болгарии и к искусству. Не только его, никого из моего окружения, повторяю, это не интересовало тогда в Нью-Йорке!

К этим комментариям князя о жизни в Советском Союзе добавлю лишь мой скепсис к тем иностранцам, которые и сегодня полагают, что жизнь на кухне в советские времена отражала нашу духовность, выгодно отличавшуюся от западного прагматизма. Как много времени уходило тогда на пустые разговоры! Наверное поэтому в последние годы я ценю, когда телефон молчит. Мне всё больше нравится уединение. Какие-то приятели сами собой отпали из круга моего общения. И не жалею. Времени стало больше. Я успеваю сделать то, чего раньше не удавалось. Хотя, возвращаясь к теме гостеприимства и помня голодные годы, вероятно, всегда буду готов попотчевать не только гостей, но и студентов своих.

Теперь об отзывчивости. В Ричмонд-парке, увидев бездомного, я спросил князя: «Подаёте?» Он ответил: «Нет!» И объяснил, что когда учился, как-то оказался в компании пятерых

студентов Оксфорда, один из которых уже получил степень доктора. Все вместе выходили из гостиницы «Рандольф». У выхода стоял нищий. Состоятельный приятель протянул ему довольно солидную тогда сумму в пять долларов и спросил: «Почему ты попрошайничаешь?» Тот ответил: «Потому что находятся дураки вроде тебя, которые подают!»

Князь привёл и другой пример. В центре Парижа, на улице Дарю стоит русская церковь – храм Александра Невского. У входа в неё всегда дежурит нищий. В Париже попрошайничество запрещено. Оказалось, что русская церковь получила диспенсацию в мэрии на том основании, что подача милостыни является частью православного обряда. Церковь специально наняла человека на… роль нищего, чтобы пробуждать у прихожан сердоболие. Потому служащий каждый день подъезжал на велосипеде, проходил в помещение канцелярии церкви, забинтовывал голову, переодевался в лохмотья и садился на рабочее место у входа во двор церкви…

– Несколько лет назад, – рассказывал князь, – моя супруга Джун предложила работу человеку, просившему у прохожих подаяния: приходи, подметай и убирай на улице около моего дома, а я буду платить тебе. Он походил два дня и исчез. Наверное, у него были причины отказаться. Или просто не привык работать, или смекнул, что, попрошайничая, получает больше, не прилагая никаких усилий.

Какое из этих предположений правильно, вопрос для социолога. Но мои прежние собственные убеждения: мол, подавать надо, если человек дошёл до того, что выходит на улицу попрошайничать, тот разговор с князем серьёзно поколебал. В Лондоне городскими властями бездомным предоставляется ночлег с возможностью принять душ, иметь завтрак, обед и ужин. Надо только обратиться в соответствующие учреждения. Более того, если в большинстве случаев, бездомность и попрошайничество – сознательный выбор, то подавать означает поощрение лени, социальной беспомощности, наконец, презрения к обществу.

Милосердие уместно, когда человек борется, хочет помочь себе сам. В противном случае это развращает. Развращает, кстати, не только личность, но и целые народы, страны. Слишком тонка грань между требованием социальной справедливости и иждивенчеством. Эта грань легко разрушается во время социальных взрывов, революций. Призывы всё поделить между богатыми и бедными в современном арабском мире; иждивенчество в российском народе, насаждавшееся системой распределения – всё это цепочки одного звена. В последнем

случае это особенно заметно.

В современной России развращёнными оказались все слои населения: ветераны войны вспоминали «минувшие дни», заливая их водкой, в то время как на Западе вернувшиеся с фронта строили свою жизнь, не рассчитывая ни на какую помощь. Да, государство должно заботиться, да, страна в вечном долгу! Но кто будет платить этот долг? Те же поколения иждивенцев, вопивших в пионерском строю: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»? Обречённые на пожизненное ожидание очередники на бесплатное жильё? Миллионы пенсионеров, потерявших свои скромные вклады и живущих на гроши?..

Никита Дмитриевич в его тяжелом детстве голодал, нищенствовал, но никогда не попрошайничал. На его примере выскажу крамольную мысль: в крайней нужде предпочтительнее стащить кусок хлеба, чем сесть на улице и просить милостыню. Такое воровство менее разрушительно для личности, чем попрошайничество!

Любопытно, что и сегодня князь в очень счастливом втором браке и мысли не допускает, что повесит свою старость и грядущую немощь на плечи более молодой жены. Нет, он и здесь позаботился о себе. Они с Джун нашли и наняли женщину, которая пока выполняет обязанности домработницы, но при первой необходимости будет жить в их доме и профессионально ухаживать за ним до смертного часа, зная, что её будущее обеспечено соответствующим распоряжением в банке.

Умение позаботиться о себе – это инъекция от любых форм иждивенчества, включая паразитизм родителей на детях и наоборот, зависимость от родных и близких, прикрываемые в российском обществе ханжескими наставлениями о заботе и милосердии. Что же касается слухов о скупости князя, подозреваю, их он сам провоцирует (причину таких провокаций поясню ниже). Пока же расскажу о сваре, затеянной князем в Ричмондпарке с продавцом в чайной палатке: мол, в пластиковом стакане чай твой мне не по карману! Тот, глядя на нагрудный карман пиджака, из которого выглядывал край шёлкового платочка, заметил: «Вы не производите впечатления человека, который не в состоянии заплатить за чай». Но князь продолжал ворчать, что красная цена его чаю не полтора фунта, а 20 пенсов. Ну что ж, Никита Дмитриевич не скрывает, что не хочет тратить деньги, когда заламывают нерезонную цену, считает это транжирством.

Я же добавлю к его репутации скряги следующее: тот, кто рассчитывает на денежную помощь, должен знать – князь деньгами не разбрасывается и в тратах весьма осторожен.

Несмотря на то, что он заподозрил меня в намерении получить от него спонсорскую поддержку на мою книгу, с этими жизненными установками князя я согласен и даже хотел бы внести коррективы в свои. Хотя в какой-то момент Никита Дмитриевич и выразил желание помочь издательству в публикации этой книги, я отозвался шуткой: в моих рассуждениях так много противного, что ему лучше подумать, как стимулировать автора, чтобы книга не вышла в свет!

Но если говорить всерьёз о действиях князя и разговорах о скупости, то лишь очень предвзятый биограф не увидит разительную дистанцию между скаредностью и настоящей благотворительностью. О какой скупости можно говорить, если его меценатство в Оксфорде имеет точное выражение в цифрах: князь в 2011 году пожертвовал миллион фунтов альма-матер, Оксфордскому университету, на создание кафедры планетарной геологии.

Из князя в грязь

Никита родился в аристократической семье, где говорили на четырёх языках. С родителями и няней мальчик изъяснялся по-русски, с прислугой – по-болгарски, по утрам к нему приходила гувернантка-немка, после обеда – француженка. Казалось, ничто не угрожало блестящему будущему отпрыска 33-го колена Рюриковичей. Отец Никиты закончил очень престижную английскую школу в Харроу под Лондоном и, возвращаясь в Болгарию через Париж, привёз в Софию будущую мать Никиты, кстати, тоже получившую блестящее образование. К середине тридцатых годов семья была полна счастья и надежд. Никто ещё не думал о надвигавшейся войне. Всё дальше отступали воспоминания о том, как дедушку с бабушкой и их сыновей вызволяла из Украины тетка Никиты, Ольга Ивановна. История же та была без преувеличения авантюрной.

Ольга жила в Швейцарии, куда уехала учиться в 1914 году. Спустя два года после Октябрьской Революции, она взялась осуществить смелый план – вывезти застрявшую в Одессе семью. Прямым поездом она направилась в Бухарест. Ехала в купе первого класса и на второй день поделилась своим замыслом с мужчиной, который оказался с ней в одном купе. Тот назвал план безумием, но, прощаясь, протянул свою визитную карточку и сказал: «Передайте её моему другу, капитану порта Галац, Константину Улику. Он поможет, поскольку такой же отчаянный, как и вы». Это была карточка военного министра Румынии…

Она нашла капитана Улика, вручила ему визитную карточку военного министра, и тот, в самом деле, помог. Можно легко предположить, что он влюбился в миловидную Ольгу с первого взгляда (во всяком случае, рассматривая их фотографию 1920 года, я сделал такой вывод). Можно также поверить, что Ольга вскружила голову бравому капитану именно своей отчаянной смелостью. Так или иначе, нелегально он взял судно под военным флагом и вывез княжну по реке к границе Украины. Через три дня он пообещал ждать Ольгу с семьёй на том же месте в нейтральных водах.

Самое удивительное, что в прямом смысле былинной Ольге удался её план. Потомки Рюриковичей, князья Лобановы, внешне очень похожи на татар и калмыков. Поэтому ни у кого не вызвало подозрений, когда всё семейство облачилось в крестьянские одежды, и, загрузив вещи в телегу, отправилось в путь. Без всяких помех Ольга перевезла семью с багажом на корабль, ожидавший их в тех же нейтральных водах. Добрались до Румынии без

приключений, но при въезде в страну их всех арестовали. У прибывшей княжеской семьи появились реальные шансы быть выдворенными незамедлительно туда, откуда они явились. Между Румынией и Страной Советов уже тогда существовало соглашение о выдаче нелегальных российских беженцев.

Однако Лобановых большевистскому правительству не выдали. И, как выяснилось, по одной причине: у них были деньги. «Дедушка, – вспоминает Никита Дмитриевич, – попросту откупился, и их выпустили из тюрьмы. После чего семья отправилась в Болгарию. Выбор был обусловлен тем обстоятельством, что в Софии, в соборе Александра Невского по воскресным дням пел хор Софийской оперы. Моего деда, князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского (по отцовской линии) в жизни интересовали лишь две темы – музыка и православие. Он вывез из России даже свою скрипку Страдивари. Бабушке удалось спасти фамильные драгоценности, включая четыре семейных портрета. Кстати, эти портреты – единственное, что мне осталось от большого имущества. Ну, и футляр от скрипки деда».

В Болгарии семья Лобановых жила безбедно, даже после того, как бабушка Никиты потеряла большую часть своего состояния на «угольных копях». Нашлись мошенники, которые зарыли в поле несколько телег угля и предложили бабушке вложить деньги в «месторождение». Бабушка уже купила этот участок земли, когда обнаружился обман.

Поразительно, что авантюрный побег, который организовала Ольга Ивановна Лобанова-Ростовская, не канул в лету семейных преданий. И не только потому, что в тюрьме между Константином и Ольгой завязался роман и впоследствии, княжна, выйдя замуж за капитана, осталась в Румынии. Странным образом, неудачный побег, но с трагическими последствиями, позже пришлось пережить родителям Никиты и ему самому. Став юношей, он самостоятельно, в одиночку, готовился к третьему побегу…

Никита помнит в своём детстве годы войны «осколками». Ведь юному князю пришлось походить и в немецкую школу, которая была неприятна бессмысленной муштрой. Запомнились ужасы ежедневных бомбёжек – днём сбрасывали бомбы американцы на «летающих крепостях» – так называли их бомбардировщики Б-14, а ночью прилетали англичане. Болгария, хотя и уклонялась от активных действий на восточном фронте, всё-таки формально входила в состав Оси, считалась сателлитом Гитлера и объявила войну союзникам антигитлеровской коалиции. Страна находилась в состоянии войны с Америкой и Англией. В один из августовских дней 1943 года по радио объявили о смерти царя Бориса. В детском сознании остался

тревожный звон колоколов всех соборов в Софии. Никита помнит, как его суровый дед вдруг встал и молча перекрестился. Взрослые в семье ещё долго обсуждали случившееся.

Незадолго до смерти царь Борис был вызван Гитлером в Берлин, чтобы обсудить проход немецких войск через Болгарию и ударить с тыла по нефтяным районам Плоэшти в Румынии. Царь, по происхождению немец из Сакс-Кобург-Готской династии, возможно, ещё пользовался доверием Гитлера, но настойчиво убеждал фюрера не отправлять болгарские войска на советско-германский фронт, а использовать их в оккупационной зоне в Югославии и Греции. На все «пожелания» Рейха он отвечал, что Болгария традиционно слишком сильно привязана к России, которая помогла избавиться от турецкого ига. И воевать болгары против русских не станут. Такая неуступчивость, как полагают исследователи, стоила царю Борису жизни. Когда он возвращался из Берлина на военном самолёте «Мессершмидт», ему в кислородную маску подложили яд. Вскоре после этого царь скончался.

Но самое сильное впечатление осталось после бомбёжки Софии в середине января 1944 года. Город горел. И жители его выбирались, кто куда мог. Родители вытащили из дома кровать, поставили на полозья, сложили на неё вещи и направились в предместье Павлово, к складам знакомых армян, торговавших табаком. Отец по снегу тянул на верёвках эту кровать целых пять километров. Девятилетний Никита изо всех сил помогал. Выбравшись из городской квартиры, семья поселилась в одной из складских комнат, где прожила до самого конца войны. В комнате той ранее находились тюки с табаком, запах от которого связался с детскими впечатлениями тех лет.

И всё-таки, несмотря на войну, Болгария (особенно до её оккупации в 1944 советскими войсками) оставалась для Никиты страной, где он чувствовал себя дома. У него была нормальная семья с родителями, с дедушкой и бабушкой, с няней, вначале с гувернантками, потом со школами – болгарской, русской, немецкой. Отец Никиты в момент советской оккупации работал финансовым директором на текстильной фабрике, принадлежащей итальянцам. Но вскоре предприятие передали Советскому Союзу в виде военной компенсации и отцу Никиты предложили принять советское гражданство. Понятно, что с получением советского паспорта его ждала депортация и ГУЛАГ. Отец отказался, после чего начались стычки с властями. Карающий меч Страны Советов вторично настиг семью из-за трагической ошибки – не перебраться при немцах, когда это было ещё возможно, из Болгарии на Запад, а остаться ждать

«освободителей». Решение это, впрочем, выглядит наивным лишь теперь, а не тогда, в 1944-м. Были очевидные обстоятельства для такого промедления: например, отец не знал о Ялтинских соглашениях участников антигитлеровской коалиции и надеялся, что после войны Болгария станет независимой республикой. Скорее всего, он не хотел покидать страну вместе с нацистами, идеология которых была для него враждебной.

Так или иначе, со сменой режима жизнь Лобановых усложнилась. Когда же в Болгарии по сигналу из Москвы начался красный террор, стало по-настоящему опасно. Дед Вырубов (напомню, по материнской линии), живший в Париже, решил устроить для дочери и её семьи нелегальный переход через границу.

Об участии в том переходе я уже прочитал в воспоминаниях, многочисленных интервью и даже в отдельной книжке, посвященной детству князя, но решил поговорить с ним ещё раз. В летний субботний день, гуляя в Ричмонд-парке в сопровождении его собаки Салли, которую князь обожает, я включил диктофон, чтобы задать ему первый вопрос. Скорее, это был вначале не вопрос, а монолог. Он касался свободы:

– Для нас, людей одной эмигрантской судьбы и одного поколения, помнившего годы войны, в том числе и холодной, ничего дороже свободы нет. Но как представить себе участие в самом побеге, неудачу его и отчаяние 11-летнего мальчика в одиночной камере! Во время трёхдневного похода вы были всё-таки с отцом и матерью. В тюрьме же день и ночь один в камере! Матери многих взрослых детей-студентов, учащихся дома и за границей, каждодневные звонки свои начинают и заканчивают: «Ты поел? У тебя есть деньги? Какие планы на завтра?» А тут ребёнок в одиночной камере! И, спустя год, после тюрьмы – ни дома, ни отца, ни матери! Потому, сразу вопрос: стоит ли свобода таких испытаний? И чем сегодня вы не готовы заплатить за свободу? Жизнью отца вы с матерью заплатили сразу. Любовью заплатили: с отбытием в эмиграцию оставили свою возлюбленную в Со фии. Далее, пренебрегая генетической обязанностью, о которой вы говорите во всех интервью, переселяться в Россию не собира етесь. Свобода дороже! Даже титулом князя заплатили при получении американского гражданства. Понятно, от титула князя отказаться невозможно, но всё-таки. Наконец, нет таких денег, которые ваши родственники в Париже тогда, и теперь вы, не отдали бы за свободу. Тем не менее, чем вы не готовы были бы платить за свободу?

Князь задумался и сказал:

– Жизнью матери за свою личную свободу я платить был бы

не готов. Если бы мне сказали, что после моего побега мать арестуют, я бы отказался от побега…

Ответ князя важен для меня тем, что мой сын все свои детские и юношеские годы не мог простить мне, что я покинул Советский Союз, оставив его там. И лишь будучи взрослым, поверил: смысл моей эмиграции – через мою свободу обрести свободу для него. Ведь никто не знал, что Советский Союз развалится спустя всего четыре года после того, как я остался в Лондоне. Но если бы коллапс СССР не случился, я бы и сегодня помогал сыну выбираться из советской империи точно так же, как князю и его матери – дед Вырубов.

– Конечно, – продолжает свой рассказ князь, – только благодаря дедушке мои родители могли решиться на нелегальный переход через границу. Легально нас не отпускали. Дед Вырубов с помощью денег и знакомых на Западе нашёл проводника Дан-чо Пеева, бывшего пограничного офицера болгарской царской армии. Он взялся провести нас в Грецию через самые высокие горы в Родопах. Поначалу родители мне ничего не сказали. В горы, в лес мы всей семьёй ходили и раньше. Обычно наши вылазки продолжались несколько дней. Ночевали в спальных мешках на склоне горы. Последний раз в такой поход мы ходили на мой день рождения, когда мне исполнилось одиннадцать лет. На этот раз всё выглядело иначе, но я так ничего и не заподозрил (более подробно я рассказывал об этом переходе А.Горбовскому, который внезапно умер, не успев закончить начатую им книгу под названием «Детство Никиты»)…

Мы шли по пустынной лесной дороге, когда отец стал как-то второпях говорить мне, что, возможно, так придётся идти долго, может быть, три дня. «А назад тоже пешком? Нет, тогда возьмём машину». Помню, отец недовольно поморщился и пожал плечами. Но вдруг в наш разговор решительно вмешалась мать: «Понимаешь, Никита, мы идём в Грецию. А оттуда едем в Париж к твоему дедушке, Василию Васильевичу. Ты знаешь о нём, ты видел его фотографию». Вот с этого момента я уже понимал всё. Шли долго, я устал, но терпел. Уже смеркалось, а мы всё шли. Стало совсем темно, но глаза привыкли. Наконец, наш проводник Данчо сбросил заплечный мешок и объявил, что ночевать будем здесь. Достав походный топор, с ближайшей ёлки он быстро рубил ветки. Отец подхватывал их и раскладывал на снегу. Слой этих веток и стал кроватью. Затем набрали сухих веток. На костре растопили снег и сделали чай из свежих еловых иголок – когда они молодые, они очень яркого зелёного цвета. Выпив чаю, я повалился без сил и стал засыпать. Но вдруг почувствовал, что отец меня будит: «Тебе надо поесть, чтобы к утру иметь силы

идти дальше!». Утром я понял, что не могу подвести родителей и опять терпел весь день. Мы шли цепочкой, след в след, по лесу, избегая открытых пространств и дорог. Я двигался последним и старался не отставать. Наконец, мы вышли к границе. Данчо тихо произнёс: «Сейчас переходим!» Отец снял шапку, перекрестился и подошёл ко мне: «Никита, запомни. Если что-то произойдёт, если будут выстрелы, делай то же, что буду делать я. Ложись в снег и не шевелись. Понял?» Я от волнения лишь смог кивнуть. Мы прошли совсем немного, когда вдруг оказались перед просекой и побежали по ней. Помню, что бежать было легко, потому что путь шёл под уклон. Наконец, запыхавшись, остановились. И вдруг до нас дошло, что мы в Греции! Нас теперь не достать! Мать с отцом обнялись, а потом обняли меня. Но Данчо тревожно поглядывал по сторонам. А затем вдруг произнёс: «Не нравится мне всё это! Провожатый с греческой стороны должен ждать нас здесь, у этого камня». Тут я увидел на краю поляны большой, поросший мхом валун. Подождали ещё немного, а потом Данчо показал дорогу к селению, в сторону Салоник, и повел нас к ручейку. Я уже шёл привычно между отцом и матерью, как в Софии. Вдоль ручья шли не очень долго. Вышли к косогору, за которым внизу в долине виднелось селение. Данчо остановился и сказал, что теперь уверен, что довёл дело до конца, и должен повернуть назад. Отец пожал ему руку и вместо того, чтобы без промедления двигаться к селению, решил, что мы с мамой должны передохнуть, а сам наскоро привел себя в порядок, сбрил трёхдневную щетину и тут же ушел, чтобы найти греческих пограничников. Почти сразу мы услышали выстрелы. Спустя 10–15 минут, перед нами оказались офицер и два солдата в болгарской военной форме. Я не успел даже испугаться…

Из рассказа князя (и из протокола допроса его матери, который я привожу ниже, где все представлено ее глазами), из других источников, включая интернет, составилась довольно ясная картина, что произошло. Проводнику Пееву, ранее служившему в этих местах, было известно, что греки зимой охраняют этот участок границы плохо: когда выпадал снег, они жили в селениях и не выбирались оттуда даже для патрулирования. Болгарские же пограничники служили добросовестно. И когда заметили следы на снегу, пошли по ним. Увидев Пеева, они открыли стрельбу на поражение. Данчо спрятался за поваленный ствол и начал отстреливаться. Часть спины в коричневатом тулупе пограничники видели и усердно стреляли по цели. Данчо же, пристроив тулуп за деревом, отполз в кусты и скрылся. Из зимнего леса он вышел на дорогу и на ночных попутках добрался до Софии. Его бы не нашли, если бы в

кармане тулупа, который он бросил, не затерялся обрывок квитанции на ремонт часов. По ней его вычислили, и, спустя три дня, арестовали. Заключив в Военную тюрьму, его били, пытали, но он никого не оговорил, никого не предал, не сказал ни слова, которое могло повредить другим.

Честно говоря, эпизод этот показался мне списанным из советского детектива о подвигах доблестных разведчиков, о чём я тут же сказал Никите Дмитриевичу. Оказалось, что всё рассказанное им о бывшем пограничном офицере документально зафиксировано в протоколах допроса. Ещё более интригующими и одновременно прозаичными оказались обстоятельства, по которым греческий проводник не встретил беглецов в установленном месте.

Много лет спустя, Никита Дмитриевич выяснил, что завязанный в побеге посредник, член американской миссии при Союзнической контрольной комиссии, позже ставший послом США в Болгарии, полковник Мейнард Барнс, получив оговоренную сумму, а она была огромна, решил сэкономить. Он не заплатил тому, кому предстояло идти на риск, а именно, проводнику, который должен был ждать их в Греции возле границы и проводить. С этим полковником, сохранявшим влияние в высоких сферах, Никита Дмитриевич мог встретиться, уже находясь в Америке. Но ему посоветовали не усложнять себе жизнь перед получением американского гражданства. Позже он рассказал об этом эпизоде в своих воспоминаниях и поместил там фотографию полковника. Сейчас они переводятся на английский язык, и, возможно, его дети прочитают про «папино посредничество». Ну, а встреча была бы лишней! Вряд ли она произвела бы на полковника впечатление.

Впрочем, вернёмся к воспоминаниям Никиты о тех трагических событиях, которые не стирает время:

– Болгарские стражи ринулись за нами по следам нашего проводника вглубь греческой территории. Их никто не остановил и они нас мгновенно обнаружили. Всех троих – отца, мать и меня – арестовали. Вскоре мы оказались в Военной тюрьме. Моя камера была последней в коридоре с глухими стенами. Собственно, это была не камера, а пенал, куда вмещался узкий деревянный лежак с соломенным тюфяком. Ни простыни, ни подушки, ни одеяла, к которым я привык с детства. Действительно, как вы говорите, из князей в грязь! Но я ещё не догадывался, какие испытания меня ждут! Узкий проход, по которому я ходил – два шага вперёд, два шага назад – поначалу угнетал ужасно. Высоченная дверь с небольшим, постоянно открытым оконцем у самого потолка. Через решётку в это оконце

я угадывал дневной свет, пробивавшийся туда из окна в конце коридора. По нему примерно представлял себе время суток. Через коридорное окно я мог кое-что слышать из того, что происходило во дворе. Но лучше бы я это кое-что не слышал: крики избиваемых и звуки ночных выстрелов изводили меня не меньше, чем нахождение в одиночке. От безделья я спасался сном и вдруг обретённой способностью переноситься мысленно в ту прежнюю жизнь, где есть твой дом, твои родители, уроки, перемены в школьном дворе.

Однажды в камеру вошёл пожилой следователь и оставил мне Майн Рида и Карла Майя. Просто пожалел, наверное, меня. Он принёс эти две книги из дома. Я читал их днём и ночью. Других развлечений не было. Нет, не правда! Ещё одно заключалось в том, что я прислушивался к тому, что происходило за дверью. Обычно я слышал лишь тишину, но иногда в тюрьму приходил парикмахер и стриг заключённых у окна в коридоре, где было светлее. Самим заключённым говорить запрещалось, а цирюльник командовал: «Наклони голову!», «Повернись!» И вот однажды вдруг слышу: кто-то из тех, кого стрижёт парикмахер, насвистывает старый английский военный марш, любимую мелодию моего отца «It's a Long Way to Tipperary»! Я тут же продолжил насвистывать этот марш из своей камеры. Так мы оба узнали, что сидим рядом…

Прерву рассказ князя собственными детскими впечатлениями. Со времён эвакуации нашей семьи осенью сорок первого из Москвы я боялся тюрьмы. Дом на окраине Ульяновска, куда нас временно поселили, окнами выходил на женскую тюрьму. Помню просунутые сквозь решётки женские руки, какие-то жалостливые, тягучие песни, доносившиеся из камер ближе к вечеру, и мольбы ко всякому прохожему, чтобы тот бросил папироску заключённым или поделился тем, что несёт в авоськах. И много позже, в Москве, вплоть до самого моего отъезда в Лондон, я жил в доме напротив Бутырской тюрьмы. Из окон кухни я каждое утро видел зарешечённые окна камер. Так что всю мою жизнь тюрьма, как угроза, оказывалась рядом. Хотя, как выяснилось, я мало что знал о ней. В фильме о Никите Лобанове-Ростовском есть кадры, где он посещает свою Софийскую тюрьму спустя почти полвека. И комментирует, что никто не думал там о… безопасности заключённых: на окнах камер в многоэтажном здании не было даже решёток. Может быть, специально, чтобы заключённые могли выпрыгнуть с верхнего этажа и разбиться! Я же считал, что решётки ставят не в целях безопасности доведённых до отчаяния заключённых, а чтоб не убежали.

Но не только этим открытием удивил меня бывший узник

тюрьмы, а ещё и виртуозным тюремным жаргоном. Он владеет им в совершенстве не только на болгарском, но и на русском языке по сегодняшний день! С тех пор Никита Дмитриевич умеет свистеть, как шпана! Если в тихий воскресный день вы будете прогуливаться по Ричмонд-парку и услышите пронзительный свист «Соловья-Разбойника», не пугайтесь: это князь, сунув два пальца в рот, зовёт пропавшую из вида свою милую собачку – она, по старости, туговата на ухо. Наверное, респектабельный облик князя, его репутация человека, разбирающегося в изобразительном искусстве, плохо вяжутся с его рассуждениями о тюрьме:

– Для большинства людей нахождение в тюрьме проходит несколько стадий. Первая – около 40 дней – это недоумение, непонимание, эмоциональное потрясение. После чего, если нет разъяснений, зачем посадили, и неизвестен срок, время начинает идти монотонно. И, бывает, люди тогда переосмысливают ценности жизни.

Но в Военной тюрьме мне, ребёнку, было не до переосмыслений. Там меня мучил голод. В день нам давали 120 грамм хлеба. Это было всё. Я разболелся. Тогда меня перевели в нормальную тюрьму – Софийскую Центральную для уголовников: там кормили лучше, и, главное, был лазарет. Утром давали тёплый чай из липы и 50 грамм кукурузного хлеба. На обед 150 грамм хлеба и похлебку вроде бы из фасоли. Вечером похлебка из той же фасоли и 100 грамм хлеба. Всего 300 грамм хлеба в день. Меня там даже лечили в тюремной больнице. Хорошо помню тюремный хлеб. Сырое тесто забивало желудок, но зато не чувствовался голод. В той тюрьме мне посчастливилось сидеть с ворами. От них я узнал много полезного – как перевозить валюту на теле, чтобы ее не нашли, как воровать по утрам в трамваях. Развлекал меня и язык, на котором изъяснялась эта публика. Я быстро взрослел.

Помню, однажды ко мне в камеру посадили одного очень красочного цыгана по прозвищу Аванта, которого поймали на воровстве. Он работал на фабрике галош и каждый день, уходя с работы, надевал дополнительную пару! Он не унывал и даже в тюрьме щеголял в элегантных галошах, которых во время войны не было ни у кого. Своими рассказами и непосредственностью цыган скрашивал мое заключение. Вскоре в этой большой тюрьме пришла и маленькая свобода: во дворе под навесом стояли сломанные, с погнутыми колёсами, велосипеды. Это был основной вид транспорта для милиционеров. Я был самый юный заключённый. Потому, вероятно, мне доверили привести велосипеды в порядок. В сарае с велосипедами стояли мешки с

луком, который периодически мне поручали чистить. В камерах были окна без стекол, только с двумя железными перекладинами. Когда я чистил лук, Аванта протягивал руки из камеры, я подбрасывал луковицу и ему часто удавалось её поймать. Так мы добирали свой паёк.

А теперь о главном. Моя камера в этой тюрьме имела окно, которое выходило в тюремный двор. И вот в это окно я вдруг увидел маму. Аванту к тому времени осудили, отправив в лагерь, а в мою камеру привели, наконец, мою мать. Тут уж тюрьма показалась мне раем. Мама много рассказывала мне о странах и городах, о Лондоне и Париже. Мы сблизились с ней в этой тюрьме больше, чем дома…

Такие перемены в судьбе Никиты не были случайностью. Международный комитет Красного Креста в Женеве получил письмо из Парижа, в котором сообщалось, что болгарские власти нарушают международные конвенции и содержат в тюрьме 11-летнего ребёнка, без предъявления обвинений и приговора, к тому же, похищенного болгарами на территории Греции. Заключение Никиты в Военную тюрьму было нарушением закона даже по советским правилам. В Советском Союзе разрешалось судебное преследование детей – 12-ти лет и старше. Тут уместно историческое отступление.

Не так давно была рассекречена запись встречи писателя Ромена Роллана со Сталиным в его кабинете в Кремле. Встреча состоялась 28 июня 1935 года. Сталин сказал, что рад побеседовать с величайшим мировым писателем. Ромен Роллан сожалел, что здоровье не позволило ему «раньше посетить этот великий мир, который является гордостью для всех нас». Странным образом эти комплименты не помешали французскому писателю напомнить, что в СССР недавно был опубликован закон о наказании малолетних преступников. Он посетовал, что «текст этого закона на Западе недостаточно известен, и даже если он известен, он вызывает серьёзные сомнения. Получается, что над этими детьми нависла смертельная казнь». Может быть, в этот момент бровь диктатора вопросительно поднялась и прогрессивно настроенный писатель спохватился: «Я хорошо понимаю мотивы… но публика не понимает. Это может быть источником очень большого движения протеста. Это нужно немедленно предотвратить». По контексту речи получалось, что предотвратить надо не введение закона, а отсутствие опровержений и разъяснений, которое как раз и плодит клевету на советский строй.

Нелепые пояснения Сталина, возможно, вынудили засекретить запись этой беседы. Впрочем, пусть читатель судит

сам:

Сталин. Может быть. Возможно, что вы правы. Конечно, можно было бы реагировать энергичнее на эти нелепые слухи… Теперь позвольте мне ответить на ваши замечания по поводу закона о наказаниях для детей с 12-летнего возраста. Этот декрет имеет чисто педагогическое значение. Мы хотели устрашить им не столько хулиганствующих детей, сколько организаторов хулиганства среди детей. Надо иметь в виду, что в наших школах обнаружены отдельные группы в 10–15 человек хулиганствующих мальчиков и девочек, которые ставят своей целью убивать или развращать наиболее хороших учеников и учениц, ударников и ударниц. Были случаи, когда такие хулиганские группы заманивали девочек к вмзрослым, там их спаивали и затем делали из них проституток. Были случаи, когда мальчиков, которые хорошо учатся в школе и являются ударниками, такая группа хулиганов топила в колодце, наносила им раны и всячески терроризировала их. При этом было обнаружено, что такие хулиганские детские шайки организуются и направляются бандитскими элементами из взрослых. Понятно, что Советское правительство не могло пройти мимо таких безобразий. Декрет издан для того, чтобы устрашить и дезорганизовать взрослых бандитов и уберечь наших детей от хулиганов. Обращаю ваше внимание, что одновременно с этим декретом, наряду с ним, мы издали постановление о том, что запрещается продавать, покупать и иметь у себя финские ножи и кинжалы.

Ромен Роллан. Но почему бы вам вот эти самые факты и не опубликовать? Тогда было бы ясно – почему этот декрет издан.

Сталин. Это не такое простое дело. В СССР имеется еще немало выбившихся из колеи бывших людей, жандармов, полицейских, царских чиновников, их детей и родных. Эти люди не привыкли к труду, они озлоблены и представляют готовую почву для преступлений. Мы опасаемся, что публикация о хулиганских похождениях и преступлениях указанного типа может подействовать на подобные выбитые из колеи элементы заразительно и может толкнуть их на преступления.

Ромен Роллан. Это верно, это верно.

Сталин. А могли ли мы дать разъяснение в том смысле, что этот декрет мы издали в педагогических целях, для предупреждения преступлений, для устрашения преступных элементов? Конечно, не могли, так как в таком случае закон потерял бы всякую силу в глазах преступников.

Ромен Роллан. Нет, конечно, не могли».

Вот такой диалог друга детей, вождя Страны Советов с величайшим мировым писателем состоялся в Кремле. Он отражал

отношение к детям пролетарского государства. Болгарские товарищи-коммунисты во второй половине сороковых годов спешно перестраивали жизнь страны. Это касалось и школ, и тюрем. Выслуживаясь перед Москвой, в данном случае, они проявили излишнее рвение. Но было дано соответствующее указание и вскоре Никиту выпустили из тюрьмы. Её он вновь решится посетить в разгар перестройки, в 1992 году, с разрешения болгарского министра внутренних дел. В этой поездке приняли участие советское телевидение и корреспондент «Советской культуры» в Софии Светлана Балашова, которая была инициатором этого посещения. Волнующий эпизод, когда бывший малолетний узник идёт по коридору этой тюрьмы, снимался кинооператором, благодаря чему стал фактом истории. Высокое здание без решёток. Экскурсию сопровождает полицейский чин. Никто не догадывается, что переживает в это мгновение высокий седовласый господин, с американским паспортом в кармане. В саму камеру, впрочем, князь не попал. Её тогда ремонтировали.

«Восток-запад»

Всякий раз, когда я заново смотрю фильм «Восток-Запад» с Катрин Денёв, у меня наворачиваются слёзы. В кадрах прибытия на Родину эмигрантов, заманенных сталинской пропагандой, при всей их нарочитости, я видел своего отца, у которого сразу отобрали аргентинский паспорт. Вот почему в аэропорту Шереметьево меня всегда охватывает страх. Мой сын называет это паранойей. Наверное, он прав! Тем не менее, тот эпизод из фильма, где главный герой вплавь выбирается из «советского рая», пока его в нейтральных водах не подбирает иностранный корабль, трогает меня по сегодняшний день. Я вновь и вновь задаю себе вопрос, как мог мой отец уехать из свободной Аргентины, страны с очень высоким тогда уровнем жизни, как он мог поддаться иллюзии, что сталинский режим в Советском Союзе строит новую счастливую жизнь? И как отец Никиты мог остаться ждать «освободителей», а не уйти на Запад?

Ответы на эти вопросы не так просты, как кажется. Американец Сай Фрумкин, с которым мы были хорошо знакомы, рассказывал, как накануне фашистской оккупации его старший брат приехал в Литву, чтобы уговорить семью бросить всё и уходить. Родители пожалели дом, двор, корову, прочую живность, и остались. Вскоре вся семья оказалась в Дахау Отец, мать, братья, сестры, все погибли. Чудом выжил лишь 14-летний Сай. В 1945 году узники Дахау – и Сай в том числе – были освобождены американскими войсками. Помню, как Сай в наших продолжительных беседах на его кухне в Лос-Анджелесе рассуждал о своей семье. Он с пониманием относился к трагическому решению родителей остаться – они же не предполагали, что речь шла о жизни и смерти.

Я ещё не был в Буэнос-Айресе и не пытался исследовать обстоятельства, в которых жил мой отец. Знаю только, что коммунистом он не был никогда. Но устоять перед соблазном увидеть новый мир и поехать строить социалистический Биробиджан, видимо, не сумел. Впрочем, в тридцатые годы на наживку сталинской пропаганды попадались и гораздо более искушённые люди. Скажем, те же Ромен Роллан, Бернард Шоу, Герберт Уэльс, Анри Барбюс, Рафаэль Альберти, много лет живший в Аргентине. Почти все они встречались со Сталиным. Об одной встрече – Ромена Ролана с кремлёвским вождём – я рассказал, но ни он, никто из западных «инженеров человеческих душ» до самой смерти так и не выступил с разоблачением диктатора. Так что не только мой наивный, как я думаю теперь,

отец, а весь мир верил в то, что Советский Союз строил новую невиданную жизнь!

Нет никаких данных, что отец Никиты оказался в плену подобных иллюзий. Но в таком случае, что задержало его в стране, которую вот-вот должны были оккупировать советские войска? Поверил, как тогда многие, что после победы над фашизмом, доставшейся такой ценой, Советский Союз несёт свободу и демократию? Надеялся, что всё обойдётся? Возможно. Только что же тут странного? Работая финансовым директором на итальянской фабрике, он обеспечивал своей семье безбедную жизнь. Правильно полагал, что перебравшись на Запад, найти работу ему будет весьма не просто. Не принимать в расчёт это житейское обстоятельство, которое могло породить иллюзию, что Советы его не тронут, никак нельзя. У Лобановых, живших в Софии, был уже тяжелейший опыт побега 20-летней давности. И теперь снова? Так что мы не можем судить наших родителей, не зная всех обстоятельств. Потому, возвращаясь к судьбе князя, вместо дальнейших предположений, скажу об удивительном совпадении.

У меня в архиве случайно сохранился отпечатанный на моей пишущей машинке «Эрика» текст очерка о князе, о котором упомянуто в предисловии. Тогда, в 1995 году, компьютера у меня не было. Потому считаю эти листочки настоящим документальным подтверждением: за несколько лет до выхода на экраны фильма «Восток-Запад» Никита Дмитриевич рассказывал о плане побега в Турцию вплавь. И теперь спустя десятилетия, я заново осмысливал подготовку Никиты к тому побегу, судьбу его матери.

Да, конечно, скандал на «мировом уровне» заставил смягчить тюремный режим для малолетнего узника. Ну, а что же эти самые органы проделали с матерью? Никита Дмитриевич показал мне протокол допроса её в военной тюрьме, который он получил в милиции в начале перестроечных времён в Софии. Приведу лишь отдельные вопросы и ответы из этого протокола от 29 ноября 1946 года:

Вопрос: Участвовали ли в каких-либо русских белоэмигрантских движениях в стране?

Ответ: Ни в Болгарии, ни во Франции я не участвовала в таких организациях.

Вопрос: Вас не интересуют организации ваших соотечественников?

Ответ: Нет.

Вопрос: В каком возрасте вы покинули Россию и каков был ваш дальнейший жизненный путь?

Ответ: Уехала я из России весной 1923 года (в *возрасте 12 лет. – Э.Г.)* с братьями Василием и Николаем Вырубовыми, дедом Николаем Галаховым, бабушкой Ольгой Галаховой и с тётей Кирой Галаховой. До отъезда из России мы все жили в Петрограде. Россию мы покинули нормально, с паспортами. Ехали поездом через Ригу, Берлин и до Парижа. Там мы поселились у моего отца, которого зовут Василий Васильевич Вырубов. Он управляющий имениями во Франции известной аргентинской семьи по фамилии Бенберг. Мои братья живы. Василий живёт в Аргентине, Николай в Париже. В 1934 году я познакомилась в Париже с Дмитрием Ивановичем Лобановым-Ростовским, за него я вышла замуж против желания моего отца. Через несколько месяцев после свадьбы я последовала за мужем и приехала в Болгарию.

Вопрос: Чем занимается ваш муж в Болгарии и какая у него месячная зарплата?

Ответ: Работал на фабрике «Фортуна», где дослужился до поста административного директора. Его месячный заработок, насколько я помню, 30–40 тысяч (получал 50 тысяч. – *Н.Л.)*…

Вопрос: Как вы организовали свой побег?

Ответ: Лично я не принимала никакого участия в организации побега. Идея и организация бегства были личным делом командира английского флота Джефри Мареско…

Вопрос: Какова роль полковника Уольбаха в вашем побеге?

Ответ: В одну из своих поездок в Швейцарию он отвёз моё письмо к отцу и привёз оттуда необходимую сумму, которую мы должны были заплатить как гонорар за нелегальный переход через границу/

Вопрос: Кто ещё знал о вашем бегстве?

Ответ: Генерал Оксли, майор Ноуль, майор Струмилло…

Вопрос: Как совершилось ваше бегство?

Ответ: 18 октября 1946 года, упакованные и готовые для путешествия, согласно инструкции командира Мареско, мы покинули Софию поездом в направлении Пловдива. Туда мы приехали на следующий день, 19-го утром. По указаниям командира Мареско, мой муж нашёл проводника, который должен был перевести нас через границу. Проводник сказал нам, чтобы мы пересели в поезд на Асеновград. В Асеновграде мы сели на автобус до деревни Чепеларе. Из Чепеларе мы ехали на телеге до города Смлян, откуда дорога ответвлялась к деревне Пампорово. До Пампорово проводник ехал отдельно от нас. И, по его указанию, мы делали вид, что не знакомы с ним. В Пампорово мы сошли с телеги и пошли пешком за проводником. Три ночи мы спали под открытым небом. На четвёртый день, утром, наш

проводник (мой муж и я знали его как жителя Софии Иордана Пеева и встречались с ним на различных приёмах) сообщил, что его напарник по этому делу был вынужден уехать в командировку, не дождавшись нас. И показал нам записку об этом. После этого он сам перевёл нас через границу и прошёл с нами около трёх километров по греческой территории. Там он нам сказал, что должен идти обратно. Тогда, по предварительному уговору между мужем и командиром Мареско, муж передал Пееву половину левовой купюры. Другая половина, с тем же номером, была у Мареско: это означало, что наш проводник Пеев перевёл нас через границу благополучно и имеет право получить от командира Мареско заранее оговоренное вознаграждение.

Около получаса после того, как Пеев ушёл по направлению к Болгарии, и потому, что мы были очень голодные и уставшие, мой муж оставил нас с сыном там, где мы остановились, и пошёл искать греческих солдат, которые могли бы нам помочь. Сразу же после этого мы услышали несколько выстрелов. Минут через 15–20 после ухода мужа появился болгарский поручик с двумя солдатами. Он подошёл и сказал, что они «нелегальные» и что мы должны следовать за ними. По дороге поручик спросил меня, где английская радиостанция. Я его попросила отвести нас к англичанам, которые знают о нашем прибытии в Грецию. Но, несмотря на то, что поручик назвал мне две незнакомые английские фамилии, вёл он нас на север, т. е. к Болгарии. Когда мы дошли до болгарского пограничного поста, я поняла, что поручик и солдаты не «нелегалы», а пограничники, и что мы в руках болгарских властей…

Вопрос: Что считал командир Мареско, есть ли в Болгарии диктатура и кем эта диктатура навязана?

Ответ: Командир Мареско говорил, что в Болгарии диктатура коммунистической партии.

Согласитесь, из этого протокола допроса не складывается впечатления, что военная тюрьма подавила княгиню, хотя она провела там уже месяц. Отвечая на вопросы следователей, она не ловчила, хотя беспокойство об 11-летнем сыне должно было сделать её истеричной и потерянной. Более того, её ответы кажутся излишне прямыми и бесхитростными. Похоже, у неё и мысли не возникло унизительно врать. Ответы содержат откровенное объяснение причин и осмысленное перечисление обстоятельств побега, его организаторов и участников. Тактика правильная, хотя бы потому, что здравый смысл подсказывал: из сообщений агентов почти всё известно и без неё.

В архивах КГБ Болгарии хранится папка, в которой

расшифрована фамилия агента под именем «Марина» – княгиня Ирина Васильевна Лобанова-Ростовская. Совсем нетрудно предположить, чем угрожали матери Никиты в тюрьме, чтобы она согласилась стать осведомителем. Отца его не смогли сломить и чем-то запугать. А с ней поступили иначе. Её посадили на длинный крючок – откажешься работать с нами, уничтожим сына (о судьбе мужа органы ничего не говорили ей). Так что осведомительскую роль княгиня приняла осмысленно, не думая, что поступается принципами, что её доброе имя будет попрано в глазах друзей, на которых она вынуждена писать доносы, выйдя на волю. При обстоятельствах, в которые её поставил диктаторский режим, всё заслонила идея – попытаться спасти сына. Друзья же поймут и простят!

Похоже, княгиня Ирина Васильевна в этих обстоятельствах и дала «подписку о сотрудничестве» в обмен на свободу. Её с мужем тогда выпустили из тюрьмы. Но преследования со стороны властей продолжались. Семья с трудом нашла комнату на окраине столицы. Родителей Никиты регулярно приглашали в местное ОВД, где капитан милиции требовал, чтобы те устроились на работу. При том, капитан, конечно, понимал, что никто не решился бы пристраивать у себя «врагов народа». Так продолжалось до того дня, когда отец Никиты посреди белого дня вдруг исчез. Это случилось 18 августа 1948 года, через 10 месяцев после выхода его из тюрьмы.

Спустя два с лишним года, в результате обращения в суд Ирины Васильевны Лобановой совместно с адвокатом Г.Гергиевым, появился судебный протокол от 25 декабря 1950 года, который официально объявлял об исчезновении Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского и постановлял считать его пропавшим.

Тогда уже во всю силу заработал приём «заложник». Теперь от *Марины* требовали агентурных донесений. Княгиня старалась упоминать в них малозначащие вещи или приводила уже наверняка известные факты. Так, ей пришлось описывать посещение дома их друзей Ратиевых, семьи из древнего рода грузинских князей Раташвили, за которыми велась слежка. То донесение *Марины,* датированное 1952 годом, спустя много лет отыскал сын Ратиевых, Леонид, делая выписку из их дела. Леонид и Никита оставались друзьями, зная о вынужденных доносах…

Сложнее обстояло дело с письменными донесениями *Марины,* касающимися иностранных дипломатов. С ними Лобановы общались, поскольку через них родственники из Парижа присылали посылки с вещами, которые продавались, чтобы купить продукты. Без этой помощи семья Лобановых, не имеющая

шанса получить работу, просто не выжила бы. Посылки приходили дипломатической почтой и потому встречи с представителями английской, американской и французской миссий в Софии происходили регулярно, что и делало *Марину* ценным агентом. Да, ей пришлось писать в донесении, что вице-консул французского посольства Кристофер Лопп занимается разведывательной деятельностью. Но это знали и без нее. КГБ имело хорошо развитую агентурную сеть разведчиков, «жучки» и другую прослушивающую аппаратуру, стоявшую в квартирах дипломатов. Отказавшись же описывать свои разговоры с тем же Лоппом, княгиня вновь рисковала бы не только собственной свободой, но и судьбой сына. Она должна была убеждать органы в своей лояльности, чтобы отвести подозрения в пособничестве иностранным шпионам, хотя бы в связи с тем самым Кристофером Лоппом.

Этот дипломат по просьбе деда Никиты, Василия Васильевича Вырубова, искавшего сведения о своей дочери и ее семье, в 1949 году сразу, как только прибыл в Софию, отыскал княжескую семью и поддерживал с ней отношения. Никита не только встречался с Лоппом, но и познакомил с ним своих приятелей. У княгини, игравшей роль агента *Мариныи,* был только один выход: сделать их встречи с дипломатами легальными, по заданию, а значит, разрешёнными органами. Это было мучительно, но иначе она не могла вывести из-под удара Никиту. Его в любой момент могли обвинить в связях с иностранцами, в спекуляции, фарцовке, в чём угодно, ведь Никита открыто, не таясь, приносил заграничные вещи для продажи даже в школу. В обмен на свободу сына она обязалась доносить о всех встречах, интересовавших власти. Как мне кажется, тут надо говорить не об уступчивости жертвы, а о преступности режима, вынуждающего своих граждан подписывать всё, что угодно из-за страха расправы властей с близкими.

Тема компромисса с тоталитарной властью проста лишь для экстремистов, революционеров. В жизни тех, кому пришлось жить в условиях тоталитарного режима, уступки власти неизбежны. Только надо различать границы, за которыми кончается вынужденный компромисс и начинается циничный торг, заурядное стукачество. Я думаю, если человек идёт на сговор с диктаторским режимом ради материальных благ, это постыдно, это коллаборационизм! Но совершенно другая ситуация, когда цена коллаборационизма – жизнь близких.

Да, я понимаю умозаключения Эммы Голдман, Айн Рэнд и других замечательных борцов за социальную справедливость и свободу не уступать преступному режиму, не идти на сговор с

ним. Кстати, эти женщины-борцы, как правило, благоразумно не заводили ни мужей, ни детей… Видимо, это обстоятельство позволяло им придерживаться крайних взглядов, утверждая, что диктаторские режимы возможны лишь благодаря покорности и уступкам граждан, соглашающихся сотрудничать с органами.

Но вернёмся к Никите, которого освободили из тюрьмы и… привели в дом его бывшей няни. Он был оборван до последней степени. Вместо одежды на нём был мешок из-под лука. В семье Елены Ивановны Иванюк едва сводили концы с концами. Няня теперь работала судомойкой в русском клубе. Муж её, бывший белый офицер, устроился ночным сторожем. Больше унизить семью власть уже не могла. Потому, наверное, няня ничего не боялась и сказала: 12-летний Никита будет нашим третьим ребёнком. Пошла по соседям и нашла ему что-то из одежды. Недоедали все члены семьи, включая дочерей, которые были постарше Никиты. Они-то за столом старались подложить ему свой кусочек в тарелку и принимали его, как младшего брата. Никита же бродил со своими сверстниками по улицам и собирал окурки, раздирал их, а затем продавал табак цыганам. Подрабатывал где и чем только мог, даже чистил ботинки новым господам – товарищам коммунистам.

– С полгода я жил в семье у моей бывшей няни, – вспоминает Никита Дмитриевич. – Никогда не забуду Елену Ивановну и её супруга, Николая Мироновича. У них каждая копейка была под учетом. Поэтому все то, что я выручал, шатаясь по улицам, шло в семейный бюджет. Больше всего я помню чувство голода. Есть хотелось всегда и везде. В магазинах шаром покати! Дошло до того, что промышлял, забираясь в чужие сады и огороды. Черный хлеб, вареная картошка, лук – вот вся еда! Селёдку к этому мы ели лишь раз в неделю. Изредка на стол попадала брынза. Советские оккупанты высасывали все то, на что могли положить лапы. Бедность всеобщая. Женщины без духов остались: солдатня Страны Советов их все скупала и тут же выпивала. Вот такие были времена!

Наконец, из тюрьмы вышли родители. Но жизнь сытнее не стала. Сохранились дневники Никиты той поры. В них главная тема: семья не имеет денег, не на что купить хлеб, уголь, самое необходимое. Голод и холод. Никита помнит, как воровал уголь. Шёл на железнодорожные пути с ребятами постарше и поджидал у поворота состав, гружёный углём. На ходу забирался в вагон и ногами сталкивал куски угля. Потом подбирал. Иногда все вместе ходили вдоль насыпи и собирали уголь, сваливавшийся из вагонов по ходу поезда. Но стрелочники, рабочие на путях всячески пресекали такие сборы. Это была их добыча! 1948 год

остался в памяти Никиты едва ли не самым страшным. Спустя 10 месяцев после выхода из тюрьмы, отец бесследно исчез. Жить стали ещё хуже – ведь отец нелегально подрабатывал переводами. Никаких сведений о нём семья не получала. Мать не принимали на работу. Если бы не подоспевшие посылки из Франции от тёти Киры Николаевны Галаховой и деда, которые стали передавать им с оказией, они бы не пережили ту зиму и весну.

Подошло время, когда надо было определяться с болгарской школой. Никита не хотел идти туда по многим причинам. Во-первых, он хорошо говорил по-русски, по-французски и по-английски. Даже лучше, чем по-болгарски. Одетый в заграничное, он отличался и внешне. Наконец, не мог смириться с правилом: всех учеников стригли наголо. В своих дневниках 1948 года Никита записал: «…Меня заставили в школе сбрить волосы на голове. Мне страшно неприятно так ходить». Поразительно, что у меня тоже осталось ужасное ощущение от этой школьной экзекуции – стрижки всех под одну гребёнку. Читая эти строки дневника, я вспоминал, что чувствовал себя буквально уродом. Голова моя отличалась продолговатым затылком, и эту особенность мои одноклассники отмечали обидными подзатыльниками.

Никита к тому времени сменил лохмотья на заграничную одежду, которую ему присылали из Парижа. Не знаю, как чувствовал себя юный князь в иностранных шмотках, но мне было некомфортно в классе – ведь я тоже носил что-то из редких американских посылок. Сохранились даже две детские фотографии, где мы с сестрой, по меркам того времени и той страны, одеты вычурно. Помню, кстати, как мы ездили всей семьёй делать эти фотографии для американского родственника. Отец отнёсся к этому походу очень серьёзно. Фотоателье располагалось в центре Москвы, неподалёку от Большого театра, куда он ходил изредка на балет или оперу, выстаивая многочасовые очереди за билетом. Помню, что в студии этого фотоателье было холодно. Мне повязали галстук и приладили ладонь к щеке, чтобы я изобразил задумчивость и при этом улыбался. Помню, как я в этой неестественной позе замер в ожидании вспышки и не моргая… А бедная мама возмущённо смотрела на отца и повторяла: «Зачем это?». Тем не менее, она же, когда я пошёл в первый класс, зачем-то сшила мне короткие до колен штаны и какую-то куртку. Такое в школе кроме меня, никто не носил!..

Посылки из США от брата отца были важной частью той бедной жизни. Они помогали продержаться нашей семье в послевоенные годы. Мать постоянно перешивала какие-то вещи

для меня и моей сестры. Из-за нищенской зарплаты отец работал по две смены. Его организм истощился до такой степени, что он еле дотянул до пенсионного возраста. Один из его приятелей говорил, что Советы эксплуатируют своих рабочих так, как не снилось капиталисту. С уходом же отца на пенсию семья едва сводила концы с концами. Мы жили в бараке до 1956 года. Помню, как наивный отец, пробуя выбраться из барака накануне приезда брата, записался на приём к секретарю райкома, чтобы сказать: он, хотя и беспартийный рабочий, но думает, что нельзя компрометировать Советский Союз и показывать Америке в лице его брата этот аварийный барак. Потому и просит секретаря райкома дать указание переселить его с семьёй немедленно. На что секретарь райкома беспартийному рабочему ответил: «Америка знает, что у нас пока трудно с жильём!»… В конце концов, аварийный барак пошёл на слом. Нас, в числе других жильцов, переселили в пятиэтажный дом. Но тут возникла проблема – у нас не было холодильника, ведь в бараке продукты мы хранили в подполе. Купить холодильник мы смогли лишь после распродажи одной из посылок американского дяди.

В случае с юным князем вопрос что надевать был вторичным. Когда Никита вновь стал школьником, в Болгарии только-только ввели советскую систему образования. Взамен прежних школ с 12-летним обучением появились десятилетки. Проблем со школьными дисциплинами у Никиты, тем не менее, не было. Он преуспевал по всем предметам, за исключением политических наук. Ему приходилось вместе со всеми изучать историю партии русских большевиков и, отвечая на уроках, произносить автоматически всё, что читал в учебниках. Одна из преподавателей пожаловалась матери Никиты: «Мальчик слушает внимательно, когда я объясняю. Но когда вижу его глаза, мне кажется, он смеётся над всем, что я говорю». Нет, он не смеялся, конечно, а просто жил так, как система хотела: двойной жизнью. Ведь он был сын «врага народа». Они с матерью покупали этой двойной жизнью право снова не оказаться в тюрьме. Из всех видов спорта, предлагаемых школой, Никита выбрал плавание.

– То, что я отсидел, меня покорежило, но появилась воля. Я понял, что силой воли и трудом можно многого добиться. Я стал заниматься плаванием по своей программе. Если школьная команда тренировалась шесть дней в неделю, то я себе не разрешал отдыхать ни одного дня. Я ходил в центральный бассейн в Софии, покупал билет и плавал ещё и по воскресеньям. Вначале я не был самым крепким пловцом. Но благодаря постоянной тренировке вскоре стал чемпионом Болгарии среди юношей. Никто из моих товарищей не догадывался: я выбрал

плавание, чтобы бежать. Поэтому с наступлением сезона тренировался ещё и в море. Я всё подсчитал: мне нужно было проплыть три мили перпендикулярно берегу, потом шесть миль вдоль берега и три мили обратно к берегу, уже турецкому…

Никита упорно шёл к своей цели все годы учёбы и решил осуществить намеченное сразу, как только закончит школу. Пока же увлекался не только спортом, но и геологией. Позже это увлечение сыграет решающую роль при поступлении его в Оксфордский университет. Порой, бессознательно, он готовил себя к главному прыжку, который определит всю его жизнь – к эмиграции.

Он накапливал знания в самых различных областях, в том числе музыке. Кстати, Никита вырос на классическом оперном репертуаре. В пять лет родители впервые привели его на оперу Сметаны «Проданная невеста», а затем на «Аиду» Верди. Этот серьёзный репертуар привил мальчику любовь к опере на всю жизнь. В 18 лет Никита был не только всесторонне образованным, но и физически окрепшим. А главное, он действительно выработал в себе к этому времени сильный характер.

Март 1953 года. В день, когда умер Сталин, Никита был у своего приятеля, Любомира Левчева. По его предложению, решили послушать Лондон, радио Би-би-си. Отсюда узнали, что происходило в Советском Союзе после кончины тирана. Что-то должно было поменяться в мире. А вдруг удастся всё-таки покинуть родину без нового побега, официально. Ведь в противном случае он должен будет оставить в Софии больную мать.

С мыслью уехать Никита жил все время после выхода из тюрьмы. Тюрьма ожесточила его и сделала непримиримым противником Советов. Он был осторожен, но всё-таки, что называется, «играл ва-банк»: открыто встречался с иностранцами, ходил в гости к дипломатам. Ему дали возможность закончить школу. Но теперь угроза ареста висела над ним вполне реально.

– Вырваться из Болгарии было не просто: никто из официальных лиц не собирался помогать семье репрессированного белоэмигранта. Мой дядя, Николай Васильевич Вырубов, обратился во французское Министерство иностранных дел с просьбой выдать сестре французский паспорт. Благодаря его военным заслугам, Министерство указало французскому послу в Софии выдать паспорт маме. У меня не было никаких документов. Я был просто вписан в паспорт матери…

Сделаю отступление. Тема беспаспортности мне очень понятна. В Англию я въехал по советскому паспорту. И, просрочив

срок туристической визы, старался его нигде не показывать. Английские юристы пробовали доказать эмиграционным властям невозможность моего возвращения в Советский Союз. А я жил по временному пропуску корреспондента «Русской службы» Би-би-си. Этот пропуск, обновлявшийся каждые три месяца, был моим единственным документом. Пропуск корреспондента Би-би-си я предъявлял не только при посещении выставочных залов, галерей, музеев, дворцов, вечеров, но даже в банке. Пропуск помог мне записаться в читальный зал Лондонского университета.

Когда мой добрый приятель Саша Донде, руководитель отдела Би-би-си, привёл меня в библиотеку факультета славянских языков Лондонского университета, это стало для меня настоящим шоком. На полках в открытом доступе стояли полные комплекты диссидентских журналов «Грани», «22», «Страна и мир», «Время и мы», «Континент», «Синтаксис». Там я нашёл роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Солженицына я прочитал в «самиздате», а вот Гроссмана не успел. Его издали в СССР, когда я уже уехал. На Би-би-си в «Русской службе» я познакомился с Игорем Голомштоком, помогавшим переправлять в Англию и перевести на английский этот великий роман… Всё это случалось в моей жизни благодаря жёлтой карточке корреспондента Би-би-си, которая хранится у меня. Ведь благодаря этому пропуску я получил в Британской библиотеке читательский билет сроком на пять лет. Это был ещё один документ в мои первые годы эмиграции. Других у меня не было.

Но вернёмся к рассказу Никиты Дмитриевича.

– Итак, формально мы с мамой теперь имели право покинуть страну. Но, несмотря на это, нас не выпускали. Помог случай. В то время в Софии послом был Жак Арал Парис, а его замом – Ромен Гари, участник «Сопротивления», соратник генерала де Голля, известный французский писатель. После войны де Голль ввел в МИД и на другие ключевые посты своих друзей, проверенных на войне. Гари узнал, что Болгария купила – по аккредитиву – у французского завода «Шнедер» два электрических локомотива, которые должны были быть доставлены в Софию через разделенную на зоны союзников Вену. Железная дорога как раз проходила на «французской» территории. Гари знал наши проблемы. В Софии, кроме нас, было еще четверо французских граждан, которых тоже не выпускало болгарское правительство. Поэтому он воспользовался возможностью, позвонил своему коллеге в Вену и попросил задержать локомотивы: есть, дескать, ошибка в аккредитиве. Кто посмеет проверять соратника де Голля? Посол в Вене задержал

локомотивы. Через три дня МИД Болгарии послал своего представителя к Гари спросить: как насчет локомотивов? Гари ответил: «А как насчет французских граждан в Софии?» Болгары поняли… Нам дали 48 часов на сборы. Дедушка в Париже купил нам билет на «Восточный экспресс».

Так Никита очутился в Париже.

– В Париже мы с мамой, – вспоминает князь, – поселились у деда и жили за счёт его щедрости. Но дед уже был пожилым и мы не могли рассчитывать на него. Мне надо было выбирать свой путь. Дедушка полагал, что мне надо остаться во Франции и выучиться на юриста. Я думал иначе и мечтал стать геологом…

Никита ещё в детстве собирал разноцветные камушки на склоне горы, когда вместе с родителями отправлялся в поход на выходные. Отец заметил интерес и подарил ему книгу академика А.Е.Ферсмана «Занимательная минералогия» с цветными иллюстрациями и описанием минералов. Книги, выходящие в этой серии, такие, как «Занимательная химия», «Занимательная математика» и прочее, были очень популярны в то время в Москве. Похоже, благодаря этой книге загадочный мир минералов навсегда заворожил подростка. В его коллекции искрились кристаллы кварца, горного хрусталя, полевого шпата, зеленые вкрапления малахита, переливающиеся всеми цветами образцы горных пород. Не исключено, что именно цвета этих минералов были первым ещё неосознанным толчком и к пониманию цвета и света в живописи, что очень помогло в формировании коллекции русской театральной живописи.

Конечно, до коллекционирования картин было ещё очень далеко! А вот важные шаги к тому, чтобы стать профессиональным геологом, как выяснилось позже, Никита сделал. Старшеклассником он совершал множество экскурсий в поисках новых образцов для своей коллекции минералов. Но, в отличие от других, не ходил в экскурсии ради прогулки на свежем воздухе. Тогда уже его товарищи заметили, что он отличался редкой цельностью характера. Найти недостающий минерал – это понятно, а просто гулять на солнце, любоваться природой – на это он не тратил время! Один из приятелей оставил запись о школьном походе в город Якоруда: «Когда мы сели на поезд, шедший по узкоколейке, …стояла солнечная погода. На вокзале Никита исследовал содержимое насыпи вдоль железной дороги и нашёл кусок пирита. Все мы ему завидовали…».

В дневнике 14-летнего Никиты зафиксированы наблюдения настоящего участника геологической партии: «…перед Искар-

ским ущельем я заметил зонды, и мне сказали, что там ищут уголь… Очень ясно был виден состав гор: «красный песочник», или бундзендштейн, как его называют в Германии. Через час бундзендштейн начал заменяться глиной, которая очень сильно прессована и содержит углерод. Из неё делали раньше классные доски… Продолжая путь по той же самой дороге, мы пришли на первую каменоломню… Там можно было найти правоклинные кристаллики кварца, а в последней каменоломне были уже руды: халькопирит, малахит, гематит и много других… Потом мы пошли в противоположную сторону, дошли до одного притока Искры и поднялись по нему около 200 метров. Тут мы остановились. Профессор Костов предложил некоторым подняться еще выше и найти одну гематитовую мину. Но мой ранец был уже полон…»

Так что к моменту эмиграции у Никиты как будто всё было порядке и с характером, и с геологией. Но, следуя его воспоминаниям, выясняется, что очутившись в Париже, он почувствовал недостаток знаний, который предстояло компенсировать. В болгарской школе главное внимание обращалось на марксистское обучение учащихся, в ущерб другим предметам.

– Это я сразу обнаружил в Англии, где провёл зиму и весну 1954 года. По приглашению крёстной матери, Катерины Ридлей, внучки последнего царского посла в Лондоне Бенкендорфа, я приехал в Оксфорд, познакомился с университетом и утвердился в решении поступать на геологический факультет, вопреки желанию дедушки. В марте 1954 года, на ужине у крёстной присутствовал сэр Исайя Берлин. Её муж, Женя Ламперт, занимался философией, читал лекции о Бердяеве. Надо полагать, именно это обстоятельство и сблизило Женю с сэром. Во время ужина Берлин заметил, что Оксфорд, несомненно, место чрезвычайно привлекательное для молодого интеллектуала. Это естественное человеческое свойство – сходиться, беседовать, в общем, приятно проводить время. По устройству жизни оксфордские студенты просто заходят «на огонёк» и болтают. Таким образом, можно провести время приятно и для некоторых очень интересно. Но если человек хочет что-то в жизни сделать, оставить след какой-то, то неизбежны жертвы. Среди студенчества это приводит к непопулярности, ведь нужно целеустремлённо избегать вечеринок, встреч и бесед. Ежели заниматься самым главным, т. е. учёбой, приходится сидеть в библиотеке или в своей комнате, грызть гранит науки…

Тот разговор Никита запомнил очень хорошо. И не только потому, что в таком виде зафиксировал его в своём дневнике, но

и потому, что слова Берлина попали в точку. Это был добрый совет, который пригодился ему и в процессе подготовки к вступительным экзаменам, и когда он уже окончательно перебрался в Оксфорд…

Оксфорд

Рассказ об утверждении князя в новой среде, в Оксфорде, предварю очередной параллелью. Четверть века я наблюдаю бывших соотечественников, которые начинают эмиграцию с того, что прячут свои дипломы инженеров, врачей, журналистов и нанимаются рабочими, продавцами, официантами. В своих воспоминаниях едва ли не все мои собратья-литераторы с гордостью сообщают об этих подвигах. Я, кстати, тоже, до того, как начал сотрудничать в «Русской службе» Би-би-си и преподавать, подрабатывал на бензоколонке, разносил рекламные газеты и журналы. С дипломом литератора и журналиста пришлось думать о том, как выжить, а не пробиваться, используя свои знания, опыт. Замечу, Англия – наиболее терпимая к эмигрантам страна. Но я не использовал эту фору. И в итоге упустил множество возможностей. В частности, один из моих новых знакомых, профессор Лондонского университета Арнольд Макмиллан, благоволивший ко мне, попробовал помочь получить должность преподавателя на факультете славянских языков. Но Университетская Комиссия не пропустила меня из-за слабого знания английского.

Совершенно по-другому повёл себя Никита. И вовсе не потому, что он знатного происхождения, моложе, формировался в англосаксонской традиции, имел в запасе четыре языка. Знания, сами по себе, очень нужны. Они – не главное для успешной эмиграции. В памяти у меня осталась очень образованная филолог, защитившая в Москве диссертацию, эмигрировавшая в США с прекрасным английским. Но по сей день она служит секретарём при начальстве в гостинице исключительно из-за своей инертности. На примере же Никиты можно утверждать, что главное – характер, воля, умение учиться, быстро перестраиваться, адаптироваться в новой среде.

Впрочем доверимся воспоминаниям юного князя.

– Летом 54-го года мы с мамой жили на даче дедушки. Там я занимался без всякого преувеличения, день и ночь, потому что при поступлении в Оксфорд, помимо безупречного английского языка, требовалось знание латыни. Дедушка нашёл репетитора-священника в соседней деревне. К нему я всё лето ездил на велосипеде. Зубрил целыми днями все дисциплины, по которым надо было проходить собеседования и сдавать вступительные экзамены. Четыре месяца занятий принесли плоды. Незадолго до приёмных экзаменов, во время ужина в доме у крёстной, я немало удивил сидевших за столом, когда свободно изъяснялся на

латыни…

Став же студентом, Никита с первого дня учился без всякого отдыха. Дело доходило до того, что он даже оставался в Оксфорде на каникулы. Договаривался с охранниками, которые пускали его с приятелем в помещения факультета геологии по воскресным дням. Таким же образом исхитрялся попадать в библиотеку в дни и часы, когда она была закрыта для всех. Никита откровенно игнорировал студенческие попойки. Он держался особняком. Кстати, предметом зависти в студенческой среде стало… и его жильё. Опоздав с подачей заявления о поступлении в университет, он с опозданием получил уведомление о зачислении его студентом.

Прибыв в Оксфорд, обнаружилось, что все места в общежитии геологического факультета уже заняты. Оставалась свободной на самом верху лишь двухкомнатная квартира с ванной только что ушедшего в мир иной настоятеля местной церкви. Туда и поселили Никиту, что выглядело, конечно, не очень справедливо! Все студенты перед завтраком бежали через двор в общий умывальник или обтирались снегом, а у Никиты была собственная настоящая ванная! Эта ситуация настораживала окружающих и давала ему возможность держаться в стороне от обычных студенческих сходок. Впрочем, такая настороженность и сдержанность была Никите на руку в первый год учёбы. Ведь вызывал подозрение и сам вопрос, почему он, эмигрант из Болгарии, был зачислен студентом. Это ему удалось узнать много лет спустя.

– В 1994 году, – вспоминает Никита Дмитриевич, – во время обеда в «Гарик», лондонском клубе деятелей искусства, актёров и писателей, куда Исайя Менделевич пригласил нас с Ниной, я, как-то между прочим, сказал: «Знаете, я совершенно не понимаю и теперь, как мне удалось получить стипендию в Оксфорде в 54-м!». Берлин ответил вдруг: «Я очень хорошо знаю, почему вы получили эту стипендию. Я был членом жюри. И прекрасно помню этот случай, потому что претендентов было 25 человек. Часть из них была кандидатами на такие специальности, как история, правоведение, политология, философия, экономика, языки, – только один человек хотел стать инженером. Мы обсуждали, кто из наших кандидатов будет наименьшим бременем для британской казны, если решит остаться в Великобритании. И все мы единодушно проголосовали за инженера, потому что у инженеров в любое время бывает работа, хорошо или плохо оплачиваемая, а значит, им не требуется пособие по безработице». Помню, я был ужасно шокирован таким ответом, потому что полагал: знания, моя подготовка сыграли

решающую роль! Иначе мне не предоставили бы возможность учиться в Оксфорде на эту стипендию. Этот циничный прагматизм меня возмутил и я сказал Исайе Менделевичу, что за такое решение, например, в парижской Сорбонне всех профессоров – членов жюри просто выставили бы с работы. Во Франции меркантильная формулировка невозможна…

Князь вспоминает о сэре Берлине, как об очень добром, но и весьма прагматичном человеке. Об этом его учёные коллеги обычно умалчивают. Никита Дмитриевич приводит примеры щедрости этого необыкновенного человека. В частности, купленный им дом в тихом районе Лондона на 39 Чел си Парк Гарденс, который он отдал в пожизненное пользование овдовевшей Саломее Николаевне Гальперн (урождённая Андроникашвили). Лишь после её кончины он продал этот дом, так как жил в Оксфорде и в нём не нуждался. За ним оставалась и его холостяцкая квартира в известном доме Олбани на Пикадилли. Исайя Менделевич сокрушался, что за неё пришлось платить большой налог с неожиданной прибыли: за 30 лет дом подорожал…

Спустя много лет Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский в знак признательности за помощь, которую он получил тогда в Оксфорде, основал фонд при колледже Крайст-Черч, в котором учился. Доход с этого фонда даёт возможность одному студенту, преимущественно из России (а если такого не окажется, то из Восточной Европы), изучать любую из естественных наук в Оксфорде. Фонд основан i naeternum (на веки веков)…

Молодой князь занимался усердно. Но при этом стал находить время и для светской жизни. Благодаря общительному характеру, он быстро обзавелся широким кругом друзей и подружек. В этом, впрочем, ему содействовала семья Исайи Менделевича. К Никите очень тепло отнеслась его жена, Айлин Гинзбург, дочь барона Пьера Гинзбурга, весьма состоятельная и влиятельная дама. Сам Исайя Берлин был в то время значительной фигурой в научном мире. Несколько лет подряд его избирали Президентом Британской академии наук. И даже теперь, когда специалисты скептически относятся к нему, как философу «логического позитивизма», сэр Берлин остался известным историческим деятелем. И не в последнюю очередь, благодаря тому, что его биография тесно связана с Россией. В 1921 году он с родителями эмигрировал оттуда в Англию. Большая часть его жизни прошла в Оксфорде, где он преподавал с 1932 года. Во время второй мировой войны Исайя Берлин работал в британской службе информации в США, затем получил назначение 2-м секретарём британского посольства в СССР.

Известно, что Черчилль высоко ценил его информацию об этой стране.

Находясь в Советском Союзе, Исайя Берлин встречался в Москве с Борисом Пастернаком, и в Ленинграде с опальной поэтессой Анной Ахматовой. Есть обширная литература и серьёзные доказательства, что эти встречи трагически отразились на судьбе сына Анны Ахматовой, отправленного в тюрьму. Во всяком случае, Советы шельмовали поэтессу именно после той встречи с Исайей Берлином…

Никита тяжело переживал болезнь и кончину матери (княгиня Ирина Васильевна Вырубова умерла в Париже, спустя три года после их эмиграции). В семье Исайи Менделевича, очевидно, проводили прямые параллели между драмой в семье Ахматовой и тем, что пережил юный князь со своей матерью в Болгарии. Там не могли не обсуждать факт: если бы не согласие на «осведомительскую» обязанность, которую взвалила на себя мать, чтобы отвести угрозу от сына, компетентные органы Болгарии объявили бы Никиту шпионом и вторично упекли в застенок. Наверное, эта драма была одной из причин, по которой Никиту часто приглашали в семью Берлиных. Здесь он был, что называется, обласкан. К тому же, Мишель Штраус, сын Айлин от первого брака, также учившийся в Оксфордском университете, подружился с Никитой. Очень скоро их объединил интерес к живописи, превративший Мишеля в профессионала – спустя много лет он стал ведущим специалистом по импрессионизму в аукционном доме «Сотби». В процессе сближения добавилась одна забавная деталь: парижский дом Айлин и особняк, где жил дядя Никиты Николай Васильевич Вырубов, сыгравший решающую роль в их эмиграции с матерью, стояли бок о бок, № 52 и № 54, на одной улице, авеню д'Йена. Сэр Берлин был третьим мужем Айлин (второй раз она была замужем за другом Штрауса, известным физиком Хансом Халбаном).

Так или иначе, об этой семье князь вспоминает с благодарностью.

– Когда мы оказывались вдвоём с Исайей Менделевичем, то говорили по-английски, в русскоязычном обществе переходили на русский. С Айлен я говорил по-французски. У Айлен было замечательное имение под названием Хедингтон Фарм. Там были охотничьи угодья, где сами Берлины не охотились. Они разрешили мне охотиться на этих землях. В моей очень и очень скромной жизни это стало подспорьем. В голодные студенческие годы охота стала источником пищи. Я не забыл вкус похлёбки из диких голубей. Айлен даже разрешала мне приглашать друзей на эту охоту. А друзья, в свою очередь, приглашали меня. Таким

образом, благодаря Айлен, я стрелял голубей, фазанов и куропаток в разных поместьях по всему Соединённому Королевству.

Конечно, происхождение Никиты помогало ему в освоении английского образа жизни. Но было бы несправедливым думать, что он вошёл в высший свет исключительно этому обстоятельству. Прямых родственников, которые помогали бы ему, в Англии не было. Дальняя родственница по отцу, двоюродная тётя, до революции вышла замуж за англичанина, но к моменту переезда Никиты, она уже умерла. И рассчитывать Никите, по большому счёту, приходилось только на себя. Он входил в свет благодаря открытому характеру, упорству в учёбе, неприхотливости, интересу к живописи, живому уму, вкусу, наконец, знанию языков. Не надо думать, что тут всё у него проходило гладко.

Никита уже жил в Оксфорде больше года, когда Марина, герцогиня Кентская (дочь великой княгини Елены Владимировны и правнучка Александра II) пригласила его к себе на чай. Приехав на поезде из Оксфорда в Лондон, Никита подошёл к Кенсингтонскому дворцу со стороны парка. В то время дворцовая ограда из железных прутьев была вышиной не более метра, а не как сейчас в 2,5…

Маленькое отступление! Я ту ограду хорошо помню. Её сменили из-за массового паломничества к Кенсингтонскому дворцу после гибели принцессы Дианы в 1997 году. Тогда я жил неподалёку, и мы с моей семилетней дочерью ходили к дворцу чуть ли не всю неделю, пока вдруг воскресным днём она не засела за письмо. С одной стороны написала по-русски: «Диана, по тебе скучают твои дети». И подписалась: «Сандра». А с другой стороны листа по-английски: «Бог, пошли нам такую же принцессу, как Диана!». Раскрасила его фломастерами, запечатала в конверт с изображением принцессы и с букетиком цветов положила к центральным воротам дворца. Успокоилась она лишь после того, как из ворот вышел служащий и забрал её конверт, вместе с десятками других…

Но вернёмся к тому, что произошло у дворца с Никитой. Подойдя к ограде, студент посмотрел, нет ли кого-нибудь в саду, чтобы уточнить, где ворота во дворец. Подождал для приличия какое-то время, а затем, никого так и не приметив, легко перескочил через ограду. Здравый смысл ему показался важнее принятых правил. Он уже уверенно шагал вдоль здания дворца в поисках входа, как вдруг из кустов выскочил полицейский и остановил злоумышленника.

Тут опять не удержусь от комментария. Это была одна из

ошибок эмигранта из-за плохого знания обычаев английской жизни. Я столько раз попадал в неловкие ситуации, что искренне могу посочувствовать князю. Мне, к примеру, всегда казалось, что приходить в гости надо точно в назначенное время. Лишь Колин Туброн, мой первый студент, ставший за четверть века другом, смирился с тем, что я прихожу точно в назначенное время. Его иронию: по тебе можно сверять часы на Биг-Бен, поначалу я воспринимал как одобрение моей пунктуальности. Позже догадался, что в английской традиции вежливо именно опоздать, чтобы дать возможность хозяевам что-то сделать в последнюю минуту, приготовиться к приёму гостей. Поначалу я иронизировал и над английской традицией – договариваться о встрече за месяц. Ведь я привык, что мы, русские, запросто заходим друг к другу. Но лишь потом оценил, что эта традиция помогает организовать время, не нарушать планы, строить свою жизнь и жизнь семьи осмысленно. Я считал скучной рутиной английскую традицию на следующий день после визита посылать хозяевам открытку с благодарностью за прекрасный ужин.

Наконец, пришлось освоить, что если тебя приглашают или ты приглашаешь на чай, обильная еда (борщ, котлета, даже сэндвич) вызывает недоумение. Все эти премудрости английской жизни давались мне не сразу. Русскому уху непривычны в каждой фразе «пожалуйста» и «спасибо». В очень престижной детской клинике, жаловались педиатры, родители русских детей – самые грубые, нетерпеливые, истеричные и искренне не понимают, почему медперсоналу и докторам тут принято говорить «спасибо»! Какое спасибо, если лечить – их обязанность, которая, к тому же, щедро оплачивается!..

Но вернёмся в Кенсингтонский дворец.

– Полицейский, – вспоминает Никита Дмитриевич, – отвёл меня в комнату охранников. А там меня стали допрашивать. Я сказал, что пришёл на чай по приглашению герцогини, на что мне разумно возразили, что зачем же тогда надо было прыгать через ограду. Ответ мой показался им не очень убедительным. Они позвонили герцогине и, в конце концов, впустили меня во дворец. К моей большой радости, герцогиня Марина была занята беседой с Артуром Рубинштейном, который ей что-то оживлённо рассказывал, а затем сел за рояль и стал божественно исполнять Шопена. Это помогло мне замять неловкость моего нетрадиционного прихода и объяснения. Я подсел к её дочери, принцессе Александре, и стал ей рассказывать о своём первом годе учёбы в Оксфорде. Спустя полчаса к нам присоединилась двоюродная сестра Александры, княгиня Елизавета Павловна Югославская (дочь Ольги, сестры Марины). Я пригласил их обеих

в следующую субботу в Оксфорд на скачки. Обе приехали. Александра решила возвратиться в тот же день, а Елизавета осталась ночевать в гостиной в доме моей крестной, у которой я к тому времени снимал комнату…

Теперь пришло время рассказать о знаменательном дне, когда крёстная мать, Катерина Ридлей, взяла с собой в Лондон молодого князя на великолепную выставку, посвященную «Сезонам русского балета» Сергея Дягилева. До этой выставки Никите, жившему в Болгарии, в картинных галереях бывать не приходилось. Их в Софии попросту не было. Он посещал балет, оперу, драматические театры, а до изобразительного искусства дело так и не дошло. Между тем, можно считать, замечательный коллекционер Лобанов-Ростовский, без преувеличений, родился именно на этой выставке. Вот его свидетельство:

– Я был поражён красотою того, что мне пришлось увидеть: этой театральностью, буйством лубочных цветов, всей этой «русскостью», что имела такое важное значение для моих всё-таки «не западных» глаз. Как зачарованный смотрел я на эти работы и как-то в один миг решил, что в моей жизни обязательно настанет такой прекрасный день, когда подобные работы станут моими.

Во время одной из наших встреч с Никитой Дмитриевичем я не скрыл своё удивление: откуда такой мощный сигнал не просто наслаждения высоким искусством, а желания приобрести. Конечно, он знал, что русские писатели и композиторы оказали огромное влияние на западноевропейскую литературу и музыку Никита Дмитриевич не представлял себе, что частью этого влияния было также изобразительное искусство, а именно, иконопись, театральный дизайн и авангард. И вот теперь, обогащенный этим новым знанием, он вдруг почувствовал: хочу не только видеть, но иметь!

Кто знает, может быть, идею владения произведениями живописи подогревала дружба с сестрами Бориса Пастернака – Лидией (в замужестве Слейтер) и Жозефиной (в замужестве сохранила фамилию Пастернак), живших в Оксфорде. Они познакомили Никиту с искусством их отца, русского импрессиониста Леонида Пастернака. Бывая у них в годы студенчества, он любовался картинами, развешанными в доме. Кстати, дружба эта имела продолжение. Когда Никита женился, сестры преподнесли ему гравюру Л.Пастернака «Автопортрет» с дарственной надписью от Лидии и Жозефины Пастернак: «Н.Лобанову как свадебный подарок»…

В девятнадцать лет, без копейки денег, студент, мечтавший обладать понравившимися ему предметами русского искусства,

вернулся в Оксфорд. Обстановка студенческого города, история которого насчитывает восемь веков, с его серыми зданиями колледжей, каждый своеобразной архитектуры, с обширными парками, в которых спокойно бродят олени, со строгими университетскими правилами и средневековыми церемониалами, возможно могла пробуждать желание обладать сокровищами мира, познать тайны истории, искусства. Но ведь была и проза жизни. В этом всё дело! Можно восхититься дерзостью этой мечты (которая все же сбылась), если принять во внимание, что спустя девять лет после войны, в тогдашней Англии сохранялись продовольственные карточки на мясо и сахар. В ресторанах со столов убрали сахарницы. Во всей Англии была одна ресторанная сеть, Lyons Corner House, которая только-только возобновила довоенное правило – оставлять сахар на столах. В глазах студентов, по воспоминаниям Никиты, эти рестораны отличались особой щедростью ещё и потому, что в них подавали чай в больших чашках. Сахар имеет свойство: в стакане чая можно растворить… стакан сахара, что помогало насытиться и спасало от чувства голода.

Завершая же рассказ о студенческих годах князя, хотелось бы подчеркнуть суровую прозу той жизни. При всём том, что мир после смерти Сталина менялся, антисоветские настроения князь не скрывал. В колледже знали, как он и его семья пострадали от Советов. Весной 1956 года новые лидеры Советского Союза Булганин и Хрущёв по приглашению британского правительства решили поехать на Запад и своими глазами посмотреть, что там происходит. Со времён Ленина никто из советских вождей «за рубежом» не бывал. Сталин побывал лишь на конференциях в Тегеране и Потсдаме. В апреле стало известно, что Булганин и Хрущёв должны навестить и осмотреть колледж Крайс-Черч.

– Накануне визита, – вспоминает князь, – администрация колледжа сообщила мне, что я должен уехать из Оксфорда на два дня. Помимо этого с меня взяли обещание не предпринимать никаких действий, которые могли нарушить гармонию визита советских лидеров в Оксфорд. Но и без меня им досталось. В моих архивах сохранилось описание этого визита одним журналистом: «…В Оксфорде оба были восторженно приняты студентами, которые скандировали: «Poor om uncle Joe!» («Бедный старый дядюшка Джо!»). С лёгкой руки Уинстона Черчилля шутливое прозвище «Дядюшка Джо» так и закрепилось за И.В.Сталиным. Он об этом знал и поначалу обижался, а потом привык. Оба советских лидера, не понимавшие ни слова по-английски, счастливо улыбались и дружелюбно приветствовали студентов, которые продолжали весело скандировать одну и ту же

фразу: «Poor om uncle Joe!». Улыбки моментально исчезли с лиц русских лидеров, когда им сообщили о содержании озорных выкриков хором «коварных» английских студентов».

Вернувшись в Оксфорд после фактически двухдневной ссылки, Никита ещё застал в одном из зданий университета бюсты ректоров и знаменитых учёных, загримированных так, что они походили на тирана, исчезнувшего три года назад, нахмуренного, в усищах и с наградами на груди…

Годы учёбы в Оксфорде не только определили круг интересов и друзей, но и выковали характер молодого князя. Успешно окончив Оксфордский университет в 1958 году и получив диплом инженера, он покидает Англию с целью «завоевать» Америку.

Америка

Никита принимает решение продолжить образование в США. Дело в том, что в Европе практически не было возможности устроиться работать геологом. В Америке же найти работу геологоразведчика казалось проще. И не столько из-за масштабов, сколько из-за особенностей законодательства: в США всё, что находится под землёй, принадлежит владельцу поверхности земли. Потому разведка ископаемых стала настоящей индустрией.

С дипломом инженера 23-летний князь получил спонсорскую стипендию: в те годы Америка собирала лучшие умы по всему миру. Следовало лишь ответить на вопросы специальной анкеты. Никита из 100 вопросов ответил на 98 и был принят на геологический факультет Колумбийского университета в Нью-Йорке. Этот факультет специализировался в области экономической геологии (геологии разработки рудных месторождений).

В Нью-Йорке князь, обладая опытом светской жизни, легко вошёл в элитарный круг людей, интересующихся искусством. Американское общество показалось ему с его амбициями гораздо более динамичным, особенно в деловой сфере.

– Мне хотелось не только мечтать, но и осуществить мечты, – рассказывает Никита Дмитриевич. – Соединённые Штаты и тогда, в 60-е годы, и теперь, в новом веке, остаются страной невероятных возможностей. Я выбрал Америку, страну, где сложности жизни для меня были скорее вызовом, чем препятствием. Цель была проста – преуспеть или пропасть. Тем более, что идея собирательства произведений искусства не только не исчезла, а окрепла во мне. При этом, по своей природе, очевидно, родившись свободным человеком, я знал о себе главное: я не хотел жить в условиях, когда государство кормит тебя и поит, но взамен требует полного контроля над твоей жизнью. В Америке я чувствовал себя свободным.

Тут опять позволю себе провести дерзкую параллель. Я очень хорошо понимаю чувства князя. Эйфория от обретённой свободы на Западе даже с годами не исчезает. После того как я перебрался из Москвы в Лондон, Англия, на первый взгляд, оказалась по условиям жизни для меня много хуже, чем Советской Союз. В 50 лет я остался без жилья, без работы, без права на постоянное жительство. Но я готов был терпеть любую нужду, тяжело работать, лишь бы обрести ту свободу, которую даёт английское гражданство. С тех пор прошло больше двух десятков лет, а

забыть пережитое не удаётся. Несколько лет за меня сражались с властями английские адвокаты. И когда все апелляции были проиграны, мне, по совету юристов, пришлось выехать из страны, чтобы избежать депортации. И затем вновь получать разрешение на въезд. (Напомню: все это происходило несмотря на то, что у меня был пропуск корреспондента Би-би-си и… читательский билет британской библиотеки, которые позволяли мне не чувствовать себя ущербным и бесправным, находясь в Англии). И всё-таки я стал британским гражданином! Никогда не забуду, как спустя восемь долгих лет борьбы за свободу, я, получив уведомление, ранним утром бежал по HighStreet Kensington на ближайшую почту. Там меня ждал конверт с моим британским паспортом. Этой свободой я наслаждался (и наслаждаюсь по сей день), когда стал ездить без виз по всему миру. И, конечно, в первую очередь, это касалось Америки.

В 2000 году, будучи в Лос-Анджелесе, меня пригласили на Русское радио. В самом начале беседы я спросил ведущего Женю Левина: «Я могу говорить всё, что хочу?». Он ответил: «Да, мы в Америке!». И тогда я сказал то, что не могло понравиться тысячам русских слушателей: «Я не испытываю никакой ностальгии, не верю в сегодняшнюю Россию и не верю в русский народ, который может сделать себя счастливым!» Потом полчаса обосновывал то, что сказал. Это было непросто: ведущий оказался весьма искушённым и не раз ловил меня на противоречиях. В частности, усвоив, что я пацифист, он вдруг спросил меня пошёл бы я служить в английскую армию защищать свободу Великобритании. Не задумываясь ни на минуту, я ответил утвердительно…

Но вернёмся к американскому периоду жизни князя. Став студентом, Никита тут же устроился ассистентом на геологическом факультете и одновременно подрабатывал переводами и составлением аннотаций по геологии в «Инженерном индексе». Это была американская версия «Реферативного журнала», где работал русский студент Евгений Александров, ставший впоследствии профессором геологии. Однажды в университет приехала делегация геологов из Советского Казахстана. Никиту пригласили помочь в качестве переводчика. Результат этой помощи оказался неожиданным. Он, будучи открытым и общительным, возможно, задавал какие-то невинные вопросы, не подозревая, что в те годы велась широкомасштабная разведка и разработка урановых месторождений в 200 километрах от Астаны. В результате, возвратившись в Советский Союз, один из руководителей делегации написал на Никиту донос в «соответствующие органы». И вслед за этим доносом, в газете «Известия» от 18 января 1961

года появился пасквиль за подписью некоего Н.Даренкова под заголовком «Гиды или шпионы». В статье утверждалось, что Лобанов-Ростовский якобы пытался в разговорах с гостями из СССР получить данные о геологических разработках в Казахстане, «которые представляли бы несомненный интерес для американской разведки». Статья заканчивалась резюме: «Это не геолог, а просто шпион».

Узнав эту историю, я понял, откуда истоки слухов, что князь был связан с разведками. Подозрения и сплетни такого рода сопровождали его десятки лет. Когда же князь в своих воспоминаниях рассказал о встрече с главным чекистом страны Советов Андроповым, эти подозрения как будто, получили подтверждение. Впрочем, в студенческие годы князь занимался не только «шпионажем», но и выезжал на практику, в частности, на картирование месторождений меди в Скалистых горах Монтаны. Получив степень магистра Колумбийского университета, молодой специалист готов был начать новую жизнь. Но тут выяснилось, что со студенческой визой, дававшей право проживать в США лишь до момента окончания учёбы, найти работу весьма затруднительно. Никита обратился за помощью к М.З.Милларду, отцу девушки, с которой какое-то время встречался и был вхож в её семью. Марк Захарович был пайщиком в частном банке «Лоуб Роудс». Этот банк получил концессию на разведку нефти в Патагонии, в Аргентине. Миллард чрезвычайно симпатизировал амбициозному молодому человеку и с удовольствием помог ему получить место младшего геологоразведчика. Эта должность была важна не столько для начала карьеры, а для того, чтобы получить «гринкарту» – разрешение на проживание в США. Никита не стал пренебрегать возможностью обрести американское гражданство. При получении его, правда, ему пришлось формально, в письменном виде, отказаться от пользования княжеским титулом в документах. США – республика, объяснили ему, и никакие титулы на её территории не действуют. Забавно, что Никита расстался со своим титулом без всякого сожаления. Объяснил он эту жертву ради обретения гражданства США очень просто:

– Мои предки Рюриковичи всегда принадлежали к тем князьям, в чьих руках была сосредоточена реальная власть. Потому княжеский титул у Рюриковичей не был дарственным. И, следовательно, он не может быть отнят. Так что, сколько не отказывайся от пользования, титул всё равно твой! Но не только титул мог быть препятствием. Я попросил одного приятеля быть свидетелем или поручителем. В последний момент он отказался. Я был удручён и рассказал при встрече с Диком Кулсоном о

случившемся. И вдруг его жена предложила свои услуги. Я ей благодарен за это по сей день, хотя её уже нет в живых.

Когда князь рассказывал этот эпизод, у меня, не скрою, промелькнула мысль: даже такая помощь в начале эмиграции не сдружила приятелей навсегда. Вместо того, чтобы осуждать Никиту Дмитриевича, я заглянул в глубину своего эмигрантского опыта и обнаружил: тут, на Западе, общественная жизнь куда более мобильная, чем в России, и потому более чётки границы взаимоотношений. Это правило касается не столько любовных связей, сколько дружеских, деловых. Тратить время на то, чтобы поддерживать изжившие отношения как-то не принято. А чтобы следовать этому правилу нужно, по меньшей мере, избавиться от сантиментов, обрести мужество и не держать обид. Совершенно очевидно, что все эти премудрости общественной жизни князь освоил давно, а потому не разводил сантименты, когда принимал того же Кулсона у себя дома в Лондоне.

С получением новой работы Лобанова освободили от существовавшей тогда в США воинской повинности, дав классификацию «5А». В 1959 году геологи продолжали считаться «необходимыми для экономики США», как их обозначили законом, введённым во время войны. Став американцем, Никита в тот период связывал свою жизнь с геологией. Но профессиональные интересы он старался сочетать с интересом к живописи, музыке. Та прививка, которую он получил в Оксфорде – навыки общения, знания – помогла ему быстро найти в Нью-Йорке круг людей, отвечавших его интересам. Прежде всего, по родственной линии. Тут уместно упомянуть, в первую очередь, Арсеньевых (родственников князя по материнской линии) – Юрия Сергеевича, переводчика в ООН и его брата, профессора богословия, философа, знатока мировой литературы Николая Сергеевича, а также их сестру Наталью, которая была у них домохозяйкой. Навещая семью Арсеньевых по выходным дням, Никита знакомился у них со многими русскими, живущими в Си-Клиффе, пригороде Нью-Йорка на заливе Лонг-Айленд. Среди них был замечательный рассказчик Василий Васильевич Тютчев – человек ростом под два метра. Он торговал книгами на дому, а также возил их на продажу советским служащим в секретариат ООН в Манхэттене, куда его бесплатно подвозили местные си-клиффские русские переводчики, работавшие там же. Изредка у него бывала на продажу и живопись.

Никита, впрочем, помнит этого человека совсем не из-за его роста и рассказов о былом, а потому, что почти не имея гроша в кармане сделал-таки у него первую покупку. Собирательская деятельность началась с приобретения у Тютчева картины

русского художника Николая Сверчкова «Погоня за похищенной невестой». Эту работу маслом Тютчев уступил князю за 100 долларов в рассрочку. А вот сама коллекция началась в 1959 году с приобретения эскизов костюмов Сергея Судейкина к балету «Петрушка» по 25 долларов каждый. В 1962 году к работам Судейкина прибавился эскиз декораций Александра Бенуа к тому же спектаклю. Инициатором этого приобретения, которое обошлось в 100 долларов, была уже Нина, первая жена князя.

– Пожалуй, главным в моей американской жизни, – говорит князь, – стала встреча с Ниной Жорж-Пико, разделившей мою страсть к коллекционированию. Познакомились мы с ней совершенно случайно. В один из выходных дней я оказался на ужине у дочери Натана Милыптейна. Этот замечательный скрипач, которого в 1925 году так нерасчётливо послал за границу Л.Троцкий, желая продемонстрировать миру достижения музыкантов молодой советской республики, остался на Западе. С ним, кстати, был и выдающийся пианист Владимир Горовиц, который принял такое же решение. После такого предательства Советы стали осторожнее и годами никого из деятелей культуры не выпускали. Милыптейн уехал из России в чёрном пальто, где были зашиты золотые монеты. На них он и жил первое время. Но я отвлёкся потому, что вспомнил их концерты, на которых бывал регулярно, пока жил в Нью-Йорке. Я полностью воспользовался возможностью слушать и лучшие оперные голоса (Каллас, Христов, Гяуров), и видеть первоклассный балет (Баланчин, Марта Грэм), и незабываемые театральные постановки. Именно благодаря этому моему интересу я включался в бешеный ритм жизни Нью-Йорка. После ужина мы с английским археологом Иэном Грэмом уютно устроились на диване и обсуждали очень интересовавший нас тогда вопрос о почве в Индии (латеритах). Вдруг к нам присоединяется какая-то девочка и зачарованно слушает наш весьма специфический разговор. Это было необычно, и мы продолжали разговаривать уже втроём. Когда все расходились, я предложил проводить её домой. Она ответила: «С удовольствием. Но я живу напротив». Это была резиденция французского посла. А странной девочкой была его дочь Нина, моя будущая жена. Свадьба состоялась в Париже в 1962 году.

Начиная трудовую жизнь в громадной и богатейшей стране, Никита верил, что тут ему предоставляется возможность быстро создать себе удобную и обеспеченную жизнь. Однако всё оказалось не так просто. Да, он осуществил мечту детства и стал геологом. Никакого разочарования в избранной профессии он не испытывал. Более того, сам процесс разведки и нахождения подземных ископаемых оставался для него интереснейшим

занятием. Работая геологом, он бывал на разных континентах, в самых экзотических уголках земного шара. В Патагонии, на юге Аргентины, просидел полтора года – искал нефть, на Аляске и в Тунисе искал ртуть, в Венесуэле – никель, в Либерии (Западная Африка) – железо… И вот тут Никите пришлось столкнуться с реальностью, о которой он не подозревал: геологи в США не делают погоду в бизнесе. Они не руководят, скажем, нефтяными компаниями, несмотря на то, что в основе состояния любой такой компании лежит правильное решение геолога, где бурить, а где нет, в бизнесе они участия не принимают. А это означало, что, оставаясь геологом, стать финансово независимым невозможно. Следовательно, рано или поздно, с геологией придётся покончить. Если это неизбежно, лучше раньше…

Толчком к таким радикальным размышлениям стала, в первую очередь, женитьба. Молодая супружеская пара не могла наладить нормальную жизнь из-за длительных поездок супруга в геологические экспедиции. К тому же, Никите, попросту говоря, надоело сводить концы с концами. Это обстоятельство расстраивало не только Никиту, но и Нину. В поисках решения он написал своему оксфордскому товарищу, Оливеру Фокс-Питту, учившемуся в школе бизнеса в Стэнфорде, и напрямую спросил: «Как человек на Западе может легко сделать состояние?». Оливер принял вопрос всерьёз и обстоятельно ответил, что существует три способа – брак по расчёту, работа в престижном инвестиционном банке, куда люди попадают по блату или благодаря семейным связям, или же – устроиться в любой банк и делать карьеру снизу вверх. Никите пришлось выбрать последний. Он обошёл пять банков Нью-Йорка и получил в одном из них работу младшего клерка. Одновременно поступил на вечерний факультет Нью-Йоркского университета, где стал изучать банковское дело.

Из своего опыта, пребывая в унизительной советской бедности, я знаю, как страшно было, уже имея квалификацию товароведа книжной торговли, отказаться от неё и начать с самого начала. Я работал в управлении «Москниги» и имел хорошую перспективу – со временем стать в Москве директором книжного магазина. Но, захотев заняться журналистикой, я поступил на вечерний факультет в Московский университет и ушёл на зарплату литературного сотрудника газеты, вдвое меньшую той, которую уже имел. Никита же сделал подобный шаг назад, окончив Оксфордский и Колумбийский университеты. Какое надо было иметь мужество, веру в себя, чтобы начать всё с самого начала!

Впрочем, на практике это решение оказалось не таким уж

абсурдным. Имея две специальности – геологическую и банковского учёта, владея безупречным английским языком с оксфордским произношением, а также французским, русским, болгарским, испанским и в какой-то мере немецким языками, отличаясь энергией и невероятной работоспособностью, он очень быстро стал делать карьеру в банковском деле. Вскоре его назначили помощником заведующего международным отделом Кемикал-банка в Нью-Йорке (ныне банк Морган Чейз). Работая в этой должности, он сумел совместить знания геолога и финансиста.

Жизнь в Нью-Йорке приобрела особый смысл, потому что вне службы всё вдруг стало крутиться вокруг русской театральной живописи. Нина работала в редакции самого крупного тогда американского журнала «Ридерс дайджест» и проявляла интерес к главному увлечению мужа – русскому театральному искусству. Её острый глаз и профессиональная подготовка журналистки оказались неоценимыми при создании коллекции. Никита собирал информацию, а обрабатывали и систематизировали её супруги вместе. Никита знакомился с художниками, посещал мастерские, галереи, завязывал связи с торговцами, но вместе с Ниной искал границы будущей коллекции. Семейный бюджет строился с учётом неожиданных приобретений предметов живописи. Так, узнав, что один из торговцев в Нью-Йорке продает частным лицам произведения русского искусства, супруги Лобановы приобрели эскизы и архив Сергея Судейкина. На 14-й улице находился русский книжный магазин А.В.Яременко: там Никите удалось купить ряд сценических работ Николая Рериха. В один из выходных чета Лобановых отправилась в Бейсайд (штат Нью-Йорк), где жил русский книготорговец, у которого посчастливилось приобрести несколько прекрасных работ Бакста, Гончаровой и Константина Коровина…

Наверное, необходимость в средствах для пополнения коллекции служила для Никиты дополнительным стимулом в желании сделать успешную служебную карьеру. Из года в год его жалованье повышалось. Но хотелось большего. И своих амбиций успешный банковский служащий не скрывал. Был ли князь действительно талантливым банкиром? Никита Дмитриевич не считал и не считает, что в бизнесе требуются какие-то особые, специфические дарования. Каждый средний человек, по его мнению, может стать более или менее хорошим бизнесменом. Нужна лишь способность работать интенсивно и сохранять энергию. Подтверждения такому взгляду я нашёл в записках князя. Он приводит статистику, показывающую, что удачливому бизнесмену достаточно пять часов сна в сутки. Ведь надо

приходить на службу очень рано утром и уходить не раньше шести вечера. Также следует следить за своим здоровьем, не курить, не набирать лишнего веса. Это всё.

Сомнительно, что всё так просто. Думаю, для той карьеры, которую сделал Никита Дмитриевич, потребовались не только знания и энергия, но и высокий интеллект, редкие способности в общении, а главное, склонность к аналитической деятельности. Вероятно, эти качества способствовали его выдвижению в 1967 году сначала на должность помощника вице-президента финансовой корпорации «Пруденшиал», а спустя три года – на пост вице-президента банка «Уэллс Фарго» (Wells Fargo Bank) в Сан-Франциско. В незаурядности князя я утвердился, познакомившись с его же историей предложения самого себя на эту должность. Вот как это было:

– Весной 1970-го года я прочел в газете «Нью-Йорк Тайме» объявление, гласившее, что нью-йоркский филиал калифорнийского банка «Уэллс Фарго» ищет директора для своих отделов по Европе, Африке и Ближнему Востоку. Я ответил на объявление и мне назначили свидание. На интервью директор банка, Чарльз Лилиен, сказал, что поскольку у него еще 19 кандидатов на пост, он не может выразить мнение по поводу моей кандидатуры до того, как встретится со всеми претендентами. Лилиен принимал не более двух кандидатов в день, из чего я вычислил, что вся эта процедура у него затянется, по крайней мере, на месяц. Решив ускорить процесс, я написал письмо Лилиену на четырёх страницах, описывая, какую стратегию я предложил бы банку и общие черты ее выполнения на трех континентах, если бы меня взяли директором. Три дня спустя Лилиен пригласил пообедать с ним. Во время обеда он меня расспросил более подробно о выполнении «делового плана», изложенного в письме. Спустя два дня он позвонил и сказал, что у него два потенциальных кандидата, включая меня, и предложил мне вылететь в Сан-Франциско, чтобы встретиться с членами правления. Моя первая встреча в Сан-Франциско была намечена на 7 утра (официальные рабочие часы банка в Калифорнии – с 8 утра до 5 вечера) с Ральфом Крофордом, заместителем председателя Совета директоров банка, который возглавлял международный отдел на уровне Совета. После часового собеседования, Крофорд на прощание протянул мне руку, говоря: «Я надеюсь, что мы сможем делать дела вместе». Из чего я понял, что мое место в банке обеспечено и потому уже не так волновался на последующих шести собеседованиях с главами отделов, включая отдел кадров. Неделю спустя после моей поездки в Сан-Франциско, господин Лилиен пригласил меня к себе в кабинет и

предложил мне место в банке и объявил зарплату, соответствующую положению. Я ему ответил, что она не отвечает моим пожеланиям и назвал сумму, за которую я начал бы работать в банке. Лилиен заметил, что зарплата на должность, которую мне предлагают, была определена уставом, и что он не может ее изменить. На это я предложил проработать в банке шесть месяцев бесплатно. Если за это время я смогу принести банку доход, по крайней мере, в пять раз больше зарплаты, которую я попросил, то тогда он смог бы решить насколько моя деятельность оправдывает нахождение способа обойти положение устава «О зарплате». А если я не смогу себя проявить, то банк ничего не потеряет, и я уйду.

К счастью, в то время очень мало американских банков занималось делами в недавно освободившихся африканских воинственно-социалистических странах, таких, как Алжир и Ливия. Я слетал в Алжир, где навестил все три коммерческих банка и провел значительное время в центральном банке. В результате «Уэллс Фарго» досталось финансирование большей части закупок зерна в США на основе аккредитивов, открываемых Национальным банком Алжира. В Ливии мне также повезло: я сумел заручиться финансированием экспорта ливийского хлопка. Через знакомых банкиров в Лондоне и их партнеров в Стамбуле мне удалось познакомиться с семьей производителей табака в Измире и, с помощью банка «АК», участвовать в финансировании экспорта табака из Измира в США и Южную Корею.

Возглавив Управление Европы, Ближнего Востока и Африки в этом крупнейшем банке, князь жил в буквальном смысле в самолётах. Вот свидетельство одного из бывших сослуживцев князя: «В пору нашей совместной работы в банке мы возвращались в Сан-Франциско из Парижа авиалинией «Пан-Американ». Летели первым классом 11,5 часов. Разумеется, все налегали на бесплатную выпивку. Лишь Никита пил минеральную воду и… работал. Была такая комната со столом на верхнем этаже самолета. К концу рейса после такого отдыха мы были хорошенько навеселе, и нам ещё надо было составлять отчёты о поездке. А у трезвого Никиты всё было закончено. По итогам командировки он прямо из аэропорта ехал в банк сдавать доклад машинистке».

Никита Дмитриевич дал мне полистать путевые заметки середины 70-х – начала 80-х годов. По ним можно составить представление об интенсивности жизни князя в тот период. Аэропорт, взлёт, посадка, автомобиль, гостиница, переговоры об условиях и гарантиях займов. Абиджан, Анкара, Москва, Бейрут,

Кабул, Тунис, Париж, Лондон, Мадрид и назад через океан в Нью-Йорк и Сан-Франциско за американскими долларами, которые давались в рост разным правительствам и на разных континентах. Хронические недосыпания, связанные с разными часовыми поясами – это то, что он помнит сегодня. И удивляется, как у него хватало энергии и здравого банкирского смысла, и даже оставалось время для коллекционирования. Времени стало меньше, но средства для собирания появились. Объявился даже должник, о котором Никита Дмитриевич и не подозревал. Вот этот забавный эпизод, рассказанный князем:

– Спустя шесть месяцев меня назначили постоянным сотрудником банка на моих условиях. А дальше события развивались совершенно неожиданно. В Нью-Йорке три разных аудитора проверяют счета банков: от города Нью-Йорк, от штата Нью-Йорк и от федеральных властей. В очередную инспекцию городские аудиторы заметили, что на протяжении шести месяцев в «Уэллс Фарго» числился служащий, который не получал зарплаты. А в Нью-Йорке есть закон, запрещающий нанимать служащих бесплатно. Я об этом не знал. По результатам аудиторский проверки моему банку было строго указано и предписано заплатить мне за первые «дармовые» шесть месяцев. Для меня это был приятный сюрприз. Деньги пошли на приобретение картин для коллекции.

Рассказы коллекционера

В сентябре 2011 года в одном из интервью балетмейстер Андрис Лиепа (последние два десятилетия работающий над восстановлением классического дягилевского наследия на современной сцене) на вопрос, как он выходит из положения при возрождении балетов если не сохранилось никаких записей, признаётся: «Когда нет архивных материалов, я обращаюсь к рисункам и эскизам… У Никиты Лобанова-Ростовского – потрясающая коллекция театрально-декорационного искусства: эскизы к «Синему Богу», «Петрушке», «Павильону Армиды» – к отдельным спектаклям у него сохранилось до 40 рисунков! Некоторые вещи уцелели только благодаря собирательской скрупулёзности Никиты. Это просто чудо, что есть такой увлечённый коллекционер. Мой отец с ним дружил, и я тоже, так что из коллекции Лобанова-Ростовского удалось почерпнуть очень многое».

Эти слова – один из самых лучших аргументов, что таким коллекциям, если они сохраняются, суждена долгая жизнь. Вспоминая о том, как формировалась и выкристаллизовывалась концепция этой уникальной коллекции, Никита Дмитриевич говорит, что подошел к ней не сразу. Поначалу так называемое левое театральное искусство они с Ниной игнорировали, потому что были зациклены на Ларионове, Гончаровой, Баксте, Бенуа. Увидев, как разрастается это собрание – а в нём тогда уже было примерно 500 работ, они задумались о более чётких рамках коллекции.

К счастью, они вращались в кругу людей, хорошо знающих и любящих русское искусство. Их советы оказались решающими. Джон Боулт, профессор Университета Южной Калифорнии и один из ведущих специалистов по русскому авангарду, первым предложил князю обратить внимание на другие художественные течения модернизма в России. Лобановы познакомились с ним в 1970 году в доме Альфреда Барра, первого директора Музея современного искусства в Нью-Йорке. Боулт оценил собирательский энтузиазм четы Лобановых-Ростовских и отметил их фантастическую преданность и страстную любовь к русскому искусству Он посоветовал собирать левых художников, которыми мало кто в то время интересовался. Так оформилась идея коллекции Лобановых-Ростовских. Вторым был Альфред Барр. Князь и его супруга, конечно, знали об этом авторитетном эксперте-искусствоведе в те годы…

Альфред Барр заявил о себе ещё в Принстоне, куда он

приехал из Детройта в 1918 году: уже в ту студенческую пору он выделялся горячим интересом к искусству. Закончив Гарвардский университет в 1923 году, Барр по своей инициативе на два месяца отправился в Москву, где обошёл едва ли не все студии тогдашнего авангарда. После той первой поездки он привёз в Америку вещи, которые ему передали Родченко, Татлин и другие художники, а также записную книжку с их адресами. Этой книжкой он воспользовался при посещении СССР в 1927 и 1928 годах, о чём позже рассказывал в своих дневниковых записях. В 1929 году Барр возглавил Музей современного искусства в Нью-Йорке. Примечательно, что находясь в этой должности, ему приходилось отражать атаки на современное искусство, о которых теперь вспоминают разве что историки. В 1943 году он был даже смещён с этого поста, но в 1947 году стал директором коллекции этого музея. Ему пришлось столкнуться с теми, кто возмущался любовью музея к абстрактному экспрессионизму. Барр искал пути утихомирить возмущавшихся. Поэтому в его поведении было немало от политики. Об этом сохранилось множество воспоминаний современников. О нём говорили, что он плёл интриги, использовал двойные стандарты, которые, кстати, нетрудно было заметить в выставочной программе музея. К примеру, Пегги Гугенхейм, знаменитая галеристка и меценат, открыто заявляла, что она «ненавидит его манеру уходить от прямых ответов на вопросы». Что же заставляло Барра так маневрировать?

Тут позволю себе параллель, которая весьма уместна даже сейчас, когда в России можно слышать и от руководителей страны, и от её граждан: мол, в хвалёной Америке есть и коррупция, и взяточничество, и наглый лоббизм, короче, все пороки, в которых она так любит упрекать Россию. Верно, в Америке, как и в целом на Западе, всё это есть – и свои мракобесы, и ретрограды, и невежды. Но благодаря институтам общественного контроля, демократии, свободы с ними тут справлялись и справляются быстрее и легче. Общество держит в узде власть, будь она в лице ретрограда-президента или провинциального конгрессмена. Потому выпады американских властей против того или иного направления в искусстве, да и последствия их в Америке нельзя даже сравнить с тем, что происходило в СССР.

Во времена президентства Гарри Трумэна Америка погрузилась в пучину «маккартизма». В своём презрении к модерну Трумэн выразил взгляды той части американцев, которые тогда связывали экспериментальное и особенно абстрактное искусство с мировым коммунистическим заговором.

Америка, защищая свободу выражения мысли за рубежом, вдруг попыталась ограничить её у себя дома. Выступление в Конгрессе республиканца от Миссури Джорджа Дондеро было вполне созвучно тому, что думал президент. Дондеро заявил, что модернизм попросту является частью мирового заговора, направленного на ослабление Америки, что «всё модернистское искусство – коммунистическое», а затем представил своё толкование проявлений этого заговора: «Цель кубизма – разрушение путем умышленного беспорядка. Цель футуризма – разрушение путем мифа о машинах… Цель дадаизма – разрушение путем насмешки. Цель экспрессионизма – разрушение путем подражания примитивному и безрассудному. Цель абстракционизма – разрушение путем устройства бури в мозгах… Цель сюрреализма – разрушение путем отрицания всего рассудочного».

Но уже в 1954 году маккартизм теснили. Сенат принял решение, которое порицало Джозефа Маккарти, которого затем игнорировали, презирали, бойкотировали, пока срок пребывания его в Сенате не истёк. Хотя сам президент Трумэн подавал пример настоящего американского консерватизма. Он любил вставать рано, чтобы отправиться до завтрака в Национальную галерею. Он получал огромное удовольствие от этих визитов и описывал их в своём дневнике.

После созерцания отобранных Гольбейнов и Рембрандтов, он пришёл к следующему заключению: «Приятно посмотреть на совершенство и потом вспомнить халтурное дурацкое современное искусство…». Он публично заявлял, что на фоне немецких мастеров «видно истинное лицо наших современных мазилок и разочарованных художников от слова «худо».

Конечно, историки критически относятся к этому заключению Трумэна. Но президент США отличался от лидеров СССР тем, что любил Рембрандта. Хрущёв (резолюции он предпочитал диктовать, чтобы не показывать свою вопиющую безграмотность), да и сменивший его Брежнев (увлечённо коллекционировал автомобили зарубежных марок), не могли правильно произнести имена Рембрандта или Гольбейнов. О каких-либо предпочтениях советских лидеров в изобразительном искусстве никаких свидетельств нет. Но это не мешало им руководить и направлять. Посетив выставочный зал «Манеж» и дойдя до авангардной части выставки, Хрущёв громко с ненавистью сказал: «Говно!». Потом, подумав, добавил: «Пидарасы!». Я помню этот день 1 декабря 1962 года. Я был студентом первого курса факультета журналистики МГУ. И все мы хорошо знали последствия подобных эпизодов в Советском

Союзе. Это означало очередное «закручивание гаек».

Описываемые в Америке события происходили буквально накануне появления князя в Нью-Йорке. В обществе, в Конгрессе, в прессе ещё шли жаркие дискуссии, в ходе которых звучали мнения, что художники – ультрамодернисты бессознательно используются как «оружие Кремля», что «современное искусство в действительности является средством шпионажа». Но все эти крайности не мешали Нельсону Рокфеллеру поддерживать Музей современного искусства. Самому же Альфреду Барру многие годы удавалось маневрировать и убеждать оппонентов, что новое искусство необходимо защищать, а не критиковать как в Советском Союзе, потому что оно является «свободным предпринимательством в искусстве»…

Поэтому ничего удивительного в том, что ему импонировал энтузиазм молодого князя, взявшегося собирать то, что публика не принимала, что не ценилось и что в буквальном смысле валялось под ногами. Барр, вслед за Боултом, уверял князя и его жену, что значимость русских левых художников в искусстве находится на мировом уровне, что это не просто узкое направление в живописи, созданное в России для русских.

В Советском Союзе этого не понимали. Левых художников всерьёз никто не принимал и вскоре о них почти никто не вспоминал. Впрочем, там, в конце концов, нашёлся человек, оказавший моральную поддержку коллекционированию русского театрального искусства. Это был Илья Самойлович Зильберштейн, искусствовед, который, приезжая в Париж, бывал у Лобановых (в середине 60-х годов они жили там в течение шести месяцев). Профессор из Москвы высоко оценил коллекцию Лобановых. Более того, квалифицированными замечаниями он дал им мощный импульс для поисков работ этого направления живописи. В свою очередь Зильберштейн искал любую возможность вызвать у себя на родине интерес к левым художникам. Ведь до 1960 года в Советском Союзе вообще не публиковалось никаких книг об авангарде, о мирискусниках. Поэтому некролог о кончине Бенуа, написанный Зильберштейном и опубликованный без подписи в «Правде», оказался замеченным. Вслед за этим последовала первая монография, посвященная творчеству Александра Бенуа. Её составил М.Эткинд: он сослался на ту малюсенькую публикацию в «Правде» и ему, как члену партии, разрешили сделать книгу. Так что это было очень важное подтверждение правильности направления коллекции, потому что, как признаётся князь, «мы же блуждали, мы покупали потому, что это нам нравилось».

Чтобы лучше понять, как и куда двигались в своих поисках

Никита Дмитриевич и Нина, они, рассказывая о коллекции, обычно предлагали своим слушателям небольшой исторический экскурс. В России театральная живопись считалась искусством, а не ремесленной работой, как это было в других странах Европы в конце XIX – начале XX веков. В 1909 году Дягилев привёз в Париж «Сезоны русского балета». И тут оказалось, что на художественных выставках в России станковая живопись соседствует с театральными декорациями на равных. В это время в Париже работали Пикассо, Модильяни, Брак. Они мгновенно поняли, что и их работы, благодаря театральной сцене, могут выставляться для всеобщего обозрения. Вот почему на «Сезонах» вместе с 22 русскими у Дягилева оказалось ещё и 20 выдающихся художников Запада. Случай поразительный в истории искусства. Но он стал возможным именно потому, что Россия предстала перед Европой уникальной страной: художники всех школ и направлений – от неонационализма до соцреализма – так или иначе, принимали участие в создании театральных костюмов и декораций.

Это обстоятельство, собственно, и послужило базой для создания коллекции «Русское театральное искусство» Лобановых-Ростовских. Она охватывает ведущие направления русского искусства 1890–1930 годов и включает художников различных направлений: предшественников авангарда (неорусский стиль и символизм) и, собственно, авангард (неопримитивизм, лучизм, кубофутуризм, супрематизм и конструктивизм).

К моменту, когда у молодой семьи появилась возможность активно покупать произведения искусства, подоспело время для регулярных деловых поездок Никиты Дмитриевича в Европу. Теперь уже не только в Нью-Йорке, но и в Париже, и других городах он встречался с торговцами, художниками и их родственниками. Князь побывал практически во всех семьях русских художников, работавших для сцены и живущих на Западе, будучи хорошо осведомлённым – кто и что делал для развития русского театрального оформления, где и когда. Это была настоящая работа сыщика. Друзья и родственники художников продавали Никите эскизы относительно недорого.

Разбираясь в живописи, Никита Дмитриевич теперь с успехом отыскивал ценнейшие сокровища даже в дешёвых развалах.

На «блошином» рынке в Париже в то время можно было обнаружить что угодно! Например, подлинные работы Тулуз-Лотрека, Сезанна, неподписанные авторами и потому принимаемые либо за копии, либо за картины неизвестных мастеров. Но такие клады открывались именно знатокам, среди которых очень быстро занял своё место и Никита Дмитриевич.

Теперь уже действительно пригодились накопленные сведения о театральном искусстве в целом, о Дягилеве и его «Русском балете», полученные от людей старшего поколения когда он ещё был в стенах Оксфордского университета, и знания, которые он приобретал уже перебравшись в Америку. Информация скопилась богатейшая! Ценность её была почти равнозначна самой коллекции. Ведь находясь в Нью-Йорке, Никита Дмитриевич разыскал людей, работавших с Дягилевым или знавших его. Встречаясь с ними, он аккуратно записывал, кто с кем состоит в родстве и что у кого сохранилось из произведений русских художников. По тем записям и сегодня можно проследить все дорожки, которые вели к детям, жёнам, бывшим жёнам, бывшим любовницам и любовникам художников, работавшим для Дягилева и, впоследствии, для его продолжателей или других театральных трупп. Собранный материал лёг в основу статьи Лобанова «Русские художники и сцена».

Проделанная князем исследовательская работа тем более ценна, что в то время книг и справочников по мирискусникам и авангарду практически не существовало. Это была целина, которая ждала своего первопроходца. Знаменательно, что им оказался человек, никогда не живший в России, но вдруг ощутивший генетическую связь с ней. У него порой не было и двух долларов на покупку картины, но он имел адреса почти всех русских художников, живших тогда не только в Нью-Йорке, но и в Париже, и в Мадриде. Именно благодаря этому обстоятельству коллекция начала пополняться.

– Почти все свои средства, – признаётся Никита Дмитриевич, – сначала я один, а потом, женившись, мы оба, уже безоглядно вкладывали в живопись. Пришлось мириться с определёнными ограничениями: Нина, например, никогда не покупала новые платья. Мы не ходили по дорогим ресторанам. Первые 10 лет нашей совместной жизни большую часть мебели для нашей нью-йоркской квартиры мы сделали собственными руками или взяли с улицы. Когда американцы хотят сменить мебель, они просто выставляют её на улицу. Ночью специальные грузовики всё увозят. Так что до их появления можно обзавестись приличной обстановкой…

В середине шестидесятых годов нью-йоркский банк, где служил Лобанов, послал его на шесть месяцев работать в парижское отделение. Тут уже представилась возможность развернуть настоящие розыски по всей Европе. Собиратели были в высшей степени удачливы. К примеру, во время поездки в Афины в 1965 году, случайно зайдя в кафе «Петербург», чета Лобановых-Ростовских обнаружила на стене безымянный этюд

Павла Челищева. Этот художник всю жизнь экспериментировал с живописными стилями. В каждом из этих стилей он демонстрировал высочайший класс. Костюмы же его выполнены в ярких и контрастных цветах, и, на взгляд Лобанова, составляют гордость русского театрального искусства. О том, чтобы иметь его работы в коллекции можно было только мечтать!

– Я рассматривал картины, – вспоминает Никита Дмитриевич, – и, наткнувшись на этюд, убедился – Челищев! Позвал хозяина кафе. Оказалось, его зовут Николай Яковлев, сочинитель популярных песенок, известный в Греции композитор! Я спросил, откуда здесь все эти картины, и он ответил, что у него очень много театральных работ Челищева. Челищев эмигрировал через Константинополь и Афины, поэтому его работы «застряли» у Яковлева. Он показал нам комнату над кафе, где лежали груды великолепных работ русских театральных художников, а на стенах висели три акварели Кандинского. Всё, что мы увидели в той комнате, он готов был продать за 10 тысяч долларов. Таких денег у нас тогда, увы, не было, и единственное, что мы смогли купить, был театральный эскиз Челищева.

В рассказах о подобных находках цепляет именно фраза: лежали груды великолепных работ. И становится понятной миссия такого коллекционера, заключавшаяся именно в спасении предметов искусства, которые погибали физически, находились в забвении, выпадали из времени, из предназначенной им ниши. Через хозяина кафе Лобановы познакомились с балетмейстером Борисом Александровичем Князевым, тоже жившим в Афинах. У него оказался не только Челищев, но и Коровин. Лобановы купили у него восемь работ.

Но на этом история с Челищевым не заканчивается. В 1972 году в Нью-Йорке в Музее современного искусства проходила выставка под названием «Приобретения». Один зал был полностью отдан под работы Челищева.

– Они мне показались такими радостными, яркими – на уровне Шагала, – вспоминает Никита Дмитриевич, – но гораздо более красочными. А когда под картинами я увидел табличку «Приобретены у г-жи Заусайловой, сестры художника, в Париже», тут же решил вылететь в Париж. Там, в 15 округе Парижа, я нашёл Александру Фёдоровну. У неё были парализованы ноги, и передвигалась она с помощью кресла-каталки. Сокрушаясь, что современники не очень интересуются работами брата, она попросила князя встать на стул, дотянуться до стопки бумаг, лежащих на платяном шкафу, чтобы вместе посмотреть, что там. Визит к сестре Челищева закончился тем, что коллекция пополнилась несколькими театральными работами этого

замечательного мастера.

С Михаилом Фёдоровичем Андреенко коллекционер встретился в одном из парижских кафе, предварительно написав ему письмо. В 70 лет Михаил Фёдорович, вспоминает Лобанов, обладал ясным умом, остроумно шутил, очень объективно и разумно говорил о своих коллегах, русских художниках в Париже, в частности, об Анненкове. Убедившись, что коллекционер искренне интересуется русской театральной живописью, художник пригласил его в мастерскую. Жил он почти в нищете. Спроса на его работы не было. Никита Дмитриевич купил у Андреенко десять эскизов декораций, в том числе «Костюм для печального клоуна. Арлекинада», сделанный в 1921 году. Впрочем, эти ранние эскизы отличались от более поздних работ художника. Под влиянием кубизма и конструктивизма Экстер, Андреенко разработал свой стиль, совмещавший коллаж, яркую цветовую гамму и мастерство рисовальщика. Впоследствии художник из-за плохого зрения утратил чистоту красок. Было очевидно, что мастера покидал и дар рисовальщика.

С Борисом Израилевичем Анисфельдом, романтиком, оказавшимся под влиянием символистов, Лобанову познакомиться не удалось, но в 1964 году он купил несколько работ у его дочери Мары в Вашингтоне. Работы её отца были сложены в подвале и сильно пострадали от сырости. Они не интересовали дочь, по профессии маклера, занимавшуюся продажей квартир. Все работы были подпорчены, и хотя цену она назначила невысокую, пришлось потратить определённую сумму на их реставрацию. Среди работ выделяется эскиз «Фокин в роли раба Клеопатры». Балетмейстер Михаил Фокин пригласил художника оформить несколько его балетных спектаклей. (Исторический экскурс. Борис Израилевич родился в Бессарабии. И именно это обстоятельство решило судьбу его картин. Их купил богатый житель Чикаго, который узнал, что когда-то поместье его отца граничило в Бессарабии с поместьем Анисфельдов).

С одним из лучших рисовальщиков своего времени, Анненковым князь встретился в Париже. Художнику было уже 75 лет. Он жил в районе Монмартр. Его графическое мастерство благодаря разнообразию приёмов достигло высокого совершенства. Виртуозная тонкость штриха делала его работы необычайно своеобразными и острыми. Но в последние годы жизни, на взгляд коллекционера, мастер тяготел к абстрактной живописи, коллажам, монтажам, которые выглядели «неэстетичными и зачастую безобразными». В коллекции Лобановых видное место занимает «Костюм для жены Анненкова Елены, танцевавшей старшую ведьму в «Первом винокуре».

Однако собирателю не удалось приобрести портрет В.Э.Мейерхольда, выполненный Анненковым тушью в 1922 году. Эта работа была выставлена на продажу 15 ноября 1989 года в Париже.

– Я бился за портрет, – рассказывал Никита Дмитриевич, – дошли до 100 тысяч франков, но потом уступил. Давно ли я покупал его работы по сто долларов!.. А тут только за две была выложена сумма, которую он *(Анненков. – Э.Г.)* вряд ли выручил за большинство своих произведений в течение всей жизни в эмиграции. (Портрет был продан за 200 тысяч франков).

А вот как в коллекцию попали работы Льва Самойловича Бакста. После смерти художника в Париже в 1924 году его работы унаследовали три племянницы – Мила Марковна Барсак, Мария Марковна Константинович и Берта Марковна Цыпкевич, а также племянник Леонид Маркович Клячко. Лобанов разыскал родственников Бакста. К тому времени Мария Марковна и Берта Марковна уже пристроили часть работ дяди. Поскольку музеи во Франции тогда художником не заинтересовались, они отправили партию его работ в Израиль. Но и там Бакст никого не привлёк. Лишь в начале 90-х израильский музей устроил, наконец, его выставку без объяснения, как попали эти картины в страну. Судьба многих работ Бакста трагична. Часть его произведений, принадлежавшая Клячко, впоследствии оказалась у Берты Марковны. Работы Бакста лежали у неё на балконе. Понятно, что много было попорчено сыростью. Когда князь, наконец, заполучил имена и адреса родственников Бакста, он купил у них много работ. Чтобы сохранить всё это бесценное наследие, он подарил большую часть его Нью-Йоркской публичной библиотеке. Ведь Бакст был очень продуктивен. Это один из немногих художников, который имел помощников, делавших основной рисунок. В коллекции Лобановых выделяются три работы мастера: «Ида Рубинштейн в роли Клеопатры в одноимённом балете» (1909), «Эскиз костюма Баядерки с павлином. Синий Бог» (1911) и «Афиша балета «Кариатида» (1916)…

Из «дягилевской» группы русских художников Лобанову посчастливилось встретиться и установить близкие отношения с представителями разных поколений знаменитой семьи Бенуа. Творчество старшего Бенуа, Александра Николаевича, особенно ценно для князя. Никита Дмитриевич дорожит эскизом, сделанным Бенуа для каталога «Дягилевская выставка» – той самой, на которой в 1954 году в Лондоне князь впервые побывал с крёстной матерью. Вспоминая Бенуа, быть может, самого продуктивного из русских театральных художников, живших вне России, князь страшно сожалеет, что не решился пойти к этому

выдающемуся человеку в свое время: «Просто не было денег, и я думал: «Ну, пойду к нему, но что он от меня получит? Сам себя буду чувствовать неловко!». В квартире же художника князю довелось побывать уже после его смерти. Он познакомился и поддерживал отношения с дочерью Анной Александровной Черкесовой, жившей в этой квартире со своим сыном. Подружился Лобанов и с сыном Бенуа – Николаем Александровичем, жившим в Милане (куда неоднократно приезжал князь). Коллекционеру удалось приобрести у Николая Бенуа эскизы к балету «Петрушка», включая 14 эскизов бутафории. Балет ставился десять раз и каждый раз по новым эскизам художника. За свою жизнь Бенуа создал для «Петрушки» 100 костюмов и 4 декорации.

Летом 1969 года Лобанов помог в восстановлении балета «Петрушка» на нью-йоркской сцене, для участия в котором был приглашён прославленный танцовщик дягилевской антрепризы Леонид Мясин. Известный американский режиссёр Роберт Джоффри был обрадован возможности ознакомиться с произведениями Бенуа. Князь вёл себя при этом по-царски: он сказал, что сделает слайды со всех 118 работ Бенуа и передаст их в отдел танца Нью-Йоркской публичной библиотеки в Линкольн-центре. А потом Джоффри сможет ими пользоваться даром, как общественным достоянием. Тот устный договор, кстати, отмечен в программе к балету, премьера которого состоялась 12 марта 1970 года.

Джоффри использовал в постановке «Петрушки» списанные из миланского театра Ла Скала декорации балета, которые ему помог получить Лобанов. В сентябре 1969 года находясь по делам банка в Милане князь (предварительно договорившись) зашёл к Николаю Бенуа в его обширный кабинет в театре Ла Скала. Тут выяснилось, что художник занят новой постановкой «Петрушки», которая шла здесь 22 года. Администрация театра решила, что постановка устарела и на сезон 1970 года заказала новые костюмы и декорации, намереваясь выбросить старые.

– Тогда я спросил, – вспоминает Никита Дмитриевич, – могу ли я купить у театра всю устаревшую постановку и переправить её в Нью-Йорк? Да – с радостью ответил Бенуа. Мы сговорились на 5000 долларов, так как я знал, что Джоффри имеет грант. Списанный материал был переправлен в Америку и помог уложиться в ассигнованный бюджет. В день премьеры Джоффри прислал нам с женой 36 белых роз с благодарственным письмом.

Замечательно, что коллекция уже тогда находила практическое применение в театральной жизни. Более того, она притягивала к себе круг людей, способствовавших её

формированию и расширению. Во время подготовки «Петрушки» в Нью-Йорке Лобановы сдружились с Леонидом Федоровичем Мясиным, который впоследствии переселился в Сан-Франциско. В 1974 году, когда Лобановы тоже перебрались туда, они продолжали встречаться с ним, благодаря чему коллекционеру удалось купить у него эскизы костюмов Марка Шагала к балету «Алеко» для Алеко с Земфирой и старика (отца Земфиры). Но до этого приобретения коллекционеру пришлось ждать 14 лет.

В 1960 году, когда коллекция только начиналась, князь написал Марку Захаровичу письмо с просьбой продать один его эскиз для театра, предложив за него свою месячную зарплату. Шагал отказал, сославшись на то, что у него не осталось ни одного эскиза. Позже они встречались, и этот эпизод не всплывал. В 1972 году они вместе оказались на приёме во французском посольстве в Вашингтоне. И во время обеда Лобанов показал художнику несколько каталогов выставок своей коллекции. Шагал остановил своё внимание лишь на Рерихе: «Вот это настоящий художник!». Складывалось впечатление, что остальных он недооценивал. В те времена, вплоть до 1980 года графику его покупали больше, чем чью бы то ни было. В любом художественном магазине Нью-Йорка всегда были работы Шагала.

Из всех членов семьи Бенуа князь ближе всего сошёлся с Николаем Александровичем. Чета Лобановых часто обедала в роскошной миланской квартире художника, который прислушивался к советам коллекционера, доверял ему и вместе обсуждал судьбу архива отца, которую сын хотел переправить в Русский музей, в Петербург. Князь отговорил Николая Александровича от этой затеи, так как в 1974 году имел возможность просмотреть там все работы Бенуа. Те, которые Александр Николаевич много лет назад лично оставил музею, хранились в очень хорошем состоянии. Но другие эскизы хранились весьма неаккуратно. И отдавать то, что было в семье, не имело смысла. Многие прекрасные работы Бенуа просто утонули бы в запасниках.

За четыре года до смерти Николай Александрович начал продвигать идею создания музея Бенуа. Лобанов помогал ему чем только мог. Однако дело продвигалось медленно и сдвинулось лишь спустя полгода после смерти художника. Музей Бенуа был открыт в Петергофе в 1988 году. Отношения же художника и коллекционера были столь дружескими, что Н.А.Бенуа нарисовал портрет Лобанова, о котором я расскажу чуть позже. А сейчас ещё об одном Бенуа.

Обычно находки требуют серьёзных розысков, связанных с

драматическими эпизодами из истории русского театра за рубежом. Лобанову приходилось много читать и восстанавливать события, казалось бы канувшие в лету. Благодаря этому обстоятельству коллекционер вышел на Михаила Александровича Бенуа. Тут выявилось множество любопытнейших фактов. В 1929 году русская певица-сопрано Мария Кузнецова основала «Частную оперу Парижа», возложив реализацию этой затеи на плечи мужа Альфреда Массне. Художественным руководителем был назначен баритон Михаил Бенуа. Для постановок привлекли Фёдора Шаляпина, Михаила Фокина, Николая Евреинова, Константина Коровина, Ивана Билибина, Николая Рериха. Высокие артистические требования и пышность постановок превзошли финансовые возможности супругов Массне и в следующем сезоне, то есть в 1930 году, опера перешла в ведение князя А.Церетели, получив новое название «Русская опера в Париже». Во время немецкой оккупации опера прекратила существование, артисты разъехались. Одного из них, известного певца Михаила Бенуа собиратель нашёл летом 1968 года в Мадриде. Жил он с женой в центре испанской столицы. Стены его квартиры были увешаны совершенными шедеврами: Александр Бенуа, Иван Билибин, Щекатихина-Потоцкая!

Никита Дмитриевич вспоминает, что замер от восторга, узнавая «старых друзей» с шикарно изданных репродукций в программах Русской оперы. За чаем он понял, что ему страшно повезло. Супруги собирались купить дом на Канарских островах и перебраться туда. Однако у них возникли сложности с деньгами. Это было очень длинное чаепитие, в ходе которого Никита Дмитриевич отобрал 8 эскизов Билибина по 800 долларов и 8 эскизов Коровина по 400 долларов. Остановились на сумме 10 тысяч долларов за 16 работ, что тогда равнялось 78 тысячам песет. К ним он прибавил 4 эскиза Александра Бенуа к «Павильону Армиды». Так собрание Лобановых-Ростовских пополнилось уникальными работами мирискусников.

Некоторые из приобретений коллекционера можно назвать чудом. Но бывало и так, что произведения уплывали прямо на глазах. Тут можно лишь сочувствовать и сокрушаться! С первой женой Михаила Ларионова, Натальей Гончаровой, художницей, испытывавшей большое влияние русского народного искусства и пользовавшейся одним из приёмов иконописи – передачей перспективы через высоту, Никите Дмитриевичу встретиться не довелось. Но он виделся со второй женой – А.Томилиной, люто ненавидевшей Наталью Сергеевну. В 1964 году, когда ни Ларионова, ни Гончаровой в живых уже не было, Томилина распродавала по дешёвке акварели Гончаровой – по два доллара

за штуку. Создавалось впечатление, подмечал Лобанов, что она хочет побыстрее избавиться от её работ. Но при этом Томилина почти всегда отказывалась продать хотя бы одну из работ Ларионова. Никита Дмитриевич отзывается о художнице Гончаровой, как о подлинной волшебнице. И когда в коллекции уже было множество её работ, связанных с театром, князь сожалел, что о ней мало знают. Особо он выделял гончаровские «Эскиз костюма шаха Шахрияра. «Шехерезада» (1922) и «Эскиз задника к финалу «Жар-птица» И.Стравинского (1926).

История приобретений декораций Михаила Ларионова связана с именем крупного маклера по зерну, жившего в Нью-Йорке, В.Н.Башкирова. Он ездил два раза в год в Париж и покупал картины, подобранные там для него самим Ларионовым. У художника не было своих денег. Обладая вкусом и видением, он, таким образом, подрабатывал. Также Ларионов приобретал картины для другого коллекционера, Алекса Либермана, которому в 1953 году писал: «Наши театральные работы мы продаём по два доллара. Будьте так добры, пожалуйста, пожалуйста, купите их». Найдя эти записи, князь с горечью вспоминал, что это был как раз год приезда их с матерью в Париж из Болгарии. И даже таких денег у них не было. Театральные работы Ларионова понравились Никите сразу своей русскостью. Из всех художников, которые работали с Дягилевым, лишь Ларионов попробовал свои силы в хореографии и поставил балет «Лис». В его рисунки «Лис, переодетый нищенкой» и «Лис, переодетый монашенкой», выполненные в 1922 году, Никита Дмитриевич был просто влюблён и мечтал их приобрести. Лобановы купили большие декорации Гончаровой и Ларионова у вдовы Башкирова, а позже им всё-таки удалось купить у упомянутой выше вдовы Томилиной костюмы большого размера по эскизам Гончаровой и Ларионова.

Никита Дмитриевич рассказывал о том, как он вместе с Ниной охотился за работами необыкновенно талантливого и недооцененного художника Бориса Дмитриевича Григорьева. В коллекции Лобановых есть картина этого мастера «Четыре танцовщицы на сцене» (1913). Но в 1965 году Лобановы, находясь во Франции, собрались навестить его вдову, Елизавету Фёдоровну. Она вместе с сыном Кириллом жила в городе Кань-Сюр-Мер. До Канн добрались поездом, затем взяли такси. Лобановых предупредили, что Кирилл крайне несдержан. Бывает, бьёт мать если ему что-то не понравится.

– А потому мы решили, – рассказывает Никита Дмитриевич, – в дом не заходить, а вызвать Елизавету Фёдоровну на разговор.

И когда мы встретились в кафе, я попросил её продать

картину «Старик и коза», про которую уже слышал. Елизавета Фёдоровна согласилась и попросила за неё 150 долларов. Затем пошла за картиной, вернулась и вручила её мне. Я взял покупку и присоединился к Нине. Она сидела за другим столиком вместе с моим сослуживцем по банку, приехавшим с нами. Мы оставались в кафе ещё около получаса, как вдруг вернулась Елизавета Фёдоровна. С трудом сдерживая слёзы, протянула мне деньги и попросила картину обратно. Я отдал. Она сказала, что сын заметил, как она выходила, и пригрозил, что, если она не вернётся с картиной, он её изобьёт.

Ещё один пример неудачной охоты, скажем так, за тем, без чего коллекция, по мнению её создателей, никак не могла обойтись. Имя Сони Делоне обычно связывают с симультанизмом, заменившем традиционные орнаменты геометрическими мотивами и экзотическими образами. Никита Дмитриевич встретился с художницей в 1964 году у неё на квартире в Париже, когда ей было 79 лет. Она уже передвигалась с трудом. О ней заботились и вели все её финансовые дела пара молодых гомосексуалистов, от которых она полностью зависела. Коллекционер вместе с Делоне отобрали четыре театральные работы. Договорились о цене. Но когда князь уже собирался уносить из квартиры картины, молодые люди отговорили художницу продавать их. Впрочем, коллекция не осталась без работ Сони Делоне.

Картины одарённого художника Н.Калмакова случайно обнаружил на парижском «блошином» рынке сотрудник журнала «Реалитэ», виконт Жорж Мартен дю Нор. Торговец лавки рассказал, что приобрёл пачку, содержащую 40 картин на аукционе, куда они попали с какого-то склада, как невостребованные: собственник не вносил платы за их хранение много лет. Виконт купил всю пачку и… потратил два года, чтобы установить личность художника. Помогли надписи кириллицей на холстах. Он понял, что художник мог быть русским. От Анны Александровны Евреиновой, вдовы известного драматурга и режиссёра Николая Евреинова, виконт узнал, что эти картины принадлежат кисти Николая Константиновича Калмакова, с которым её муж сотрудничал при постановке пьесы Оскара Уайльда «Саломея» в Санкт-Петербурге в 1908 году Декорация, написанная Калмаковым для первого акта «Саломеи», была настолько откровенной, что пьесу сняли со сцены театра им. В.Комиссаржевской после генеральной репетиции. Евреинов снова встретился с Калмаковым в 1925 году в Париже и предложил ему вновь поставить «Саломею» в театре «Одеон» с декорациями, подобными тем, которые были сделаны в

Петербурге. Виконт собрал материалы для устройства выставки картин Калмыкова, предварительно выкупив ещё 30 его работ у случайной знакомой художника. На этой выставке, состоявшейся в галерее «Мотт» 19 февраля 1964 года, супруги Лобановы и познакомились с Мартином дю Нором.

– Продажа картин, – вспоминает князь, – проходила очень хорошо. Небольшие театральные эскизы продавались по 200 долларов. Холсты большего размера – по 1500 долларов. Бюджет мой был весьма скромен тогда. Я восхищался произведениями Калмакова, но не имел возможности купить хотя бы одно из них. В нашей коллекции не было ни одного из его рисунков. Виконт узнал об этом от владельца галереи. И вот в один прекрасный день мы с Ниной обнаружили у входной двери в нашу парижскую квартиру пакет с надписью: «Подарок от Ж.Мартина дю Нор». В пакете я нашёл чудесную гуашь Калмакова, изображающую черта для театра марионеток. К нему впоследствии присоединились другие работы, приобретённые мною из собрания Евреиновой.

С Иваном Пуни, младшим импрессионистом, как называет его французская энциклопедия, Лобанову встретиться не пришлось, но он побывал в знаменитой мастерской, где Пуни творил на протяжении 40 лет. Там жила вдова художника К.Л.Богуславская. Благодаря её стараниям, в филиале Лувра, галерее «Оранжери», в 1964 году состоялась выставка картин Ивана Пуни. Одновременно владелица небольшой галереи «Дина Верни» устроила коммерческую выставку художника, где можно было купить работы Пуни. Князь посетил ту выставку в надежде что-то приобрести для коллекции. Но после того, как выяснилось, что самая низкая цена была тысяча долларов, Лобанов в отчаянии поехал к вдове и попросил её найти какие-либо менее значительные рисунки художника по более приемлемой цене. Она отыскала пять эскизов костюмов. Один из них был разорван посередине. Тем не менее, цену она назвала вдвое выше, чем князь предполагал потратить. Поторговавшись немного, он встал и сказал, что если ей понадобятся сто долларов наличными, он может немедленно вручить их в обмен на испорченный эскиз. С этими словами он открыл дверь, чтобы уйти. Но тут госпожа Пуни схватила князя за руку со словами: «Вы ужасный человек, но наличные деньги мне сейчас нужны», и вручила ему эскиз. После реставрации порванный рисунок выглядел великолепно. Так был открыт список работ Пуни в коллекции.

Полна приключений история поисков работ Александры Экстер, считающейся основоположницей конструктивизма в русском театральном оформлении и в графике. Она работала с режиссёром Московского Камерного театра А.Я.Таировым и

известна, прежде всего, эскизами костюмов для спектакля «Фамира-Киферад» (1916), эскизом занавеса для этого театра (1920) и оформлением полной постановки «Ромео и Джульетта» (1921). Покинув в 1924 году советскую Россию, она вначале поселилась в Париже, а спустя пять лет перебралась в пригород французской столицы Фонтене-о-Роз, где и умерла в 1949 году. Эту информацию Лобановы получили от жившего в Америке её друга, художника С.М.Лиссима, который много помогал Экстер и, согласно завещанию, получил большинство её работ. Лиссим пригласил чету Лобановых к себе домой и устроил своеобразную выставку. Потом сказал, что Лобановы могут выбрать десять работ и заплатить за каждую сколько смогут. Он предупредил, что второго такого показа не будет и поэтому они должны выбирать тщательно. Князь вспоминает, что выбрал работы и предложил за каждую по 30 долларов – хотя денег у них не было. Лиссим дал чете рассрочку на два года. Кстати, в 1989 году работы Экстер продавались на аукционе в «Сотби» и одна из них была продана более чем за миллион.

Добавлю еще один эпизод, дающий представление о том, с какими трудностями сталкивалась чета Лобановых в их неутомимой поисковой деятельности. Лобановы не верили, что во Франции не осталось работ Экстер. И в 1965 году они предприняли попытку разыскать их. Приехав на автомобиле в Фонтене-о-Роз, Нина начала расспросы в местных лавочках и булочных. Но никто, в том числе и местные жители, хотя помнили ещё имя Александры Экстер, не могли точно указать, где она жила. Потеряв два часа, Нина отправилась в местную мэрию, где попросила найти метрическую запись от 17 марта 1949 года о смерти Александры Экстер. Секретарь вначале отказал, но после предъявления Ниной её журналистского удостоверения нашёл и показал эту запись с указанием адреса. Нина отыскала трёхэтажный дом, где жила Экстер. Дом, как сообщили жители, принадлежал Иветте Анзиани. Получив адрес Иветты, Никита Дмитриевич написал ей письмо и попросил о встрече, которая состоялась через три дня. И тут выяснилось, что госпожа Анзиани помнила Александру Экстер, показала несколько фотографий, записки и несколько сувениров. Она рассказала, что семья Экстер поселилась в этом трёхэтажном доме в 1942 году. Там было бомбоубежище, где Александра Александровна обретала душевное спокойствие, так как страдала грудной жабой, что отражалось на её нервной системе. В годы войны жизнь её была очень тягостной. В 1945 году умер муж. Она потеряла связь со своими друзьями и учениками. Но продолжала работать. После войны о ней заботилась сестра милосердия

Мишелина Строль.

– В воскресенье, – вспоминает Никита Дмитриевич, – мы, условившись заранее с госпожой Строль, поехали её навестить. Она занимала небольшую квартиру при больнице, и когда мы вошли туда, то оказались окружёнными произведениями Экстер…

Теперь затрону деликатную сторону этой поисковой работы. Никита Дмитриевич в своих выступлениях и интервью любит рассказывать историю, как Сомерсет Моэм покупал картину Гогена на Таити. Добравшись до жилья сына художника, писатель увидел, что ветхая дверь в хижину изнутри расписана рукой мастера. К восторгу обладателя шедевра, он предложил обменять дверь на новую, крепкую, с красивой ручкой. Таким образом, картина была приобретена им за два доллара, затраченных на изготовление новой двери…

Тут, признаюсь опять, моё советское подсознание немедленно подсказало вопрос: значит ли это, что приобретение связано с обманом? Иначе говоря, собиратель пользуется тем, что родственник нуждается или не знает истинной цены того, чем владеет. Сбивая цену и скупая «золото» по цене серебра, не превращается ли он из собирателя в… обирателя? Никита Дмитриевич в наших беседах утверждал, что дело обстоит совсем не так. Во-первых, это рынок. А во-вторых, собиратель нередко выступает в роли спасителя: работы забытого художника часто пылятся на чердаках, портятся и просто исчезают. Коллекционер возвращает их к жизни. Цена же приобретённого произведения искусства ни о чём не говорит. Ведь предметы коллекции требуют вложения. За ними надо ухаживать, их надо реставрировать, хранить, наконец, транспортировать, если приходит час их выставлять и показывать публике. Простодушно рассказывая о своих приобретениях, порой за очень невысокую цену, Никита Дмитриевич совершенно не смущается довольно курьёзных ситуаций, составляющих историю того, как пополнялась коллекция.

– Я стоял перед витриной книжного магазина на левом берегу Сены и рассматривал программку Русских балетов. Обложку украшал эскиз костюма Ф.Ф.Федоровского к «Хованщине» Мусоргского. Этот художник жил постоянно в России, и я полагал, что его работ нет за пределами СССР. Пока я стоял, ко мне бочком подкатил старик и спросил, не интересует ли меня Федоровский. Услышав же утвердительный ответ, он предложил мне приобрести несколько его работ. Я согласился, он повёл меня по всё более сужающимся улочкам Парижа, пока мы не достигли тупика. Я начал подумывать, не ограбят ли меня, но тут старик зашёл в гараж, я последовал за ним – на затянутой паутиной

полке лежала куча эскизов костюмов к «Хованщине». Старик попросил 10 долларов за эскиз, и я купил всё. Позднее, в Большом театре в Москве, я слушал «Хованщину», шедшую в оформлении Федоровского.

Как легко заметить, коллекция пополнялась разными путями. Если раньше Никита Дмитриевич использовал свои деловые поездки по странам Европы для того, чтобы в свободное время встречаться с художниками и их родственниками, то позже уже предпринимались специальные поездки, связанные с коллекцией. Именно в этих поездках появлялась возможность узнать, где и у кого находятся работы, а затем приобретать те, что по карману.

Теперь ещё раз о критериях собирательской деятельности Лобановых. Никита Дмитриевич аттестовал себя, как спонтанного коллекционера. Он руководствовался, по его признанию, глазом и сердцем. И уже позже, поставив более широкие цели, стал приобретать работы не только первоклассных художников, но также художников среднего – и даже ниже среднего – уровня, придавших коллекции законченность. Но, тем не менее, в собирании отдавалось предпочтение эскизам, отличающимся орнаментальностью, яркостью красок и захватывающими темами. Эта спонтанность Никиты Дмитриевича счастливо сочеталась со строгим научным подходом Нины. Она хорошо разбиралась в живописи, умела работать с архивами, разыскивать данные о том, что приобреталось. К собранному затем вместе подбирали документацию и вели настоящую научную работу. Супругам приходилось читать много специальной литературы об искусстве 1920-1930-х годов, в том числе и русской. Да, это правда, что князь до женитьбы начал покупать живопись вообще и немного театральную. Но женившись на француженке, он почувствовал, что ей гораздо более подходила русская театральная живопись, чем станковая, передвижники и прочее. Они скучны для нерусского человека. Следовательно можно считать, что женитьба послужила толчком к тому, что начатая с нуля коллекция русского театрально-декорационного искусства Никиты и Нины Лобановых-Ростовских стала крупнейшей частной коллекцией русского авангарда в мире. Проявилась какая-то историческая несправедливость к деятелям левого искусства, которую захотелось исправить.

– Целое десятилетие, – пояснял князь, – после большевистского переворота радикальные тенденции в искусстве, так называемое левое искусство, доминировали в совершенно беспрецедентном масштабе. Левые направления влияли не только на классические формы искусств, такие, как поэзия и станковая живопись, но и на театральный декор, кинематограф и объекты

массовой культуры, такие как плакаты, листовки или оформление народных торжеств, приуроченных к советским юбилеям. В последующей эволюции с 1921 года и с приходом конструктивизма левое искусство расширило свое влияние и на условия существования нового человека – архитектуру, мебель, ткани, одежду и даже столовые приборы. Руководители страны, будь то Ленин, Троцкий или Луначарский, относились настороженно к происходящему в левом искусстве. Тем не менее, правящая верхушка, включая Сталина, понимала идеологическую ценность авангарда как проводника нового образа уникально-динамичного и молодого общества. То есть полной противоположности консервативного, управляемого буржуазным истеблишментом общества Западной Европы или же современного динамичного, но социально-несправедливого строя в США. Приход Сталина к власти и его культурная революция 1927–1928 годов в значительной степени умерили доминирующее влияние авангарда. К 1940 году модернизм практически прекратил свое существование, и советское искусство начало пропагандировать сентиментальные и шовинистические основы соцреализма.

Тут следует отдать должное супругам Лобановым: собранная ими коллекция, что называется, подправила историю и не дала погибнуть важному пласту русской культуры. Но делать это было очень не просто – им зачастую приходилось наступать на горло самым насущным собственным нуждам. К тому же спонтанность князя в коллекционировании сочеталась с самодисциплиной. Невозможно купить всё. Надо ограничивать себя. А это чревато конфликтами. Например, Нина очень хотела приобрести силуэты Фёдора Толстого. Во время чаепития у Иссара Гурви-ча, который предоставил ей возможность полюбоваться этими силуэтами, торговец поинтересовался, кому бы их можно было продать. Никита Дмитриевич дал Гурвичу рекомендацию, с кем связаться.

– В июне 1966 года мы вернулись в Нью-Йорк из полугодовой парижской командировки. Под Рождество того года, – вспоминает Нина, – Никита спросил меня, какой подарок доставил бы мне удовольствие. «Силуэт Толстого», – ответила, «Забудь о них», – сказал Никита. Затем, к моему дню рождения, в марте, он опять спросил, какой подарок я бы хотела. «Силуэт Толстого», – ответила я. Никита, который собирался во Францию в командировку и был уверен, что к тому времени Гурвич уже всё продаст, ответил: «Если у Гурвича что-нибудь осталось из силуэтов, то я их тебе привезу». Вернувшись из командировки, он попросил меня посидеть с ним, пока он распаковывался. Из чемодана вылезли один, два, три… – все 17 силуэтов Ф.Толстого!

Я была неописуемо счастлива.

Сегодня искусствоведы называют Лобанова-Ростовского и его коллекцию феноменом в культуре русского зарубежья. Возможно, эта исключительность объясняется тем, что личность коллекционера синтезировала в себе две культуры – восточную и западную. «Атлантизм», воспитанный молодым эмигрантом в самом себе, определил цели и задачи его дальнейшего существования – достижение влиятельного общественного статуса, подтверждённого финансовой независимостью.

Может быть, Никита Дмитриевич и лукавит, ссылаясь на изначальную неразвитость вкуса: я, мол, став геологом, ничего в искусстве не понимал, и лишь потом набивал глаз, приобретал знания, опыт. Но, вполне возможно, он говорит искренне. Во всяком случае, уже работая над этой книгой, я сам стал заново и подолгу рассматривать иллюстрации альбома «Художники русского театра». И стало для меня открываться то, что раньше было скрыто. Но не только создание книги приобщает меня к этому виду искусства, а и многолетнее общение с моим студентом и другом испанцем Луисом Родригесом де ла Сиера. Страстный поклонник русского балета, он за многие годы нашего общения приучил меня ходить на балетные спектакли, обращать внимание на театральные декорации.

В заключение хочу привести несколько интересных отзывов о коллекции. М.Б.Мелах – профессор Страсбургского университета: «Никита Лобанов являет собой пример подлинного коллекционера. Он, прежде всего, доверяет своему вкусу и интуиции. И только потом обращается к мнению экспертов. Но при всём к ним уважении предпочитает опираться на собственный здравый смысл; при своей энциклопедической осведомлённости он не снисходит до претензий на академизм, а строгость, даже придирчивость, не умаляют его благожелательности. В нём есть что-то от азартного игрока, но безошибочного и блистательного… Около восьмидесяти процентов произведений было куплено у самих художников, их близких друзей в период между 1950-м и 1970-м годами, когда в России это искусство находилось под запретом и не пользовалось спросом на Западе, что уже само по себе гарантирует подлинность произведений. Коллекция – настоящий кладезь культурных ценностей. Она включает около тысячи произведений более чем 150-ти художников, отражающих всевозможные направления идеологических и формальных поисков в русле русской живописи конца XIX – начала XX веков».

Профессор Мейлах особо подметил, что собиратели коллекции умели выделять и находить превосходных художников

там, где другие проходили мимо. Именно поэтому узкая тема театрального искусства не помешала представительности коллекции. Лобановы отличались исключительной разборчивостью, но создали при этом «обширную и разнообразную коллекцию – от эскизов декораций и костюмов до портретов художников; от книжных обложек до плакатов; от акварелей и гуашей до картин маслом и шелкографии».

Другой рецензент, Юрий Гоголицын, подметил важную особенность. Начав собирательскую деятельность для удовольствия, князь позднее «поставил перед собой более широкие задачи и начал собирать работы не только ведущих художников, но и второстепенных». Это позволило, как писал уже сам коллекционер, «представить максимально широкую панораму русского театрального оформления первых трёх десятилетий нашего века». Уместно привести тут и самооценку Н.Лобанова:

– Наше собрание ценно именно как целое. Оно отражает пласт русской культуры с ее уникальными достижениями в живописи в 10-х и 20-х годах как в России, так и в эмиграции. Собирая работы русских живописцев в 50-70-х годах в Европе и Америке, я надеялся, что когда-нибудь ими заинтересуются. И что в России заинтересуются искусством русского зарубежья. Наша заслуга в том, что мы это поняли более сорока лет тому назад. Я собирал коллекцию русского театрального искусства. И у меня была необыкновенная привилегия возражать на обычные стадные рассуждения насчет коммунистической угрозы, ракет и ГУЛАГа одной фразой: «Посмотрите на картины в моем доме! Вот она – Россия: умная, добрая, талантливая и цветастая». Глядя на эту живопись, можно было на время забыть о несправедливости. Хочу надеяться, что это собрание помогло не только мне, но и многим-многим другим. Помогло почувствовать замечательную внутреннюю ткань отечественной культуры. Этим я, естественно, горжусь.

Гордиться действительно есть чем. Подвижническая деятельность Никиты Дмитриевича останется в истории искусства, вопреки приписываемой им самому себе привилегии возражать на обычные стадные рассуждения насчет коммунистической угрозы. Привилегия эта, на мой взгляд, сомнительна. Запад со своими демократическими институтами противостоял диктатуре в Советской России. И пытаться смягчать звериный оскал кровавого режима яркими полотнами живописи, значит искусственно смешивать два облика страны. Они, эти облики, существуют параллельно и вовсе не должны располагать к тому, чтобы, пусть на время, забывать о несправедливости.

Слово о торговцах

Конечно, князь, увлечённый идеей собирательства, должен был поддерживать связи с торговцами живописью. Представителей этого племени – торговцев – в нашей прошлой советской жизни презирали. Само собой подразумевалось, что они не чисты на руку. Но перед ними и заискивали. В стране дефицита они были очень влиятельными людьми. Впрочем, если заглянуть в словарь Даля, то там торговец обозначается, как промышляющий торговлей. Тут же выдаётся и рекомендация: лучше торговать, нежели воровать. Только и всего! В Советском Союзе особо промышлять торговцам не было нужды. Спрос превышал всякие предложения. Купить что-либо возможности не было. Приходилось *доставать*. Счастливчики добывали всё нужное через валютные магазины «Берёзка», закрытые распределители для номенклатуры, комиссионные магазины и по блату. Помню, комиссионный магазин на старом Арбате, торговавший предметами искусства, постоянно находился в центре внимания прессы: директоров и продавцов регулярно сажали и назначали новых. С таким мнением о работниках торговли я прибыл в эмиграцию. И только теперь, знакомясь с именами дилеров, с которыми князь имел дело, я проникся к ним таким уважением, что впервые пожалел: была ведь у меня возможность сделаться в Советском Союзе директором книжного магазина. Впрочем, наверное, эта карьера кончилась бы тюрьмой! Не дали бы мне честно продавать книги.

Князь же с первых шагов коллекционирования увидел в людях, торгующих предметами искусства, живописью, не просто продавцов, а своего рода в высшей степени сведущих искусствоведов. Поэтому стремился подружиться с ними. До 1960 года он, по его собственному признанию, больше смотрел и слушал, чем покупал. Он частенько приводил к торговцам и художникам своих друзей и наблюдал за процессом покупки ими произведений искусства. Его интерес к сценической живописи в соединении с невозможностью поначалу приобретения самих работ заставлял его собирать информацию, анализировать и систематизировать её, чем князь и занимался с 1958 года, переехав в Нью-Йорк. Этой аналитической работе помогали его связи с торговцами Нью-Йорка и Парижа. Благодаря им, будущий коллекционер проходил стажировку в искусстве поисков.

Если не считать упомянутого уже Василия Васильевича Тютчева, у которого князь в рассрочку купил картину художника Сверчкова, первым настоящим дилером, с которым познакомился

Никита Дмитриевич, был Семён Якимович Болан, известный в Нью-Йорке торговец русскими книгами и картинами. Он эмигрировал в США с Украины в 1913 году. В годы революции и гражданской войны с 1917 по 1919 годы служил в американской армии. Болан стал известен тем, что в 20-е годы в Берлине скупал предметы культурного наследия, которые Советский Союз распродавал на аукционах. Как специалист по книжному антиквариату, он поддерживал связь не только через представительство «Международная книга» в Берлине, но и через «Амторг» в Нью-Йорке. Например, он выкупил часть книг из культурного наследия, которое Советский Союз в 1920-е годы выставлял на аукционах, а затем переправил и продал их в библиотеки американских университетов. Так в 1956 году Болан поехал в Советский Союз с тем, чтобы обменять рукописи Ленина и Лермонтова и копии писем Горького на недостающие экземпляры советских газет и журналов для библиотеки Колумбийского университета.

С творчеством Сергея Судейкина, перебравшимся из Парижа в Нью-Йорк в 1923 году, Никита Дмитриевич познакомился исключительно благодаря Болану Он выяснил, что за два года до смерти художник продал Болану более тысячи акварелей к восьми полным театральным постановкам, которые он приготовил для «Метрополитен-опера». Сделка эта, состоявшаяся в 1944 году, предполагала, что Болан, используя свои контакты в книжной торговле, перепродаст эти работы Советскому Союзу. Но те, к кому он обращался, тогда не заинтересовались не только искусством Судейкина, но и костюмами и театральными работами Александра Бенуа, Натальи Гончаровой, Константина Коровина, которые также приобрёл Болан. В частности, Болан во время гастролей Большого театра в США в 50-х годах, встретился с Галиной Улановой и сказал ей о работах Судейкина. Но разговор не имел последствий. В результате Болан начал распродавать работы Судейкина в Нью-Йорке. Таким образом, вплоть до 1972 года, когда Болан умер, все работы наследия Судейкина шли через него. И очень немногие проданы вдовой художника.

Добрые отношения с Воланом у Никиты Дмитриевича сложились не случайно. Фамилия Лобанов-Ростовский для этого выдающегося торговца и букиниста была очень значимой. Он знал, что часть книг, которые он скупал в Берлине, была из знаменитейшей библиотеки Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского, к концу жизни занимавшего пост министра иностранных дел. Эта библиотека, являвшаяся двенадцатой из числа «собственных», хранилась в отдельном помещении в

Зимнем дворце. После смерти министра она была приобретена Николаем II и поступила в Собственную Его Императорского Величества библиотеку. В 1917 году собрание книг А.Б.Лобанова-Ростовского, чьим прямым потомком являлся князь, было разрознено. Около половины его библиотеки в 1928 году поступило в библиотеку Эрмитажа. Часть лобановской библиотеки Советы распродавали в Берлине, которую и скупал Болан. Так что отношения молодого князя с торговцем имели хорошую базу, когда он решил сделать у него первую покупку – приобрести эскизы Сергея Судейкина. С видимым удовольствием Никита Дмитриевич вспоминает тот первый шаг к коллекции:

– Мне удалось у Болана купить несколько работ этого изумительного художника, когда я приехал учиться в Нью-Йорк. У него я встретился со второй женой Судейкина – Верой Стравинской. При первой же встрече я сказал ей, что хорошо её знаю. Она удивилась и ответила, что видит меня впервые. Так и было. Но я напомнил ей, что был такой большой альбом на 50 листах, где Судейкин увековечил её. Потом я познакомился с последней женой Судейкина – Джин Палмер-Судейкин, и приобрёл у неё достаточно много работ, в том числе, архив Судейкина, который в 1970 году передал в ЦГАЛИ.

Исследуя связи князя с торговцами, я искал следы настороженности, недоверия в отношениях между ними. Но Лобанов тепло вспоминает о большинстве из них. Например Н.И.Гордый – хозяин маленькой лавки на 129 Аллен-Стрит. Он, будучи сам художником, хорошо разбирался в живописи и покупал русское искусство у эмигрантов, уехавших из Российской империи ещё до 1917 года. У него было мало картин, но все – отменные. Гордый знал им цену и не дешевил. Безденежному в то время молодому князю, по его собственному признанию, редко удавалось у него что-либо купить. Но отказать себе в удовольствии пообщаться с Гордым он не мог.

С А.П.Малицким, ещё одним нью-йоркским торговцем, Никита Дмитриевич познакомился, когда тот уже ушёл из книжного магазина «Брентано», располагавшегося на Пятой авеню. Малиц-кий был известен тем, что, торгуя редкими книгами, уговорил хозяина магазина открыть отдел театрального искусства русских художников. Раз в год он ездил в Париж и скупал у дилеров работы Ларионова, Гончаровой и Бакста. Работы этих художников Никита Дмитриевич купил позже у Малицкого, который, уйдя на пенсию, торговал книгами и картинами из своего дома в Нью-Йорке.

Среди известных торговцев в Нью-Йорке Лобанов называет Петра Павловича Третьякова, владельца галереи, находившейся

неподалёку от Пятой авеню. Это была галерея русской живописи, где продавались в основном картины, написанные маслом. Но там появлялись и работы театральных художников, включая акварели.

Когда князь стал регулярно бывать в Париже и даже периодами жить там, он познакомился со многими торговцами. Среди тех, кого князь выделял, он вспоминает моего однофамильца, Гурвича Иссара Сауловича. С ним у супругов Лобановых сложились близкие отношения. Будучи холостяком, Гурвич каждое воскресенье отправлялся на чашку чая в семейство Александра Бенуа. И даже после смерти художника в 1960 году этот ритуал сохранялся. Благодаря Гурвичу, князь познакомился с семейством А.Н.Бенуа. Квартира Бенуа располагалась на улице Огюста Виту, в 15-м квартале Парижа, неподалёку от завода «Ситроен». Квартира была двухэтажная. Внизу – студия Бенуа, наверху спальня и столовая. На воскресные чаепития приходили С.Эрнст, Д.Бушен, И.Гурвич. Приходил и Лифарь, когда ему нужно было посмотреть эскизы. Обо всём этом князю рассказывала дочь художника Анна Александровна. Она показывала князю не только студию отца, но и его комнату на верхнем этаже, где он писал свои воспоминания, статьи. Там же, в кабинете, хранились его книги.

Сам Гурвич, у которого князь бывал часто, жил в мастерской приятеля-художника на улице Валь де Грае в 5-м квартале. У него было столько произведений искусства, что хозяин этого богатства сам не представлял себе, что именно у него есть. С 30-х годов до самой смерти в 1974 году Гурвич каждый день ходил на аукцион в «Саль Дрюо» и покупал работы русских художников. Стоили они тогда совсем недорого. Торговец был приятным в общении человеком, понимал психологию коллекционеров и цены у него были вполне приемлемые, особенно если вы ему нравились, лукаво подмечает Никита Дмитриевич. У Гурвича он купил эскизы А.Бенуа, Добужинского, К.Коровина, Чехонина и упомянутые уже силуэты Фёдора Толстого.

А вот Семёна Львовича Белица, известного парижского антиквара, жившего на улице Клод-Лорен в 16-м квартале, коллекционер вспоминает не совсем добрым словом. Этот торговец хорошо знал и понимал искусство. Только у него в Париже можно было увидеть картины Врубеля и Венецианова. Но когда князь пришёл к нему в 1964 году со 100 долларами в кармане, тот сказал: «Молодой человек, приходите через 20 лет, когда заработаете себе состояние». Конечно, такое неуважение, наверное, прощать трудно. Потому оно и запоминается. С другой стороны – это бизнес, пояснял мне Никита Дмитриевич.

Картины из собрания Белица, а он был не только торговец, но и коллекционер, ценятся на рынке очень высоко. На аукционе «Кристи», например, «Похищение Европы» продавалась за полмиллиона фунтов стерлингов. Подобная работа Серова «Похищение Европы» находится и в собрании Лобановых-Ростовских.

Князь, по его признанию, получил эту картину фактически задаром в «Сотби» на неудачном аукционе. В зале почти никого не было, и он не поверил своим ушам, когда аукционист назвал окончательную цену – 10 тысяч долларов. По слухам, моделью для Европы в этой картине служила Ида Рубинштейн. Серов сделал, по меньшей мере, шесть вариантов этого сюжета – один из них находится в Третьяковской галерее в Москве, другой – в Русском музее в Петербурге.

Среди всех дилеров в Париже, занимавшихся театральным искусством, князь выделяет Иосифа Мироновича Лемперта (умер в 2009 году.) Его магазин «Санкт-Петербург» на улице Мироменил в 8-м квартале был и продолжает оставаться центром русского антиквариата в Париже последние сорок лет. Лемперт основал этот магазин не сразу. Приехав в Париж в 1967 году, он сначала работал в книжном деле Каплана, а затем преподавал в лицеях русский язык. Его дочь, Роза, спустя год после смерти отца, переписываясь с князем, рассказывала ему, что в свободное время отец любил бродить по толкучкам и «блошиным рынкам», которых в самом Париже и вокруг великое множество. Иосиф Миронович был большим знатоком русской литературы, искусства Серебряного века и русского авангарда.

Дочь рассказывает в письме князю, что жилка коллекционера и собирателя была в нём с самых ранних лет. Во Львове, откуда семья приехала в Париж, Лемперт коллекционировал книги и пластинки. У него была самая большая в СССР коллекция пластинок Вертинского. «Однажды отец принёс домой русские ордена, за которые он заплатил всю свою мизерную зарплату. И заявил: «Не мог не купить! Продавали прямо на тротуаре, за гроши. У меня было чувство, что я спасаю русскую историю!». Наверное, это чувство объединяло коллекционеров и торговцев.

Князь бывал не только в магазине, но и в квартире Лемпертов, которую в своих воспоминаниях он описывает со всеми подробностями: «В жилом помещении висели и хранились экспонаты, с которыми семья Лемпертов не расставалась: редчайший русский агитфарфор, коллекция русских орденов, русское серебро, гарднеровский фарфор, книги и фотографии с автографами. Когда вещь попадала в квартиру, её больше не продавали, невзирая на уговоры друзей-покупателей. Она

входила в семейную коллекцию. Хорошо помню огромнейший (2.30 × 1.30 м) портрет Петра Великого, висевший на лестнице, ведущей из магазина в квартиру. Лемперт не хотел с ним расставаться, но в квартире для него не было места. Этот портрет был написан в 1697 году по заказу короля Вильгельма III сэром Годфреем Кнеллером».

Одним из первых ценных приобретений Лемперта, как полагает князь, был пейзаж Левитана за 500 франков. Много позже, листая кнебелевский шеститомник «История русского искусства», который издавался с 1904 по 1916 год. Иосиф Миронович заметил, что глава о Левитане открывалась этим самым пейзажем с примечанием, что картина «находится в коллекции княгини Тенишевой», что подтвердило его уверенность в приобретении подлинника из этой коллекции. Лемперт продал картину за 4 тысячи франков из-за того, что в ней была дырка. Тогда он ещё не понимал, что холст можно реставрировать.

…А магазин этот начался потому, что Лемперт стал приносить домой всё русское. Эмигранты первой волны умирали, а их дети офранцузились, и, став наследниками, забыв русский язык, уже не могли оценить по достоинству то, что им досталось. Дочь Лемперта, Роза, в замечательных деталях описывает эту историю в переписке с князем.

«Отцу стали звонить: Иосиф Миронович, поезжайте на такой-то адрес! Там, мол, русские книги выкидывают! А ведь, бывало, и жгли! В 1974 году ещё до открытия магазина мы с папой купили у француженки, вдовы русского коллекционера, огромное количество книг, которыми был забит её гараж. Она нам позвонила и пригрозила: «Если не приедете покупать – всё выкину!». Пришлось ехать и покупать. Но денег-то не было!!! Мы с сестрой предложили папе отложенные на каникулы деньги.

Жили мы в муниципальном доме в северном пригороде Парижа. Книжек было много, и наши соседи великодушно одолжили нам свои подвалы, которые мы заполнили русскими книгами. В квартире стало совсем тесно – всюду книги. Так появилась необходимость открыть магазин. И вот в один прекрасный день, это случилось в 1975 году, я посадила папу в машину со словами: едем искать магазин. И нашли в тот же день маленький магазинчик в узком пассаже на улице Сент-Оноре под номером 91. Сегодня нас там давным-давно нет, зато в пассаже и вокруг него пооткрывались русские магазины. Видимо, мы там оставили свой дух…

Продавать в магазине мы решили, конечно же, книги. Но на одних русских книгах прожить было невозможно. Поэтому мы вынуждены были поставить на продажу и некоторые вещи из

нашей личной коллекции, привезенной в Париж в 1967 году. Удивительное дело – обычно люди открывают магазин и покупают для него товар. В нашей же семье произошло как раз обратное: пришлось открыть магазин, чтобы продавать в нём то, что в нашей коллекции было лишнее. Вещь вынималась из шкафа, ставилась на стол, и мы все четверо должны были проголосовать за продажу. Если одному из нас вещь была почему-то дорога, речи не было, чтобы отправлять её в магазин. Это было наше право «вето». Поэтому в магазине и появились разные вещи: фарфор, бронза, картины. Магазин уже был открыт, а папа всё ещё продолжал преподавать, на всякий случай: вдруг магазин не пойдёт? Только убедившись, что магазин – полная удача, примерно через год, папа бросил преподавание.

Немного позже папа купил ценнейший архив Ремизова у вдовы издателя его произведений. После смерти издателя его вдова сложила все бумаги в прихожей, перед дверью, в ожидании папы и предложила забрать всё, не глядя и не разбираясь. Она назвала совсем небольшую цену, добавив: «Столько бумаг, хочу избавиться». Папа, не сказав ни слова, вынул деньги и заплатил. Говорила она только по-французски. И было такое впечатление, что она готова доплатить, чтобы забрали бумаги. «Опять спасли», – сказал папа, выходя от неё. Желающих купить архив Ремизова было много. Однако папа отказался разбивать архив и решил продать его только целиком музею, университету или серьёзному коллекционеру. Так и получилось. Архив купил коллекционер Томас Уитни. Он сдержал данное папе слово и в 2000 году передал архив Амхерстскому центру русской культуры при одноимённом колледже (город Амхерст, штат Массачусетс, США), который Уитни окончил в 1937 году.

Очень быстро магазин превратился в место встречи русской эмиграции в Париже. Надо сказать, что всё больше было пожилых людей, зачастую одиноких, которые стали приходить в магазин пообщаться, рассказать или посоветоваться. Кто искал помощника по дому, кому нужна была няня для новорождённого внука, кто советовался, куда бы поехать отдыхать».

Признаюсь, описание Розой Лемперт истории этого магазина, привлекло меня потому, что в самом начале моей эмигрантской жизни в Лондоне у меня возникали всякие фантастические идеи «открыть своё дело». Но они отвергались по многим причинам. Прежде всего, мне надо было расстаться со многими советскими представлениями о коммерции, основанной на распределении. Ну, скажем, я не понимал, почему в Лондоне открывается одна продуктовая лавка, а рядом или напротив тут же другая. То же самое происходило с парикмахерскими. Далее, почему успешен

именно семейный бизнес? К счастью, вместо попыток «открыть дело», мне представился случай разобраться в одном таком семейном бизнесе – газетном киоске, который существует в Лондоне со времён Диккенса.

Уже много лет я покупаю русские газеты и журналы в этом киоске напротив станции метро «Холборн». Киоскёр Симон оставляла для меня газету «Известия» совершенно как в прошлом в России. Газетные киоски я люблю с детства, потому что моя мама в Москве была киоскёром «Союзпечати». Её киоск стоял на трамвайной остановке «Шмитовский проезд». В лютый холод и в летнюю духоту мама с шести часов утра встречала первый фургон из типографии газеты «Правда». Второй завоз из Краснопресненской районной конторы «Союзпечати» – с десятками пачек – был основной. Покупатели уже выстраивались в очередь, пока она выкладывала газеты и журналы на прилавок. Крошечная деревянная будка насквозь продувалась ветрами. В ногах ставился обогреватель. Но он мало помогал. Мама надевала тёплую шаль, валенки, меховую безрукавку под пальто, но всё равно мёрзла. Шерстяные перчатки со срезанными пальцами тепла не держали, кожа на руках трескалась. Но иначе мелочь не посчитаешь.

В пять утра она была уже на ногах, ставила термос с горячим чаем в сумку и спешила на первый трамвай «А», который и подвозил её к киоску. Я жалел тогда мать, но лишь повзрослев, понял, что она любила свою работу. У неё появились «свои» покупатели. Им она оставляла дефицитные журналы «Огонёк», «Смену», «Новый мир», «Юность», а позже «Литературную газету», которую называли «Гайд-парком при социализме» за её открытость и полемичность… Получить свежий номер таких лимитированных изданий, считалось редкой удачей.

Когда же стал издаваться иллюстрированный журнал «Америка», киоскёры «Союзпечати» сравнялись по престижу с продавцами дефицитной колбасы. Оставлять «под прилавком» категорически запрещалось. С этим злом боролись внезапными проверками. Но начальник мамы заранее предупреждал её о «внезапной проверке». Он знал: брать «чаевые» в виде коробки конфет она всегда стеснялась. А припрятывала «дефицит» любезности ради, не случайным, а постоянным покупателям. Ведь тот же журнал «Америка» в годы «холодной войны» оставался единственным источником непредвзятой информации, за которым охотилась интеллигенция. Журнал выпускался в СССР тиражом чуть больше 50 тысяч экземпляров на замечательной бумаге, с яркими цветными фотографиями. Один вид издания говорил советским людям об уровне жизни за океаном. Стоил он

дорого, а купить невозможно. Издавали-то журнал по специальному правительственному соглашению между двумя странами – Советский Союз выпускал на территории США журнал «СССР», который пропагандировал «советский образ жизни». Но существовало секретное распоряжение ЦК КПСС, где указывалось, что появление журнала «Америка» «отнюдь не означает, что его содержание одобряется». Это лишь дипломатический акт. Потому распространение журнала должно всячески ограничиваться.

Журнал не должен попадать в руки незрелых в политическом отношении людей, не способных разобраться в тенденциозности его содержания. Материалы журнала не должны использоваться в пропагандистской и агитационной работе, в печати и радио. Пять тысяч экземпляров распространялись по подписке в 40 крупных городах страны, а остальные 45 тысяч – продавались через киоски «Союзпечати» в 80 городах страны. В этом распоряжении специально указывалось, что «нет никакой необходимости добиваться продажи всех номеров журнала. Советские органы связи имеют право возвращать до 50 процентов тиража, если его не удаётся реализовать… Партийные же организации должны позаботиться, чтобы вокруг распространения журнала «Америка» не создавалось «нездоровой обстановки ажиотажа». Ажиотаж, конечно, был. Так что те несколько экземпляров «Америки», которые мать получала, она «на всех законных основаниях» не выставляла на прилавок. Правда, продавала их как раз тем самым «незрелым в политическом отношении» людям, охотившимся за «лимитированными изданиями», отличавшимися от пропагандистской макулатуры. Один же экземпляр она всегда приносила домой. Мы читали его очень аккуратно с тем, чтобы он не потерял, как говорила мама, «товарный вид» и его можно было тут же продать.

Всё это я вспомнил, когда Симон однажды сообщила мне, что её семья продаёт тут газеты со времён Диккенса. Потому я обрадовался, когда Симон пригласила меня в дом её родителей, где я увидел фотографию её прадеда, Хэнрика Вебера, продававшего газеты на том самом углу Хай Холборн и Кингс-вэй. Тош, так почему-то прозвали его, жил неподалёку, на одной из улочек Ко-вен Гарден. Это ему впервые пришло в голову продавать газеты около самого известного тогда ресторана масонов. Ближе к вечеру, когда начинало темнеть, сюда съезжались гости. У входа в ресторан то и дело останавливались кареты. Тут-то богатых пассажиров поджидал Тош с пачкой газет. И получал щедрые чаевые.

Затем он поставил на углу картонные коробки из-под апельсинов. На них с самого утра раскладывал газеты и журналы,

таким образом, «застолбив» это место за собой навсегда. Никто из конкурентов с тех пор не мог сунуться на угол Холборн… В те времена нынешняя станция «Холборн» называлась «Британский музей», здание которого располагалось поблизости. В здании музея был и круглый читальный зал знаменитой Британской библиотеки. Так что не исключено, смеётся Симон, что за газетой к моему прадеду Тошу приходил и Карл Маркс, работавший в той библиотеке над «Капиталом» около 30 лет, а позже и ваш Ленин, тоже частенько наведывавшийся в читальный зал.

В газетном бизнесе уже тогда участвовала вся семья. В середине дня на смену Тошу подходил кто-то из детей или его жена, Катрин, прабабушка Симон, торговавшая в Ковен Гарден женскими украшениями. В начале двадцатого века прадедушку сменил один из его сыновей, Грэйхэм Лонг-старший. В семейном архиве мы отыскали фотографии деда Симон. Он стоял рядом с газетной тумбой и газетным развалом, первым типом киоска. На руках у него точно такие же шерстяные перчатки с обрезанными «пальцами», как те, что надевала моя мама. Дед продавал газеты до самого начала Второй мировой войны. Когда же ушёл в армию – во время войны он служил в зенитной артиллерии на одном из британских островов – газеты продавала его жена Ани, бабушка Симон. В 1945 году Грэйхэм-старший опять появился на углу Холборн. Но тут выяснилось, что ему подросла настоящая смена – 14-летний сын, Грэйхэм-младший, твёрдо решил продолжить семейную традицию и постепенно оттеснял родителей. Это и был отец Симон, который очень гордился, когда у столика с газетами и журналами оказывался один…

– К моменту, когда ресторан масонов на углу сломали и возвели новое здание Банка, – рассказывал отец Симон, – место для газет оставалось за нашей семьёй. И уже служащие и клиенты покупали у нас газеты и журналы. Но однажды ко мне подошёл администратор Банка и сказал, что хозяин потратил огромные деньги, чтобы возвести мраморный фасад. И продавать газеты – тут не место. Киоск портит внешний вид. К тому времени я женился, и мы вместе с женой Фрэнсис решили – нет, отсюда не уйдём. Молодой администратор пообещал выгнать их с помощью полиции. Грэйхэм с женой стояли на своём. Когда же за газетой подошёл один из постоянных покупателей, член парламента, известный публицист Том Драйберг – он был автором знаменитой «колонки» в тогдашней газете «Дэйли экспресс» (где печатался под псевдонимом «\УШат ШсЬеу»), – Грэйхэм рассказал ему об инциденте.

На следующий день Том отправил письмо лично Управляющему банка, лорду Мэнтону, где разъяснял, что семья

Грэйхема Лонга на этом углу продаёт газеты с 19 века. И, по его мнению, продажа газет никак не может портить вид и наносить ущерб имиджу Банка. А совсем наоборот… Вскоре Лонги получили письмо от лорда, в котором семья уведомлялась, что газеты и журналы будут продаваться по-прежнему на этом самом месте, у входа в Банк. Тут же пришёл посыльный от ретивого администратора с просьбой зайти. И когда тот сообщил, что передумал и позволяет продавать газеты на этом углу, Грэйхэм вынул письмо из кармана и спросил, не оно ли причина такой перемены? С тех пор администратор старательно обходил место, где Лонги продавали газеты и журналы…

В ходе реконструкции микрорайона газетный киоск не раз передвигали. Одно время киоск переселился непосредственно во внутрь станции метро. Но потом его вернули на прежнее место. Однажды, уже на моих глазах, тут затеяли серьёзный ремонт дороги. Подъехал кран и аккуратно перенёс стеклянный киоск на 30 метров в сторону Буш Хауз. А когда ремонт закончился, киоск снова занял своё законное место – прямо напротив выхода станции метро «Холборн».

Но вернёмся к Лемпертам. Со временем в тот магазин на Сент-Оноре стало приезжать трудно. И дети решили, что родители должны жить над магазином. В 1980 году магазин Лемпер-та переехал в более престижный район, нарю де Мироменил. Хозяин регулярно посещал аукционы в том же «Саль Дрюо». Как человек очень сведущий, он удачно пополнял магазин антиквариатом. Лемперту же посчастливилось купить часть картин, оставшихся после кражи на квартире Иссара Сауловича Гурви-ча. После смерти торговца его квартиру, в которой находились сотни работ русской живописи и графики, опечатали с парадной лестницы. Но дверь заднего входа для прислуги осталась не опечатанной. Через неё из квартиры большинство шедевров было украдено.

Эту историю князь рассказывает с искренним сожалением ещё и потому, что он жаждал приобрести прекрасные работы Бакста, Сомовых, полотна Айвазовского. И вместе с Гурвичем мечтал и ждал, когда у него появятся средства. Теперь эти шедевры исчезли безвозвратно. У Гурвича не было наследников. Поэтому оставшиеся после кражи произведения были проданы на аукционе с молотка. Лемперт купил несколько картин, в частности три эскиза Бенуа к «Петрушке» в одной раме, с надписью Александра Николаевича: «Петрушка, Балерина и Мавр». Попытки князя откупить эскизы у Лемперта оказались тщетны. Уговорить продать их он не смог. Как уверяет князь, эскизы по сей день висят в квартире над магазином.

Завершая тему торговцев, стоит упомянуть ещё одну личность, подтверждая тем самым, что племя это объединяет, порой, действительно выдающихся людей. Джулиан Барран начал работать в «Сотби» носильщиком. Иначе говоря, помогал передвигать мебель и картины на складе аукционного дома. Как он смог стать одним из самых авторитетных торговцев, для многих остаётся загадкой. Ведь позже Барран даже открыл галерею, специализирующуюся на театрально-декорационном искусстве. Она так и называется «Галерея Джулиана Баррана», и располагается на самой роскошной улице Лондона – Нью-Бонд стрит, которая переходит в Олд-Бонд стрит. Это всего в 500 метрах от «Сотби». Все, кто приезжает туда на русские аукционы, обязательно заходят в «Галерею Джулиана Баррана»…

Князь утверждает, что мгновенному превращению бывшего носильщика в успешного аукциониста помогла обаятельная натура и исключительная зрительная память. За 30 лет, которые Барран проработал в «Сотби» на Олд Стрит, его имя прочно связано с продажей дягилевского театрального реквизита и с организацией им аукциона коллекции Лифаря.

– В 1967 году, – вспоминает сам Джулиан, – когда я работал в «Сотби», мы впервые устроили аукцион дягилевских балетных дизайнов и костюмов. Тогда я узнал тех 22 русских художников, которые творили для его постановок. Аукцион был необыкновенно успешным. Мы продолжили русские торги, устроив по две продажи в 1968 и 1969 году в Лондоне, и в 1970 году – в Нью-Йорке. Тогда же родилась мысль, что неплохо бы устроить торги, полностью посвященные авангарду. Мы знали очень мало об этом искусстве, но нам помогла самая авторитетная личность в этом направлении искусствознания – Камилла Грей.

Остаётся заметить, что биографии торговцев, подчас, такие сложные, что в них трудно отделить, где они торговцы, а где коллекционеры. Наверное, это характерно именно для торговли изобразительным искусством. Но условную границу в биографии князя, на мой взгляд, всё же можно провести. Никита Дмитриевич никогда не имел ни магазина, ни галереи. Так сказать, в чистом виде коллекционер. Впрочем, тут же подправлю себя: трудовую биографию князь завершал в торговом доме «Сотби», куда его пригласили консультантом. Поработал он и в другом известнейшем аукционном доме «Кристи». Но эти детали в биографии коллекционера делают ему честь! Ведь Никита Дмитриевич, как он утверждает, всего лишь геолог и банкир, и у него нет никакой специальной подготовки, специального образования. Стало быть, самоучка? Да, именно так!

В увлечении русским искусством он не только приобретал, но и наблюдал, учился разбираться в картинах, художниках, стилях, направлениях живописи, т. е. накапливал искусствоведческие знания. В этом самообразовании князь действительно преуспел: он составил справочник театральных художников «Кто есть кто и где». Триумфальным же итогом этой исследовательской работы стала коллекция Лобановых-Ростовских, которая считается сегодня крупнейшим в мире частным собранием русского театрально-декоративного искусства.

Собирательство

Данная глава – прямое продолжение предыдущей. Ведь граница между торговцем и собирателем весьма условна: торговец предметами изобразительного искусства на самом деле тот же собиратель. Потому мы, бывшие советские люди в нескольких поколениях лишавшиеся инстинкта собственника, презирали и собирателя и торговца! Это была всё та же порода желавших иметь, т. е. собирать, а значит торговать! Школьниками мы обнаруживали в себе или у товарищей желание собирать фантики, марки, этикетки от спичечных коробков. Но и эта невинная забава не поощрялась в обществе, а если превращалась в страсть, то приобретала негативный смысл, осуждение, запрет. Собирательство никак не вязалось с официальной идеологией аскетизма.

Страсть собирать сопровождала князя с детства. До школы он собирал почтовые марки, потом монеты. В школе у него составилась коллекция минералов, которая стала предметом зависти его товарищей. Он обменивал, а в трудные минуты продавал отдельные камни. В Болгарии, особенно довоенной, отношение к собирательству было иное, чем в Советском Союзе. И если исходить из того, что собирательство – своеобразная форма коллекционирования, то можно считать, что юный князь в детстве счастливо прошёл эту школу и выработал в себе характер коллекционера.

Знакомясь с биографией князя, мне более всего нравится определение: коллекционер-сыщик. Методы, которые использует коллекционер-собиратель в самом деле схожи с теми, что на вооружении у сыщиков. Сыщик идёт по следам происшествия, будь то пропажа, исчезновение, гибель, преступление, наконец. Коллекционер пробует отыскать то, что исчезло и должно быть найдено. Собирателя можно сравнить и с охотником, выслеживаю – щим дичь. Он идёт по следам, изучает все повороты, обманные петли, заходит в тупик, возвращается и вновь определяет направление поиска, пока не достигает цели. Собиратель одержим предметом своей страсти. И он счастлив, став обладателем предмета, за которым охотился.

Что же вводит коллекционера-собирателя в состояние эйфории, необыкновенного возбуждения, почти сладострастия? «Ни одна галерея не может предоставить… необходимого ежедневного контакта с вожделенным произведением искусства… Импульс к собирательству необыкновенно силён и он становится практически иррациональной страстью» (английский историк

искусства Кеннет Кларк). Что касается иррациональности собирателя, импульса и страсти, тут нет возражений. А вот «ежедневный контакт с вожделенным произведением искусства» у меня вызывает сомнение. О каком таком ежедневном контакте можно говорить в случае с коллекцией Лобановых-Ростовских, если коллекция десятки лет, до того момента когда она была продана и переехала в Санкт-Петербург, находилась в специальных хранилищах-запасниках в третьих странах? Да, на выставках, которые организовывал князь, шедевры извлекались из запасников и он, как и прочие посетители, мог ими любоваться. Стало быть, на первом месте, как не крути, желание иметь? Ситуацию с собирательством проясняет Никита Дмитриевич. Во-первых, он решительно протестует против таких расхожих представлений о собирательстве:

– Самое неверное и парадоксальное, что можно услышать о собирателях – то, что они Плюшкины *(гоголевский герой – Э.Г.)*. Нет, нет и нет! В собирательстве приобретение, обладание и алчность – далеко не самые главные стремления и страсти. Истинный коллекционер немыслим без глубочайшего и всестороннего изучения своей коллекции. Он хочет знать о предмете собирания всё и вся, на всех уровнях: не только цену вещи (рыночную и по гамбургскому счету), но и происхождение, судьбы прежних владельцев, легенды вокруг вещи, ее присутствие в литературе, в устных упоминаниях, в мечтах других коллекционеров.

Признаюсь, изучая историю коллекции Лобановых-Ростовских, я расстался со многими представлениями о собирательстве. Да, я догадывался, что собирательство связано с сильными страстями, что собиратель должен знать о предмете своего собирательства больше, чем знают другие, что составление коллекции – кропотливая работа, связанная с упорными поисками. Но не представлял себе, скажем, что не следует собирать то, что сегодня считается модным. Что надо стремиться к тому, чтобы иметь возможность приобретать произведение искусства не у посредника, а у «источника».

Далее, как показывает статистика за 250 лет, собирание живописи за редким исключением – плохое размещение капитала. Если учитывать инфляцию, то картина Рембрандта, например, стоит сейчас столько же, сколько она стоила 50 или 100 лет назад. Ценность такого предостережения для начинающих коллекционеров в том, что его даёт не только опытнейший собиратель, но и человек, весьма сведущий в банковском деле. Никита Дмитриевич объясняет, что в сфере финансов и коллекционирования происходят сходные циклические процессы.

Это касается прежде всего ценообразования на предметы искусства. Например, в 1920-х годах работы Льва Бакста в Париже и Нью-Йорке оценивались во столько же, во сколько они оцениваются теперь с учётом инфляции – 10–15 тысяч долларов; во время Второй мировой войны, да и какое-то время после неё, их можно было купить за 20–30 долларов. Для настоящего коллекционера очень важно, что поиск «источника» при покупке предмета искусства обрастает дополнительными историями. Более того, начинающий собиратель живописи должен быть готовым, что обладание более или менее значительной коллекцией – это всегда расходы на страховку, реставрацию работ, уход за ними, складирование в охраняемых помещениях, упаковку в связи с перемещениями, транспорт и так далее. «Коллекционирование – очень дорогое хобби, – предупреждает князь, – которое определило мой образ жизни на многие годы вперёд».

Естественно, Никита Дмитриевич был знаком со множеством коллекционеров, взаимоотношения с которыми складывались по-разному: тут и взаимная помощь, и конкуренция, и даже ревность. Например Георгий Рябов, владелец одной из богатейших частных коллекций в США. Он родился в 1924 году в Польше, в семье русских эмигрантов. В конце Второй мировой войны, находясь в Западной Германии, он начал собирать произведения русских художников. Переселившись в 1949 году в США, в течение 45 лет продолжал собирать коллекцию. Примечательно, что всю коллекцию: иконы (начиная с XV века), картины знаменитейших русских художников Айвазовского, Поленова, Серова, Тропинина, портретистов XVIII века Рябов собрал, как утверждает Никита Дмитриевич, на свою скромную зарплату, работая контролёром в Музее современного искусства в Нью-Йорке. Впрочем, отзываясь с большой симпатией о Рябове и его подвижнической деятельности, князь драматизирует её (думаю из лучших побуждений) многими обстоятельствами, в том числе и не совсем сложившейся карьерой, и крайним аскетизмом, и тем что Георгий Васильевич имел собственный дом, который получил от отца, работавшего могильщиком (это и помогало ему решать финансовые проблемы). Никита Дмитриевич запускает миф о беспомощности Рябова, неумении постоять за себя, пересказывая историю о том, как в самом начале 1960-х годов в Нью-Йорке Рябов присутствовал на встрече с директором Третьяковской галереи В.Лебедевым. Услышав о том, что у Рябова замечательное собрание русского искусства, Лебедев объявил о необходимости…национализировать коллекцию. Бедный Рябов побледнел: «Я же покупал на собственные деньги, почему вы

хотите у меня всё забрать?»

В этом инциденте, подмечает князь, проявилось всё – и психология советского гражданина Лебедева, и психология рядового человека Рябова, который почему-то начал оправдываться, вместо того, чтобы, по русскому обычаю, послать этого господина куда следует! А Рябов, мол, – типичный «рядовой человек», который в буквальном смысле недоедал, но собирал свою коллекцию, отдав этому всю жизнь. Не спекулировал, никого не «закладывал», как знаю, это делал кое-кто в Советском Союзе, чтобы овладеть редкими и ценными картинами. Всё собрание Рябова приобретено исключительно честно и праведно. Упомянутый же инцидент, полагал князь, стал причиной того, что больше Георгий Васильевич ни на какие контакты с Россией не шёл.

Любопытны обстоятельства, при которых Рябов распорядился своей коллекцией. По версии Никиты Дмитриевича, проработав много лет контролёром в Музее современного искусства, а затем в русском книжном магазине «Четыре континента», Рябов с трудом дотянул до пенсии минимального размера. Но вместо того, чтобы продать свои картины и получить за них несколько миллионов долларов, он дарит всю коллекцию Музею Зиммерли при университете штата Нью-Джерси в городе Нью-Брунсвик с единственным условием: дать ему за мизерную зарплату место пожизненного хранителя собрания. В коллекции же насчитывается около 1100 произведений русского искусства. Похоже, в России мало кто знает не только об этом человеке, но и о сокровищах, которые хранятся в провинциальном американском университете.

В своих воспоминаниях Никита Дмитриевич ко всему перечисленному представляет Рябова «скромнейшим и милейшим человеком, который не любит и не умеет писать. Для него проблема даже сочинить письмо: за наше сорокалетнее знакомство я получил от него, ну, может быть, три послания». Эти впечатления, похоже, очень личные. Они не совсем вяжутся с тем, что тот же самый Рябов, как оказалось, изучал историю искусств в Мюнхенском университете (1946–1949), затем, переселившись в Америку, стал бакалавром (1951) и магистром (1952) Нью-Йоркского университета. Он продолжал занятия в качестве аспиранта на соискание докторской степени; работал над рядом научно-исследовательских проектов; делал переводы с русского, польского и немецкого языков для Американской научно-исследовательской службы при Госдепартаменте в Вашингтоне; занимал должность архивариуса и переводчика в Музее современного искусства; читал лекции по русскому искусству.

Георгий Васильевич автор искусствоведческих статей. Он организовывал множество выставок и искусствоведческих поездок. Ну, и так далее. Возможно, что некоторые из этих деталей биографии остались вне поля зрения автора воспоминаний о Рябове. Но такое случается.

О другом собирателе, Георгии Дионисовиче Костаки, впервые князь услышал от директора Музея современного искусства в Нью-Йорке, Альфреда Барра. В начале 60-х годов Барр приехал в Москву и, навестив канадского посла, своего соученика по университету, сказал, что хотел бы снова повидать тех авангардистов-живописцев, которые здесь живут. Канадский посол ему ответил: «Да, я знаю человека, который разбирается в живописи и даже собирает предметы искусства, он вас повозит по Москве и вам поможет в этом деле». Это был Георгий Дионисович Костаки. Он родился в Москве в 1913 году, в семье греческого коммерсанта. Замечательно, что живя в СССР, каким-то чудом сохранил греческое подданство. Работая шофёром в посольстве, он возил дипломатических работников в антикварные магазины. Постепенно сам втянулся в коллекционирование. Как это случилось Костаки рассказывает в своей автобиографии:

– Я собирал картины старых голландцев, фарфор, русское серебро, ковры и ткани. Но всё время думал о том, что если буду так продолжать, то ничего нового в искусство не принесу. Всё то, что я собирал, уже было и в Лувре, и в Эрмитаже, да, пожалуй, и в каждом большом музее любой страны, и в частных собраниях. Продолжая в том же духе, я мог бы разбогатеть, но… не больше. А мне хотелось сделать что-то необыкновенное. Как-то совершенно случайно попал я в одну московскую квартиру. Там я впервые увидел два или три холста авангардистов, один из них – Ольги Розановой. Работы произвели на меня сильнейшее впечатление. И вот я купил картины авангардистов, принёс их домой и повесил рядом с голландцами. И было такое ощущение, что я жил в комнате с зашторенными окнами, а теперь они распахнулись, и в них ворвалось солнце. С этого времени я решился расстаться со всем, что успел собрать, и приобретать только авангард.

Поразительно в биографии Костаки всё и прежде всего – карьера. В Бюро по обслуживанию иностранцев он сначала работал в качестве шофера греческого посла в Москве, потом английского посла, а затем, в течение 37 лет – с 1942 по 1979 годы – в качестве завхоза посольства Канады. Эта служба знаменательна для Костаки не тем, что он был начальником над местной советской прислугой в посольстве: шоферами, садовниками, поварами и горничными, а побочным занятием – собирательством.

В то время в Советском Союзе деятельность эта рассматривалась как криминальная. Частная антикварная торговля считалась спекуляцией. Государство стремилось прекратить ее с помощью репрессивных мер: изъятий частных коллекций, облав на антикварных дельцов, скупки антикварных вещей у населения. После войны произведения старого искусства продавались в Москве в секции комиссионного магазина на Арбате, 36. Затем, в середине 50-х, в отдельном павильоне на Арбате, 17, открылся специализированный комиссионный магазин. Это было время самого роскошного и доступного по цене антиквариата. Отсюда иностранные дипломаты («Интуриста» тогда в Москве фактически не было) «откачивали» антиквариат. Особенно «посланцы мира», как писали фельетонисты газеты «Вечерняя Москва», налегали на европейский фарфор и бронзу. Проблем с вывозом не было. На таможне надо было только предъявить копию чека магазина, где был куплен товар.

Пожилые люди и сегодня вспоминают механизм «селекции» товара в «комиссионках». На подходе к магазину сдатчика антиквариата перехватывали личности, удивительно похожие на нынешних бомжей. «Что у вас интересненького?» – ласково спрашивали они. И если видели что-то достойное внимания, пытались сразу перекупить. За дверью же «приемки» сидели товароведы, производящие оценку товара и отбор. Разглядывая вещь комитента, они перекликались: «Первая категория! Вторая категория!» и т. д. Так они договаривались об оценке вещи. Затем товар уносили вглубь магазина, где откладывали наиболее ценные вещи для постоянных покупателей, а остальное поступало продавцам в отделы. К открытию магазина собирались «перехватчики». Они сметали с прилавков все для них интересное. Это был последний этап «селекции»…..

«Комиссионки» в те годы я, москвич, почти всегда обходил стороной по причине крайнего безденежья. Зато моя покойная первая жена, дочь «цеховика», можно сказать оттуда не вылезала. Там у неё были свои люди, которые оставляли для неё, в первую очередь, импортную одежду нужного размера, а иногда и ювелирные изделия. В первой половине 60-х годов, а это были годы моего студенчества, в московских газетах регулярно публиковались статьи о разоблачении шайки спекулянтов. Дела выглядели заурядными и типичными для всех без исключения комиссионных магазинов: при приеме на комиссию цена на вещь комитента занижалась, а затем вещь из кабинета директора «улетала с наваром» блатным клиентам. Газеты дружно клеймили «известных коллекционеров» за то, что они способствовали

спекуляции. Магазин на Арбате несколько раз закрывали, потом на короткий срок снова открывали, и, в конце концов, снесли даже павильон, где он находился. Стало некуда сдавать на продажу произведения старого искусства. Арбат от ресторана «Прага» до Гастронома запестрел объявлениями – продам картину, бронзовые часы, скульптуру, гарнитур и т. п. Не помог и запрет на вывоз произведений искусства без разрешения Минкульта СССР. Открывшийся было комиссионный магазин на улице Димитрова, 54 очень скоро оказался в центре скандала. Его руководители, как и в деле магазина на Арбате, 17, опять попадают под суд и на страницы прессы. Даже фигуранты оказались те же, например коллекционер Феликс Вишневский. Его печатно обозвали жуликом и прохвостом. То же самое говорили и о Костаки.

Во всей этой истории был, конечно, деликатный вопрос – отношения «благородного» коллекционирования и коммерции на антикварном рынке. Лично Костаки все эти расследования и суды не коснулись. Более того, начиная с 1973 года, Костаки стал ездить по миру с лекциями о русском искусстве. В частности, 9 октября 1973 он выступил с лекцией в Музее Гуггенхайма в Нью-Йорке. В 1979 году он благополучно уехал со своей семьёй из СССР в Грецию. При этом часть коллекции вывез с собой, а часть подарил Третьяковской галерее. В 1988 году Костаки находился на лечении в Стокгольме, так как не доверял греческим больницам, также как и советским. Умер Георгий Дионисович в 1990 году. После его смерти греческое государство выкупило часть коллекции Костаки и поместило её в основанном в 1997 году Государственном музее современного искусства в Салониках.

Князь не переставал поражаться, как Костаки – человек без высшего образования, без какой-либо эстетической подготовки вдруг стал собирать русский модерн. Какая-то интуиция подсказала неопытному ещё собирателю абсурдное тогда решение: перестать покупать голландских мастеров и полностью переключиться на русский авангард. Уникальный инстинкт дал ему видение, которым не обладали профессиональные музейные работники. Это сразу заметил и Альфред Барр когда познакомился с Георгием Дионисовичем. Последний провёл много часов с гостем, возил его к Родченко, к другим художникам. Первую модернистскую картину Костаки приобрёл в 1946 году. Конечно, время помогало собирателю. С конца войны и в 50-е годы денег у людей не было. Абстрактное искусство вообще не считалось искусством. Многие художники ещё были живы и здоровы, но растеряли веру и увлечение формами искусства

10-20-х годов.

Интересен вопрос, почему в самом начале советская власть была столь терпима к авангарду? На самом деле загадки нет. Авангардное искусство воспринималось как протест против буржуазного искусства. Революции годилось всё, что противостояло старому, царскому режиму. Позже сталинский режим стал свирепо преследовать любой вид искусства не соответствующий социалистическому реализму. И от авангарда отреклись и его творцы, и почитатели. Между прочим, это происходило не только с теми, кто жил в СССР, но и с теми, кто оказался в эмиграции. Поэтому коллекционер Костаки – поистине легендарная фигура, сыгравшая исключительную роль в воссоздании славы русскому авангарду.

Лобанову-Ростовскому, который был хорошо знаком с Костаки, делают честь и такие слова о своём собрате-собирателе: «Он повёл себя весьма и весьма великодушно, отбирая работы из своей коллекции для Третьяковской галереи перед отъездом из Москвы. Арифметически он оставил в СССР 20 процентов собрания, но по качеству работ на мой взгляд этот «условный» процент втрое выше».

Собрание Костаки позволяет проследить почти полностью развитие русского модерна 10-20-х годов. И всё-таки непостижимо, как иностранец, греческий подданный, работая в иностранных посольствах в Москве, мог скупать произведения искусства. Есть догадки, что он делал это под прикрытием или под контролем КГБ. Ведь русские должны были сообщать о любых контактах с иностранцами. Продавать же им «абстрактные картинки», запрещённые в СССР – об этом не могло быть и речи. Только за это можно было получить срок пять лет. За недозволенные же контакты с иностранцем и того больше. Так или иначе, все, кто интересуется русским искусством, благодаря многим выставкам его коллекции, знают о феноменальной собирательской деятельности Костаки.

В моей эмигрантской жизни мне довелось быть близко знакомым с собирателем, которого упоминает Никита Дмитриевич в своих воспоминаниях. Это Александр Ильич Шлепянов, с которым я познакомился уже будучи в Лондоне. Князь знал Шлепянова с 1985 года. Его московская квартира располагалась на Малой Грузинской в доме, где жил кумир тогдашней театральной публики Владимир Высоцкий. Шлепянов занимал два этажа. Элегантный интерьер, обилие света, вспоминает Лобанов, (а он жил на 16-м этаже), создавали ощущение не московской квартиры, а нью-йоркского пентхауза. В спальне висела огромная икона Христа Спасителя, 2×2 метра, в

коридорах – графика авангарда, а в гостиной и столовой – прекрасная живопись: Шухаев, Александр Бенуа, Чупятов, Самохвалов, Куприн, Наумов, Бакст, Машков, Ларионов, Богомазов, Ермилов и многие другие. Князь упоминает, что выменял для своей коллекции у Шлепянова превосходную кубофутуристическую акварель Жоржа Якулова и театральный костюм Веснина. Шлепянов собирал и русскую футуристическую книгу. Была у него небольшая изысканная коллекция русского агитационного фарфора: Натан Альтман, Суетин, Щекатихина-Потоцкая, Чехонин, Данько. Работы из его коллекции экспонировались на выставках советского Фонда культуры, в том числе в Англии, Дании, Финляндии, Италии и других странах. Знания и эрудиция Шлепянова в живописи и русской литературе объясняются семьёй – его отец, Илья Шлепянов, был художником театра Мейерхольда, а затем главным режиссёром Мариинского театра.

С молодых лет, ещё в 50-х годах он начал интересоваться наследием русской культуры и русского авангарда. После участия в выставке «100 лет русского искусства» (идея которой родилась как раз в этой квартире, куда именно князь привёл руководителя алмазной монополии «Де Бирс» Филиппа Оппенгеймера) Шлепянов был приглашён в лондонский аукционный дом «Филипс», где несколько лет проводил аукционы русского искусства. Он организовывал выставки русского искусства, возглавлял русский журнал «Колокол» в Лондоне, к которому привлёк и меня. В первые же годы моей эмигрантской жизни в Лондоне он, работая в аукционном доме, очень помог моей семье (о чём я еще расскажу). Я перебивался гонорарами на «Русской службе» Би-би-си, когда Саша позвонил и сказал, что в ближайшую субботу я должен дать урок… английского языка его гостье из Москвы. Я попробовал объяснить, что мой английский для преподавания никуда не годится. Но Саша был непреклонен:

Бросьте п…! У вас два дня, берите учебник, учите первый урок и ко мне! Пока гостья в Лондоне, я плачу.

Но у меня произношение…

Гостья – манекенщица! У неё всё ушло в ноги! Она не поймёт, какое у вас произношение. Вперёд!

– Но…

– Никаких «но»! В субботу в 10 утра студентка ждёт вас. Я ухожу на работу. Конверт с гонораром оставлю на подоконнике…

Саша положил трубку, а мне ничего не оставалось, как схватить учебник английского языка и два дня – две ночи зубрить первые уроки. Субботним утром в назначенное время я был в квартире Саши. На лице моей студентки ни тени мысли о каком-

либо подвохе. Я от страха ни жив – ни мёртв, но робко произношу – мол, начнём с алфавита. К счастью, она его не знала. Вместе с ней я выучил алфавит. Потом даю ей текст. Она читает, а я уже освоился и поправляю для порядка. Переводили вместе. Час протянул. Смотрю, осталось до конца урока 30 минут. Думаю, что с ней делать. От отчаяния придумал:

– Повтори, говорю, алфавит, а потом текст. Не нравится мне твоё произношение!..

Дотянул кое-как до конца урока, оставил домашнее задание, и провёл ещё пару занятий, прежде чем она вернулась в Москву. Позже, рассказывая об этой авантюре, я припоминал, что делал на уроках, когда студентка задавала вопросы! Пресекал всякую любознательность, утверждая, что сейчас самое главное, заниматься строго по намеченной программе и не отклоняться. Вопросы, мол, потом. Но, к счастью, до них не дошло.

Собственно, эта история всплыла в моей памяти, когда я получил приглашение на выставку «Русская Атлантида», которая проводилась в «Пушкинском доме» в Лондоне. Шлепянов показывал картины из его частной коллекции, посвященной русским художникам «парижской школы», которую он собирает с 1988 года. Туда пришёл и князь Лобанов-Ростовский, который делился воспоминаниями о московском доме, где жил Шлепянов в восьмидесятые годы. Дом Шлепянова стал тогда штаб-квартирой Лобанова по пропаганде частных коллекций…

В Лондоне, кстати, едва ли не всякий домовладелец – непременно собиратель и любитель живописи. Среди моих студентов их почему-то особенно много. В доме юриста Кэрис Гарднер и её мужа Питера в Твикэнэм я видел десятки акварелей с индийскими пейзажами (они достались от дальней родственницы Питера) и с видами Темзы (эти акварели они покупают у отца соседа). В доме психоаналитика Катрин Краузер в Ислингтоне – около ста картин, приобретённых у художников и скульпторов, с которыми она знакома. Своё 60-летие Катрин отмечала в знаменитой «Эсторик», единственной в Великобритании галерее, посвященной современному итальянскому искусству: арендовала залы этой галереи в период, когда там проходила выставка русских художников. Вечер, проведённый в залах, где висели работы Гончаровой, Ларионова, Малевича, Поповой, был поистине незабываем для всех нас, гостей Катрин!

Среди собирателей-любителей назову и мою бывшую студентку, прилежно изучавшую русский язык, актрису Харриет Волтер. Она оказалась знакома с художником Олегом Прокофьевым – его разукрашенную скульптуру Харриет

приобрела на одной из выставок-продаж. О Харриет Волтер я писал в русских газетах и журналах, издававшихся в Лондоне. Харриет – лучшая леди Макбет за последние двадцать лет, много игравшая в пьесах Чехова, в том числе и в Москве. Она знает и любит русское искусство. В её коллекции она особо дорожит экспонатом, связанным с русским искусством, – балетными тапочками великого Нуриева. На мой вопрос, как они оказались у нее, Харриет рассказала:

– Когда Нуриев танцевал в Лондоне, я готова была на всё, лишь бы попасть на его балет. После его смерти очень хотелось сохранить память о нём в каком-нибудь предмете. В каталоге аукциона «Кристи», где продавали вещи Нуриева, я прочитала, что на продажу выставят несколько пар тапочек, в которых танцевал Нуриев. Ведь он почти никогда не выбрасывал их. Стартовая цена самых разношенных тапочек, грязных, с заплатами и со штопкой на носках была более двух тысяч фунтов. Тапочки же, которые Нуриев надевал несколько раз, стоили 300 фунтов, и я решила купить их. Конечная цена выросла вдвое, но я не смогла отказаться. Те же потрёпанные тапочки были проданы за 12000.

Харриет замечательна ещё и тем, что совсем недавно создала коллекцию фотопортретов пожилых женщин. Она задалась целью показать старость прекрасной! В числе отобранных фотографий был и портрет моей матери. В конце 80-х, когда я уезжал, мы прощались навсегда. Но мама пережила советскую империю и умерла совсем недавно в Москве в возрасте 102-х лет. Почему-то теперь, когда думаю о ней, вспоминается, что она никогда не летала на самолёте.

Ещё один собиратель, Митя Боски, был моим приятелем. В Салоне, как я называл его квартиру в Челси, висят замечательные работы русских художников, в том числе Шагала. Занимаясь бизнесом, он покупал картины, посещал выставки. Без предметов искусства он не мыслил свою жизнь. Уверен, он хорошо разбирается в том, что собирает. Но время для расспросов о его приобретениях прошло.

Москва, Лубянка, далее везде

Начну эту главу с ощущений, которые вызывает у меня Москва. Город, в котором я родился, где прожил 50 лет, откуда уехал с энтузиазмом и в который сегодня приезжаю с опаской. Я вполне мог бы подписаться под строками одного из очерков о Никите Дмитриевиче, который он мне показал: «Страшный город, страшный. Бежать скорей отсюда, пока дверь опять не захлопнется и не останется он замурованным здесь навеки. Never! Under no circumstances he would go back to Russia…»

Могли ли быть такие мысли у князя, приземлившегося в аэропорту Шереметьево в 1970 году, когда он впервые решился прилететь в Москву? Конечно. Никита Дмитриевич мог в этот момент вспомнить не только рассказы деда о побеге семьи из революционной России. У него самого был за спиной опыт побега от Советов, когда ему было 11 лет. И вот теперь, в 35-летнем возрасте, он впервые на этой земле. Вместе с Ниной они прилетели по приглашению ЦГАЛИ, чтобы передать в дар архив Сергея Судейкина.

– Поездка была знаменательна тем, – вспоминает Никита Дмитриевич, – что я познакомился со многими коллекционерами. Ведь я тогда приехал именно как коллекционер. Позже я летал в Советский Союз довольно часто, представляя в Москве интересы одного из самых больших и влиятельных американских банков. В 1970-х годах советская система уже начинала трещать и латала западными займами дыры в экономике. От моих советов руководству банка зависела часть очередных займов Советскому Союзу в размерах миллионов американских долларов. Я не любил советскую власть в силу личных причин и этого не скрывал. Но сотрудники ГБ, надо отдать им должное, были большими мастерами своего дела. Они играли в большие политические шахматы, продумывая на три хода вперед. Я, как мне объяснили впоследствии, приносил много больше пользы Советскому Союзу американскими займами, чем идеологического вреда картинками. Правда, и это Советам не помогло…

Теперь попробую прояснить вопрос – шпионил ли князь в СССР и в пользу кого. Мой журналистский опыт общения со шпионом исчерпывается встречей с канадцем Робертом Филипсом. В 1946 году он был назначен руководителем посольства Канады в Москве, но до этого работал в разведке. Это и послужило причиной интервью, которое он давал мне в Лондоне. Я спрашивал, бывал ли он в Кремле, видел ли Сталина и мог ли, получив задание, убить его. Роберт битый час твердил

мне: «в Москве я был дипломат, а не шпион». На том мы и расстались. Так что доверять даже бывшим шпионам не стоит.

А вот князю я верю. Он пишет: «Будучи высокопоставленным сотрудником американского банка, ведущего крупные финансовые дела в СССР, а потом с Россией, я часто бывал под подозрением в сотрудничестве с американской службой ЦРУ или британской МИ-5. А в Лондоне некоторые люди подозревают, что я агент КГБ. Реалия же такова: я никогда не состоял ничьим секретным агентом. И по весьма прозаической причине: быть агентом очень неудобно. Ты как бы находишься между двумя жерновами. Даже тесно сходиться с агентами спецслужб не стоит. Они легко вас продадут либо для себя, либо для своего начальства… Я встречался с офицерами служб СССР, США, Англии и других стран. Чем-то они отличаются друг от друга. В общем же, на основании личных знакомств, мне предпочтительней сотрудники английских служб – они более других культурны и приятны в общении, обладая чертой, присущей специфически англичанам, – чувством юмора».

Наверное, уже это культурологическое суждение говорит о том, что князь профессиональным шпионом не был. Князь вспоминает, что за ним присматривало 5-е управление КГБ. Есть и ряд доказательств, что князь не шпионил в пользу Советов. В частности, история с упоминанием его фамилии в советской прессе, к которой причастен известный коллекционер профессор Зильберштейн.

Но вернёмся к рассказу о том первом визите в Москву. Чету Лобановых опекали хозяева, работники Центрального государственного архива литературы и искусства. Искусствовед Д.Коган знакомила их с московскими коллекционерами. В частности, она привела их на квартиру Якова Евсеевича Рубинштейна, которая была увешана картинами и рисунками. По воспоминаниям Никиты Дмитриевича, работы висели даже в маленьком полутёмном коридорчике трёхкомнатной квартиры, который вёл на кухню, и ощущение было такое, что находишься в миниатюрном музее. За чаем, который был подан в изящных фарфоровых чашках вместе с вкусным печеньем, Яков Евсеевич рассказал, что в 1960 году ему, после кончины дяди Б.М.Кратко, остались немалые суммы. Дядя жил в городе Сталино (ныне Донецк) и делал скульптурные изображения Сталина. По совету Татьяны Сергеевны, жены Рубинштейна, решили все деньги употребить на создание коллекции произведений искусства. Благодаря тому, что в Москве в это время цены на картины и антиквариат были низкие, им за 10 лет удалось создать замечательное собрание.

Позже, когда Лобанов-Ростовский стал регулярно приезжать в Москву по банковским делам, он бывал в этой квартире и хорошо изучил коллекцию. Она имела свои разделы и направления. Яков Евсеевич особенно любил живопись. Но и собрание графики было обширнейшим. Сотни рисунков хранились в папках. Наброски и подготовительные материалы включали настоящие шедевры К.Петрова-Водкина, А.Фонвизина, А.Дейнеки, А.Шевченко, М.Волошина. Специальный раздел коллекции составляли плакаты времён военного коммунизма, Гражданской войны, 20-х годов. Всем этим музеи тогда совершенно не интересовались. А от коллекционерских поползновений, как отмечал Лобанов, этот вид искусства охраняла надпись, печатавшаяся мелкими буквами внизу: «Каждый, кто срывает этот плакат, совершает контрреволюционное дело».

За стёклами шкафчиков в квартире коллекционера поблёскивали предметы так называемого агитационного фарфора, в том числе знаменитые ныне тарелочки, расписанные С.Чехониным и другими мастерами бывшего Императорского фарфорового завода. Рубинштейны стали собирать его очень рано. Другой цельной частью собрания были десятки автопортретов художников. Рубинштейн даже шутил, что только он и флорентийская «Уффици» специализируются на собирательстве этого жанра живописи.

Коллекция росла, ей было тесно в стенах квартиры. Яков Евсеевич составил несколько передвижных выставок из материала коллекции. Всего он сделал их за свою жизнь более тридцати. Они экспонировались не только в Москве и Ленинграде, но и в других городах Советского Союза. Известные искусствоведы писали статьи, предваряющие его выставки. Из расположенного поблизости Дома учёных регулярно приходили экскурсии. И Рубинштейн с удовольствием водил их по квартире, рассказывая о коллекции и об отдельных вещах. Тут звучали имена, о которых пресса молчала.

В Советском Союзе игнорировались не только имена модернистского, авангардного искусства, но и само коллекционирование. Власть смотрела на собирателей, как на спекулянтов. Обмен, купля-продажа картин и произведений прикладного искусства считались незаконной деятельностью. Имя Рубинштейна в этом противостоянии коллекционеров и власти останется в истории и потому, что ему удалось не допустить инвентаризацию частных коллекций, хотя такое решение приняло КГБ в начале 80-х годов. Если бы эта инвентаризация совершилась, то это положило бы конец всякому собирательству, а точнее, спасению и сохранению

художественного наследия, которое считалось в то время вовсе не нужным стране. Остановить же инвентаризацию удалось, благодаря дружеским отношениям Якова Евсеевича с номенклатурой, интересовавшейся искусством, в частности, с членом ЦК В.С.Семёновым, закончившим карьеру послом в Бонне. Рубинштейн напрямую обратился к Семёнову и убедил его в нецелесообразности планируемой инвентаризации. Семёнов сначала затормозил, а затем погасил эту инициативу.

Судьба же собрания Рубинштейна печальна. После смерти Якова Евсеевича она была разделена между сыном от первого брака и вдовой. Через 10 месяцев после раздела сын скончался и его половина собрания, в свою очередь, была разделена между четырьмя наследниками. Участь большей части этой коллекции, констатирует Никита Дмитриевич, неизвестна. Тема эта для князя всегда была актуальной. Он с сожалением отмечал в своих интервью, что детей у него нет. Значит, он своевременно должен подумать, как сохранить коллекцию. Многолетние его хлопоты на этот счёт увенчались успехом, о чём речь пойдёт в специальной главе. В своих воспоминаниях Лобанов справедливо подмечает, что среди московских коллекционеров Я.Е.Рубинштейн выделялся редкостным умением делиться своими открытиями и знаниями – тем огромным удовольствием, которое человек получает от общения с искусством. Эта сторона биографии Рубинштейна, совершенно очевидно, близка самому князю, который, собрав свою коллекцию, сразу взялся за организацию её выставок…

Однако продолжим наметившуюся тему – об умолчании. В Советском Союзе она коснулась не только художников, но и самого Лобанова-Ростовского. Этот барьер был прёодолён, благодаря дружбе князя с ещё одним московским коллекционером, искусствоведом, профессором Ильёй Самойловичем Зильберштейном. С ним Лобановы-Ростовские познакомились ещё в Париже, благодаря торговцу И.Гурвичу, который, вспоминает князь, объяснил ему, кто такой Зильберштейн и дал адрес гостиницы, где тот проживал. Знаменитый искусствовед часто наезжал в Париж и запомнился тем, что приходя в дома русских эмигрантов, снимал со стены картину со словами: «Это вы должны нам подарить». Как вспоминает Роза Лемперт, «попробовал он проделать это и с моим папой. Но не тут-то было. Папа не моргнув глазом возразил: мне никто ничего не дарил! И всё же однажды папа продал Зильберштейну за чисто символическую цену, т. е. практически подарил, чемодан с бумагами и письмами – архив Константина Коровина. «Пусть это будет в России. Он собирается писать книгу о Коровине….» – сказал папа. Так с помощью этого архива

появилась книга о Коровине, которую Зильберштейн прислал папе с дарственной надписью»…..

Получив от Гурвича адрес гостиницы, Лобановы немедленно туда поехали.

– Мы сразу же установили дружеские отношения и пригласили его к себе на ужин в следующее воскресенье, дабы показать ему наши парижские приобретения. Главным образом работы А.Н.Бенуа. Страдающий диабетом, Илья Самойлович за ужином мало что ел. Пил лишь чай. Увидев, что Нина и я серьёзно увлечены «Миром искусства» и в особенности театральной живописью, Зильберштейн нас всячески поощрял и поддерживал. Ему очень захотелось иметь портрет Бунина работы Л. Бакста, а также карандашный рисунок – портрет Есенина работы А.Н.Бенуа. Мне было жалко с ними расставаться, и я их ему не дал. Гораздо позже, в начале 1980-х годов, когда он опубликовал в «Огоньке» свои впечатления о поездках во Францию и множество статей под названием «Парижские находки», одну из них он посвятил нашему собранию, где фамилия собирателя не была указана. Зильберштейн, извиняясь, прямо сказал, что КГБ ему запретило указывать имя коллекционера.

Уже когда рухнул Советский Союз и архив КГБ приоткрылся, князь сумел приобрести два оригинальных документа, которые проясняли эту историю. Первое письмо с грифом «Для служебного пользования» было отправлено 25 мая 1983 года за подписью начальника Пресс-бюро КГБ СССР Я.П.Киселёва и адресовано главному редактору «Огонька» А.В.Софронову:

> *«Уважаемый Анатолий Владимирович!*
>
> *Возвращаем Вам статью И.С.Зильберштейна «Шедевры отечественной культуры». Популяризацию Лобанова-Ростовского Н.Д. и его коллекции в советской печати считаем нецелесообразной. По нашему мнению, статья оставляет впечатление саморекламы автора и по содержанию написана с объективистских позиций.*
>
> *Приложение: статья на четырёх листах, только адресату».*

Ничего необычного в такой практике нет. Я проработал много лет в газете и возил к цензору каждый номер в пору моего редакторства. Без штампа «В свет» и подписи цензора не могла быть опубликована ни одна строчка. Если же цензор что-то отклонял, отправлялись подобные письма. На публикации ставился крест. В этой же истории необычно другое. Письмо того же Киселёва от 27 августа 1984 года тому же Сафронову и по

тому же поводу:

«Уважаемый Анатолий Владимирович!

Согласно договорённости направляем Вам статью доктора искусствоведения Зильберштейна И. С, полученную от него 16 августа с. г. во время встречи в Пресс-бюро.

Возражений против публикации в части, касающейся КГБ СССР, не имеется.

Приложение: статья на четырёх листах, несекретно».

Что же произошло за год с небольшим с мнением КГБ? И как Зильберштейн оказался в Пресс-Бюро КГБ? Ведь обычно с авторами скандальных статей переговоров о публикации в этом ведомстве не вели. Органы переписывались только с ответственными редакторами изданий. Остаётся предположить, что выездной Илья Самойлович имел свои контакты с этой организацией. Иначе он не мог бы, скажем, ездить в Париж в командировки от Министерства культуры СССР. В частности, когда Лобановы встретились с Зильберштейном в гостинице, он имел задание (кстати, так и не выполненное) выкупить у Сержа Лифаря 13 любовных писем А.С.Пушкина Наталье Гончаровой, когда она ещё была невестой.

Имея эти контакты, Илья Самойлович во время одной из поездок князя в Москву, вновь напомнил ему о портретах Бунина и Есенина. Зильберштейн предложил Лобанову подарить эти портреты Советскому Союзу, а за этот жест он брался уговорить КГБ снять запрет на упоминание его имени в публикациях. Князь согласился. Илья Самойлович пошёл на Старую площадь и вернулся довольный, несмотря на то, что ему пришлось долго уговаривать генерала. В следующий приезд Лобанов привёз и передал Илье Самойловичу оба портрета. После чего появилось второе письмо, а следом и первая публикация в «Огоньке» о собрании Лобановых-Ростовских. Никто не мог предположить, что спустя пять лет князь сможет опубликовать свой сборник в Москве, а позже перевезти почти всю коллекцию русского театрального искусства в Санкт-Петербург…

Энциклопедическая же коллекция русского и западного искусства самого профессора Зильберштейна поражала воображение. Она включала почти каждого значительного художника, в том числе 60 работ Ильи Репина, 22 рисунка Павла Федотова, почти 50 работ Бакста, едва ли не столько же Константина Сомова, 72 рисунка Александра Бенуа. Множество других сокровищ, в том числе 76 портретов декабристов и их жён в исполнении Николая Бестужева… Нина, первая жена Никиты

Дмитриевича, вспоминала «лазурную» библиотеку Зильберштейна, куда он пригласил супругов Лобановых на обед в том же 1970 году. Там они увидели множество работ мирискусников. Западноевропейская часть коллекции была построена гораздо менее логично, чем русская, подмечает Нина, и во многом состояла из удачных находок, например, рисунок Рембрандта «Авраам и Исаак по дороге к алтарю»…..

Коллекция Зильберштейна насчитывала три тысячи единиц и, по мнению князя, выиграла бы от серьёзного отсеивания. Но на это времени у него не было. Будучи заядлым коллекционером, он шёл на многие компромиссы с властью. Как практичный и дальновидный человек, Илья Самойлович своевременно подумал и о судьбе коллекции. Он предложил создать Музей личных коллекций, пообещав подарить ему всю свою коллекцию. Музей был открыт спустя шесть лет после смерти коллекционера. Сегодня он располагается в центре Москвы, на Волхонке, 10. Коллекция Зильберштейна составляет ядро этого музея и является филиалом Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина. В крытом дворике Музея личных коллекций висит мраморная табличка, где вместе с именами других основателей и дарителей указаны Никита и Нина Лобановы-Ростовские.

А компромиссы с властью, естественно, были неотъемлемой частью визитов Лобанова в Россию. И не только, как банкира, как советника «Де Бирс» а позже консультанта аукционных домов «Кристи» и «Сотби», но и как коллекционера. Эти компромиссы выражались в обменах, дарах и даже взятках советским чиновникам. Обмен – обычная практика отношений между собирателями. О вымогательстве и, собственно, взятках, которые ему пришлось давать, Никита Дмитриевич наверняка мог бы вспомнить многое. В этой связи любопытен один эпизод, связанный с предложением обменять картину В.Серова «Юсупов в мундире кавалергарда стоя у вороного коня». Эту картину в 1964 году во время поездки в Париж Зильберштейн безуспешно пробовал вернуть в Советский Союз. Он уговаривал её владельца, князя Феликса Юсупова, пойти на такой шаг, но не уговорил. Спустя 12 лет эту картину Никита Дмитриевич согласился купить за 50 тысяч долларов, с тем, чтобы обменять её на театральные эскизы, недостающие в его коллекции, в любом из музеев Советского Союза. О чём и сообщил Зильберштейну Илья Самойлович приветствовал это предложение и просил немедленно связаться с ним при первой же поездке в Москву.

– В 1976 году, – вспоминает Никита Дмитриевич, – я в назначенный час явился к нему на квартиру на Лесной улице. Там

нас ждала «Волга» из Министерства культуры, которая отвезла нас на встречу с начальником иностранного отдела Г.Поповым. Я заметил, что на столе у него лежала большая фотография картины Серова и справка от Третьяковской галереи о её подлинности. Я выразил своё желание обменять картину Серова на 10 театральных эскизов Головина, чьи работы отсутствовали у меня в собрании. Попов отказался, что было в те времена обычным ответом советского чиновника. Зильберштейн напомнил Попову, что Третьяковская галерея очень хотела бы иметь эту картину и что моё предложение явно в пользу Советского Союза, ибо 10 эскизов Головина могли бы стоить тогда максимально 20 тысяч долларов. Попов был неумолим. В сделках такое отношение советского чиновника обычно, по моему опыту, кончалось взяткой.

Но Попов был мне неприятен, и, в отличие от других коммерсантов, взятку я ему не предложил. А идти к министру П.Н.Демичеву мне не хотелось, я знал, что Попов и Демичев – одного поля ягода. Зильберштейн был чрезвычайно огорчён. Мне же было обидно за то, что лишний раз пришлось безрезультатно иметь дело с советским чиновником.

Это воспоминание Никита Дмитриевич заканчивает искренним славословием в адрес Зильберштейна, подарившего ему уникальный эскиз Головина «Костюм для Тамары Карсавиной в роли Жар-птицы».

Отношения собирателей между собой, как правило, уважительные и партнёрские. Иначе обстояло дело с простыми советскими людьми. Они с подозрением относились к коллекционерам и считали их спекулянтами. Сразу после смерти Сталина люди поколения Рубинштейна начали коллекционировать. Это была, в основном, советская элита: режиссёры, писатели, артисты и врачи. Последних было особенно много. Данная прослойка состоятельных людей продавала советскому рынку свои индивидуальные способности, главным образом, литературные и артистические. Советы подкупали свою интеллигенцию миллионными государственными тиражами, высокими гонорарами, разрешением дополнительных заработков за частные выступления, частную врачебную практику и так далее. Они и составили послесталинское поколение коллекционеров. На них простые советские люди смотрели с презрением: покупают за копейки у наследников и продают с большой прибылью. На самом деле, со стороны коллекционеров это чаще всего была благотворительность, спасение целых семей от голода, а главное, вывод художников и их произведений из забвения. Ведь многие наследники остались с произведениями,

которые музеи не покупали. Это касалось мастеров «Бубнового валета», «Голубой розы» и левых беспредметных направлений, в которых музейные сотрудники не разбирались и которых опасались. Особенно страдала графика, не ценившаяся в России и традиционно не оцененная до сих пор…

Отношение власти и общества к такому искусству толкало людей, разбирающихся в нём, к нелегальному собирательству произведений отвергнутых художников. Из коллекционеров составлялся круг настоящих искусствоведов, работавших в самых различных областях. В.А.Дудаков работал старшим дизайнером в издательстве «Мелодия». Он делал деньги на частных заказах по оформлению обложек грампластинок. Доходы от этой деятельности он тратил на создание коллекции русского изобразительного искусства XX века. Будучи моложе старшего поколения собирателей, он сошёлся с ними. Рубинштейн был его учителем по «обмену-обману, коллекционированию-стяжательству», как выражался сам Валерий Александрович. Первую работу он купил в 1970 году. Это была картина нонконформиста В.Вейсберга «Натюрморт». Собирал обменами. Например, у него было 22 работы Фалька и 40 работ М.К.Соколовых. 20 процентов этих работ он продал, а остальное обменял. В коллекции остался лишь один Фальк и два Соколовых. А собирал Дудаков художников «Голубой розы», «Бубнового валета», «Мира искусства» и русского авангарда начала XX века…

– За коллекционирование, – вспоминал он, – никого не преследовали. Преследовали за спекуляцию, а именно покупку работы по одной цене и продажу по другой. Частные сделки отслеживались, и, если коллекционер попадал под статью «спекуляция», у него могли конфисковать собрание, как это случилось в 1985 году с несколькими коллекционерами. Без покупки-продажи ни одной коллекции не создано. Поэтому те, кто занимался перепродажей, попадали под действие закона о дополнительном получении прибыли. Разумеется, никто не мог преследовать, скажем, крупнейшего врача-уролога А.Я.Абрамяна, лечившего генсека Л.И. Брежнева и министра внутренних дел генерала Н.А.Щёлокова. Они, как и президент Академии медицинских наук Н.Н. Блохин, были коллекционерами и тоже покупали-продавали. Но они были прикрыты «государственной машиной».

Коллекция Дудакова отличается, по мнению специалистов, широким диапазоном. Там есть не только Шагал, но и витраж работы Берн-Джонса, который Дудакову удалось приобрести, когда во времена Хрущёва витраж выкинули при закрытии англиканской церкви в Москве. К суждениям этого

коллекционера прислушиваются и сегодня, так как он один из немногих, кто видит, например, резкий контраст между старыми и новыми коллекционерами, между теми, кого раньше называли «спекулянтами», и новым поколением «антикварных дилеров».

Сегодня в семьях олигархов отцы семейств покупают Шишкина и Айвазовского, а вот дети их, получив образование за границей, признают только язык современного искусства. И они уж точно будут коллекционировать современное искусство, что само по себе большой риск. Покупая картину, собиратель не думает, конечно, о помощи художнику. Он сосредоточен на желании обладать. Но объективно он совершает, конечно, благотворительный акт. Дудаков, ныне проживающий в Лондоне, полагает, что собиратели будут сосредотачивать своё внимание на крупнейших художниках-шестидесятниках. Это Вейсберг, Краснопев-цев, Свешников, Харитонов, Немухин, Шварцман, Штейнберг и другие. А также те, кто следует за ними: Кабаков, Васильев, Комар и Меламид, Захаров.

Имя Дудакова, помимо всего прочего, связано с клубом коллекционеров, который был учреждён в 1987 году при советском Фонде культуры. А случилось это так. Фонд возглавлял академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, но все практические вопросы решал Г.В.Мясников, первый заместитель председателя советского Фонда культуры. К нему и пришёл в январе 1987 года Дудаков с предложением… создать музей современного искусства.

Мясников внимательно выслушал меня, – вспоминал Дудаков, – пыхтя своей папироской «Беломорканал» (который курили большинство партийных деятелей), а потом спросил, сразу пере идя на «ты»:

– А чем ты вообще занимаешься?

– Да вообще-то я коллекционер.

– Вот этим и займись. Ты можешь собрать коллекционеров – по крайней мере, Москвы?

Я вполне авторитетно ответил, что могу, так как я тогда уже был признанным коллекционером. И вот 17 мая того же года мы образовали клуб. Его председателем стал Савелий Ямщиков. Он был членом правления советского Фонда культуры – фигура для нас тогда нужная, но декоративная. В клуб входили 100 с лишним собирателей Москвы, Ленинграда, Киева, Риги и других городов, среди которых были очень влиятельные люди. Фактически клубом руководил я и вёл работу с коллекционерами всего Советского Союза. Кроме того, я был штатным функционером самого Фонда культуры. Очень благосклонно к нам относилась Раиса Максимовна Горбачёва, которая была членом президиума

советского Фонда культуры. Она, честно сказать, не очень разбиралась в искусстве. Её любимым художником был Шилов. Помню, как на одной из первых выставок, проходившей в Фонде культуры под названием «Образ русской женщины от Рокотова до Синезубова», мы с Р. М. Горбачёвой подошли к картине Тропинина. И она сказала: «Посмотрите, как хорошо написаны руки, прямо как у Шилова». Но к нам, коллекционерам, она относилась с огромной симпатией.

Клуб просуществовал лишь до 1993 года, но за шесть лет провёл 140 выставок в России и 23 за рубежом – в Нью-Йорке, Лондоне, Мадриде, Риме и других городах. Самое же главное достижение: клуб вывел коллекционеров из разряда подозреваемых в разряд уважаемых и подтвердил, что частное собирательство – благороднейшее дело, что собиратели не скопидомы и готовы показывать свои вещи на выставках. Одна из этих выставок связана с Н.Д.Лобановым, которого Дудаков, собственно, и пригласил в члены клуба. Князь был один из немногих иностранных граждан в этой организации. Он предложил провести выставку «100 лет русского искусства 1889–1989 из частных коллекций СССР». Она прокатывалась почти год по трём городам Великобритании – в Лондоне, Оксфорде и Саутгемптоне. Компания «Де Бирс» оплатила эту самую капиталоёмкую выставку, потратив на неё 1 миллион 200 тысяч фунтов. Удалось это сделать благодаря тому, что Никита Дмитриевич познакомил хозяина алмазодобывающей компании Ф.Оппенгеймера с руководителями клуба коллекционеров. Взамен таким тратам на выставку «Де Бирс» получила доступ к ресурсам Советского Союза…

Любопытно, что когда эта выставка под эгидой Фонда культуры отправлялась в Лондон, Дудакова… не включили ни в число официальных сопровождающих, ни в число делегации коллекционеров. Это была вопиющая несправедливость, потому что Дудаков провёл огромную работу для осуществления этой выставки. Лобанов стерпеть это не мог, обратился к Мясникову, а в ответ услышал, что, мол, Дудакову не место в Лондоне.

– Я знал, – рассказывал князь, – что никто из номенклатуры Фонда не способен достойно представлять на выставке изобразительное искусство. Профессионализм Дудакова, чуткое понимание русской живописи, умение рассказать было вне конкуренции. Потому я уговорил Тедди Доу, директора «Де Бирс», который курировал эту выставку, пригласить Дудакова и искусствоведа А.Каминского с сыном-переводчиком, по частной инициативе «Де Бирс»… Как я и предполагал, Дудаков на открытии произнёс блестящую речь, а затем провёл руководство

«Де Бирс» и званых гостей по выставочному залу в «Центре Барбикан», давая пояснения по главным экспонатам.

Примечательно, что сам Дудаков много позже вспоминал добрым словом Г.В.Мясникова. Более того, он назвал его «замечательным человеком». Почему? Потому что этот чиновник очень серьёзно отнёсся к коллекционерам и просто подсказал Дудакову организовать клуб.

Рассказывая о супруге тогдашнего президента Советского Союза, Дудаков, конечно, затронул весьма щекотливую тему компетентности советских чиновников. Редко кто из них действительно разбирался в живописи. Но если такое случалось, коллекционеры забывали все обиды. Так получилось, кстати, у самого Лобанова с директором Русского музея В.А.Пушкарёвым. С ним князь встретился впервые в 1964 году в Париже всё у того же торговца, И.Гурвича. К нему, бывая в Париже, всегда заглядывал Василий Алексеевич Пушкарёв – единственный директор советского музея, который за валюту покупал в Париже произведения русского искусства и возвращал их в Советский Союз.

– Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, – сказал И.С.Гурвич, представляя его.

Пушкарёв как-то удивился и очень сурово посмотрел на князя. Желая разрядить эту суровость, Никита Дмитриевич пошутил, улыбаясь, что вот, мол, не всех князей успели расстрелять, на что Пушкарёв без улыбки ответил: «Жаль!».

Вспоминая этот эпизод, Никита Дмитриевич замечает, что не стал держать обиду на этого человека большевистской закалки и всегда писал о Пушкарёве с уважением. Василий Алексеевич спас тысячи произведений и превратил Русский музей в один из ведущих художественных центров, возглавляя его с 1951 по 1977 год. Из Парижа ему удалось вернуть в Россию часть архива Александра Бенуа, купить картины Анненкова, получить работы Бакста, Сомова и Серебряковой. Собирая и пряча в «тайниках» музея полотна Малевича, Петрова-Водкина, Филонова и Шагала, и даже показывая запрещённые картины знатокам искусства, он рисковал многим. В конце концов, его уволили и на место директора посадили бывшего секретаря райкома партии. Поработав пару лет, она проворовалась, подменив акварели Филонова копиями. Её отправили в отставку.

Пушкарёва же в годы перестройки назначили директором Музея современного искусства при Фонде культуры в Москве. Когда он снова встретился с Лобановым, то горячо благодарил его за выступление по советскому телевидению, где князь высказывал своё уважение коммунисту Пушкарёву, так много

сделавшему для сохранения русского искусства, в отличие от его преемницы. Пушкарёв считал Лобанова причастным к тому, что ему вернули доброе имя. После той передачи соседи стали с ним здороваться и улыбаться ему. Жил он скудно. И когда князь увидел его на одном из мероприятий в Фонде культуры одетым почти в лохмотья, в следующий свой приезд привёз ему два костюма из лондонского магазина «Буртон».

Художники и эмиграция

В стране Советов принято было считать, что родная почва питает талант. Да иначе и не могло быть. Советы понимали, что в эмиграцию готовы уехать полстраны и почти вся интеллигенция. Один из пропагандистских трюков власти заключался в том, что талант художника (писателя, поэта, артиста, музыканта, живописца), лишившегося родины, непременно погибнет. Вопрос, на пользу ли художникам была эмиграция или во вред, пробовал поднять в своих воспоминаниях и заметках Никита Дмитриевич Лобанов. По его версии, одни художники работали в эмиграции весьма успешно, другие теряли талант, шли в ложном направлении или вообще переставали писать. Окончательный диагноз коллекционер ставить избегает и лишь указывает на события в биографии живописцев. В этом смысле, любопытно взглянуть на схему эмиграции 22 художников-дягилевцев, которую составил Никита Дмитриевич. Она фиксирует время отъезда мастеров, начиная с 1910 года, когда Российскую империю покинула Соня Делоне. Собственно, эта дата условна. Соня уехала из России гораздо раньше. Уже в 1902 году она училась в Германии, а в 1905 году окончательно переехала в Париж. В 1914 году М. Ларионов, как участник Первой мировой войны, получает тяжёлую контузию, лечится в Восточной Пруссии, а затем в 1915 году в целях поправки здоровья перебирается в Швейцарию. За ним последовала Наталья Гончарова.

Настоящий же исход художников из Советской России начинается с 1918 года и продолжается до 1928 года, после чего выезд из СССР становится практически невозможным. Лобанов полагает, что причины эмиграции лежат вне политики, так как художники обычно ею не интересуются. С одной стороны, характеризуя обстановку в стране в период отъездов, он обосновывает ее господством «левых» художников, возникновением НЭПа, смертью Ленина и восхождением Сталина, появлением реализма. Надо полагать, что именно эта обстановка делала невозможным жить и творить художникам в Советском Союзе.

С другой стороны, князь приводит строки из письма Василия Шухаева (бежавшего из Советской России по льду Финского залива в 1920 году и вскоре оказавшегося в Париже) своему учителю: «Меня поражает за границей энергия русских. Сколько работают… Вся Россия старая не делала того, что делают сейчас русские за границей». Интересно письмо князю ленинградского

художника Сергея Чепика, выехавшего за границу в 1989 году: «Да что говорить! Ведь с художественной школы внушается: эмиграция для русского художника, писателя, композитора – творческая смерть! Он (художник-эмигрант): а) пьёт без просыпу; б) плачет, стонет, спокойно не может видеть берёзку; в) конечно, сидит без гроша и чуть ли не каждый день режет свои холсты. … Горька судьба русских художников-эмигрантов, не понявших значения Великой Октябрьской: Шагала, Суетина, Кандинского, Цадкина, Архипенко… Приговор гласит: художник-эмигрант ни черта не пишет и работать не может! Ваши выставки перечеркнули эту ложь… Коровин, Бенуа, Бакст, Добужинский – всё создано не в запойной зелёной тоске, а блистательно нарисовано, скомпановано и написано…».

Это верно даже с той поправкой, что из работ художников-эмигрантов Лобанов отбирал в коллекцию, прежде всего те, которые были написаны… до эмиграции. Скорее всего, это связано с темой коллекции, определённой периодом Дягилева, а может быть, художники писали до эмиграции лучше. Князь уверен, что А.Бенуа всю свою жизнь проработал в одном и том же стиле: «Он как бы навсегда остался в начале Серебряного века и поэтому выбирал для оформления только те постановки, которые отвечали его классическому вкусу. Единственной большой уступкой модернизму было оформление «Петрушки»… Как художнику, ему, может быть, не хватало живости стиля и проницательности…» Кстати, от дочери Бенуа князь получил так называемый «революционный дневник» отца, который члены семьи не хотели публиковать. Дневник решено было положить в банк на 50 лет. Но после радикальных перемен в России этот «пятидесятилетний срок» был аннулирован. В 2003 году дневник Бенуа был опубликован в Москве под названием «Мой дневник 1916–1918».

Забавно замечание о семье Бенуа, жившей как-то по-особому абсолютно «независимо» от Франции: «Здесь никогда не платили никаких налогов, но не получали никаких пособий… В случае болезни звонили в советское посольство и оттуда приходил врач. Даже если что-то случалось с электричеством, звонили опять в посольство, приходил электрик и приводил всё в порядок. Семья Бенуа явно не сочувствовала господствовавшему тогда в СССР политическому строю, но они были глубоко русскими людьми и остались таковыми»…

А вот ещё одно наблюдение коллекционера о судьбе художников, покинувших родину: «У Гончаровой и Ларионова появился взрыв цвета, но не было новаторства. За 50 лет жизни во Франции Ларионов ничего не создал». Выходит, виной всему всё-

таки эмиграция: «После смерти Дягилева *(1929 г. – Э.Г.)* Михаил Федорович почти перестал работать. Он потерял интерес к живописи, по-видимому ещё и потому, что был отрезан от того, что происходило в Союзе и что могло бы подтолкнуть его к работе. Парижские друзья считали Ларионова величайшим лентяем. Однако это никак не сочетается с тем, что рассказывают его товарищи по художественному училищу. Те считали его самым трудолюбивым и плодовитым студентом».

Искусствоведы, в частности М.Пожарская и А.Каменский, подмечали, что бывшие соратники, например, Н.Бенуа, эмигрировавший из России в 1924 году, встретившись с Дягилевым после десятилетнего перерыва, почувствовали перемену. Стало быть, менялся и мэтр, привлекая художников к сотрудничеству. Он ставил перед ними какие-то иные задачи, серьёзно отличавшиеся от прежних. Лондонский галерейщик Джулиан Барран даже утверждал, что все художники, работавшие для Дягилева, сотворили свои лучшие произведения вне России, за рубежом. Российские искусствоведы не соглашаются. Но, возможно, вопрос не в том, где физически были написаны лучшие работы Бакста, Бенуа или Ларионова, а в гигантской тени самого Дягилева. Не надо забывать о тех художниках, которые остались в России в отрыве от космополитической Европы. В период 1908–1914 годов и Бакст, и Бенуа были абсолютно необходимы Дягилеву. А в 20-е годы их привлечение к работе было для него лишь данью давним дружеским отношениям. Им на смену пришли Гончарова и Ларионов, чтобы принести в антрепризу Дягилева искусство русского живописного авангарда. Став постоянными сотрудниками Дягилева, они оставались с ним и в тот период, когда он привлёк к участию в своих балетах западноевропейских мастеров современной живописи – Дж. Балла, Пикассо, Брака, Дерена, Матисса, молодых Макса Эрнста и Хоана Миро. Так что дело не в «хуже – лучше», а в том, что в эмиграции взгляды художников могут меняться кардинально. В этом коллекционер не раз убеждался.

Может быть, князь прав, говоря об Ю.Анненкове: «лучшее, что создал художник – ранние портреты, написанные им в 1910-1920-х годах ещё в России». И обращение художника в последние годы его жизни к абстрактной живописи, коллажам, монтажам, на взгляд коллекционера «неэстетичным и зачастую безобразным», могло случиться и не в эмиграции…

О забытой русской художнице М.И.Васильевой и созданной ею в Париже академии для живописцев авангардного толка князь тем не менее, пишет с сочувствием, отмечая привлекательность её дарования во время расцвета «парижского кубизма». Сегодня её

искусство 1927 года можно увидеть в росписях колонн ресторана «Ла Куполь», что на бульваре Монпарнас, № 102. В коллекции же Лобановых «Афиша благотворительного бала» М.Васильевой (1924), которую князю посчастливилось приобрести. С печалью пишет Лобанов о трудной эмигрантской судьбе Николая Калмакова. Этот одарённый художник, рассказывает Н.Лобанов, «ещё в молодые годы был под гнётом эротических переживаний. Этим отчасти объясняется некоторая болезненная заострённость его творчества в этом направлении. Обычно вместо подписи он ставил на своих картинах стилизованное изображение фаллоса».

В 1928 году Калмаков поселился в Париже, бедствовал и умер в 1955 году, забытый друзьями и всем миром, в доме престарелых в предместье Парижа.

Заметки Лобанова о Серебряковых начинаются с упоминания их имения «Нескучное», которое в 1917 году было сожжено и где погибли библиотека и большая часть работ маслом и рисунков, созданных в юности Зинаидой. Её дядя, Николай Александрович Бенуа, помог ей в 1924 году выбраться в Париж. Теперь уже можно считать эмиграцию этой семьи удачной. Создан Фонд Зинаиды Серебряковой. Её картины продаются, хотя это случилось уже после её кончины. К ее успеху на Западе приложил руку Никита Дмитриевич (о чём расскажу ниже). Здесь же замечу, что князь считает Зинаиду Серебрякову не только гениальной художницей, но и признает, что «она чисто русское явление, оторванное от своей почвы. Это как нежное растение. Вот вы возьмите, перенесите его на другую почву, и оно вдруг начнёт давать новые ростки… Но свою почву оно уже утратило. С одной стороны, я понимаю, что в Советской России, в Петрограде Серебрякова задыхалась. Как семья Бенуа задыхалась. Но уверен, если бы она осталась в России, ей, вероятно, отвели бы почётное место. Это судьба многих русских художников, чисто русских, типично русских, как Саша Яковлев, как Вася Шухаев и все эти мирискусс-ники. Они были новаторами. А потом время повернулось в 1917 год, и для большинства из них всё закончилось печально. Эти художники стали не нужны в советской действительности».

Об эмигрантских судьбах художников, с которыми довелось встретиться Лобанову-Ростовскому в период формирования его коллекции, читатель найдёт множество подробностей в сборнике «Эпоха. Судьба. Коллекция». Никита Дмитриевич упоминает имена Сомова, Яковлева, Эрте, Кандинского, собирая сведения о них по крупицам. У коллекционера есть свои суждения на каждое явление русской театральной живописи. Тот же М.Добужинский. С ним встретиться Лобанову не пришлось. Художник умер в Нью-

Йорке в 1957 году. Но его сыновьям удалось умно распорядиться наследием отца. Они собрали, записали и издали воспоминания современников о М.Добужинском, сначала в Париже, а потом и в Ленинграде. Публикация в Советском Союзе обидела одного из сыновей – Ростислава Мстиславовича, которого заверяли, что представленный им текст будет публиковаться без изъятий. Но цензурные купюры были. Впрочем, теперь это уже не так важно: архивы открыты.

Как относиться ко всем этим суждениям князя? Я, дилетант, почти невежда в живописи, отношусь к ним с доверием, как, впрочем, и ряд специалистов, которые очень высоко оценивают коллекцию Лобановых. Но, конечно, найдутся искусствоведы, у которых иная точка зрения на эти замечания. Может быть, ошибочно полагать без всяких оговорок, что талант того или иного художника зачах или вовсе погиб в эмиграции. Мне кажется, если у художника есть что сказать, он и в эмиграции своё скажет. В эмиграции художник пишет не лучше и не хуже – он пишет и думает по-другому. Думаю, что пишущему человеку не может помешать ни отсутствие родной почвы под ногами, ни недостаток свободы на Родине. Эмиграция даёт столько возможностей и шансов реализоваться, что отсутствие родной почвы не только компенсируется, но и становится стимулом, предоставляя возможность взглянуть на Родину со стороны. Признание же или забытье – это суетное! Важно ощущение, сумел ли ты реализоваться!

Есть у меня приятели, которые и в Америке не поменяли свои советские воззрения и устремления. Им кажется, что эмиграция их душит. На самом деле, патриотизм, как и эмиграция, имеют различные оттенки. Есть, например, паразитический патриотизм. Есть политический, экономический, гастрономический, матримониальный, творческий, экологический, географический… Географический патриот замеряет плотность воздуха и высоту неба в стране эмиграции и у себя на родине. И уже в этом ищет причину ностальгии. В электронной версии журнала «Сноб», на какое-то время став его участником, я нашёл забавные рассуждения, согласно которым, даже имея заграничный паспорт и опыт жизни в различных странах, лучше жить в Москве! Якобы, только в Москве можно жить «сове», которая не ходит на службу и работает внештатно, начиная с полудня и до двух-четырёх утра. Оказывается, в другой стране это невозможно, что для меня ново, потому что именно так и живу в Лондоне. Особенно много причин для ностальгии русские эмигранты видят в плотности человеческого общения: мол, она в России выше! Но, насколько я помню, общение выражается в беспорядочном приёме гостей, с

многочасовыми разговорами на кухне обо всём на свете. Желание «патриотов» дать детям школьное образование, с тем, чтобы затем отправить их за границу, ибо высшая школа в Москве никуда не годится, понятно. Но какое это имеет отношение к утверждению, что Москва – лучшее место в мире? Здравого смысла в этих суждениях ровно столько же, сколько в циничном выводе: климат и еда на Родине лучше, а лечиться надо за границей… Ну, итак далее!

Я эмигрировал не из-за плохого питания (овощи и фрукты на рынке в России вкуснее, чем в Лондоне), не из-за климата (я люблю зиму со снегом и морозом), не из-за материальных благ (в Москве была квартира), не из-за работы (за 25 лет я ни разу в Лондоне не работал в штате)… Повод был один – обрести свободу. И вот эту мою свободу я не променяю на коврижки.

Потребительский же патриотизм моих собратьев по перу, включая телевизионную звезду В.Познера и патриарха советской журналистики М.Стуруа, обличающих Америку, но прыгающих туда и обратно, меня всегда коробил. С князем, кстати, тоже не всё просто. Когда я спросил, почему бы при его патриотизме ему не переселиться в Россию, он ответил:

– Нет, я не хотел бы жить в России. Несмотря на частые поездки делового характера и широкий круг знакомых и друзей, я чужд этой стране. Я не чувствую себя дома. Как Вы знаете, Болгария для меня – Родина в самом чистом понимании этого слова. Однако у меня, безусловно, есть глубокая внутренняя связь с Россией, уходящая корнями к Рюриковичам, и мне хотелось бы видеть эту многострадальную страну глазами Петра Великого. В сущности, мне всегда казалось, что, живя на Западе, я могу принести больше пользы русской культуре, за которую я болею всей душой.

Портреты. дарения. выставки

Портрет – наиболее доступная и интересная форма живописи. Веками художники стремились воплотить в портрете не только внешние проявления, но и внутреннюю жизнь изображаемого ими человека. Существует и множество портретов Никиты Дмитриевича – князя, банкира, коллекционера, искусствоведа, – выполненных такими мастерами, как например, Бенуа. Не отступая от темы дерзких параллелей расскажу и о моих двух портретах.

Художница Марина Карпенко написала мой портрет, который я невзлюбил – может быть потому, что я увидел в нём то, что хотел бы скрыть даже от себя самого. С сожалением вспоминаю, что в минуту отчаяния я хотел его уничтожить. К счастью он сохранился, и, по-видимому, пылится где-нибудь у неё на антресолях. Остаётся надеяться, что наша взрослая дочь когда-нибудь захочет его реанимировать.

Другой портрет был написан Олегом Прокофьевым, художником, который запомнился многим его размытыми белыми пейзажами 60-70-х годов, открывающими бездонное пространство, символистской обобщённостью работ, скульптурными композициями переплетённых цепей. Из волн русского символизма и беспредметной живописи Олег выплыл к берегам конструктивизма. Ему были близки взгляды нонконформистов на искусство. Активная выставочная жизнь художника сделала его известным не только за рубежом, но и в России. Теперь его работы – в Третьяковской галерее. Как же в моей скромной эмигрантской жизни я оказался владельцем картины, много раз выставлявшейся на различных выставках?

Олег Прокофьев – сын композитора С.С.Прокофьева. Его отец, уехав из России в 1918 году, вернулся на родину в 1936 году. Вернулся, потому что о возвращении мечтал давно[1].

Перед возвращением Прокофьев трижды – в 1927,1929 и 1932 годах – приезжал с концертами в Советский Союз вместе со своей женой испанкой Линой Кодина. Если судить по дневниковым записям Сергея Сергеевича во время поездок он видел царившие на родине нравы. Тем не менее он принял роковое решение вернуться в Советский Союз. Композитор жил в постоянном страхе перед сталинской диктатурой, которая отправила в ГУЛАГ его жену Лину (её не спас даже развод и она провела в лагерях девять лет), перед режимом репрессий, ставшим причиной преследований и безысходных ситуаций для его сыновей,

вынужденных скрывать, что их мать – «враг народа». Всем им пришлось много пережить, и в первую очередь младшему сыну.

Олег занимался не только авангардистской живописью, но много экспериментировал как поэт, а позже как скульптор. В шестидесятые годы он познакомился с английским искусствоведом Камиллой Грей, и после многих лет мытарств (советская власть не разрешала им пожениться) они всё-таки стали мужем и женой. В 1971 году Камилла умерла и оставила ему новорожденную дочь. Вскоре Олег уехал в Англию. У него появилась новая семья. В 1998 году он скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Олег был популяризатором музыки С.С.Прокофьева. Его часто приглашали на радио Би-би-си для участия в программах, посвященных творчеству отца. И я многим обязан Олегу, помогавшему мне не только понимать музыку, искусство, но и осваиваться в эмиграции, и даже выстоять в период моего развода с женой: ведь в Лондоне мы жили по соседству. С Олегом мы разбирали дневниковые записи С.С.Прокофьева, сделанные в 1927 году. Они попали к нему после смерти матери (Лина в конце концов уехала из Советского Союза и умерла в Лондоне). Я помогал разбирать скоропись С.С.Прокофьева, суть которой была в пропуске гласных (например, слово «который» выглядело «ктр»). Мы расшифровывали эти записи, и затем я перепечатывал их на пишущей машинке «Эрика», которую привёз из Москвы. Эти записи были впервые изданы в Париже под заглавием «Дневник-27», а на обложке был портрет композитора, выполненный Олегом.

В 1996 году Олег написал мой портрет с сыном. Мы довольно регулярно встречались и доверительно беседовали. Олег видел, как я переживал, что не могу видеть сына, которого оставил в Москве. Позже, когда сын стал приезжать в Лондон, мы с ним бывали в студии Олега. Наблюдая нас, художник решил написать картину, которую назвал «Отец и сын». Она отличается от многих предыдущих его работ. Олег был учеником тонкого колориста Роберта Фалька и хорошо знал французских импрессионистов и постимпрессионистов. Но цвет хлынул в его работы лишь в 90-е годы после поездки в Африку. Картина «Отец и сын» написана именно в этот период и демонстрировалась на многих выставках. Теперь же она висит у меня в кабинете. А обладателем её я стал совершенно неожиданно. Однажды мне позвонила дочь Олега, Корделия, которая объявила, что стала ездить в Россию и чувствует себя неловко, что она, внучка Сергея Прокофьева, не знает русского языка. Мы начали заниматься. В благодарность семья Олега вместе с его вдовой Франсис подарила мне эту

картину. Я объявил, что за этот портрет готов давать бесплатные уроки не только Корделии, но и её сестре, Беатрис, и брату Габриэлю. Кстати, Габриэль стал композитором. На «Промс-2011» состоялся его дебют, что не осталось без внимания музыкальной критики.

Однако вернёмся к коллекционеру Лобанову-Ростовскому Портрет, как жанр живописного искусства, много раз оказывался поводом для серьёзных исследований собирателя. Скажем, увидев у торговца Лемперта портрет Петра Великого работы Кнеллера князь заинтересовался его историей. Он установил, что Кнеллер поехал в Утрехт, где в то время Пётр учился кораблестроению, чтобы сделать ряд подготовительных набросков. Окончательная версия портрета, которая ныне висит в Кенсингтонском дворце в Лондоне, была исполнена в 1698 году во время визита 16-летнего Петра в Англию. Величественный портрет Петра не говорит ничего об ужасном поведении юного царя во время того визита в Англию. Петр остановился в доме Джона Ивлина в Дептфорде, на юго-востоке Лондона. Ивлин, наверняка, сожалел, что оказал молодому царю гостеприимство. Когда Пётр уехал, Ивлин обнаружил, что почти все окна в его доме были разбиты, все замки поломаны, картины были в дырках от пуль и все стулья и большая часть лестницы были изрублены на дрова… Петр со своими дружками, включая знаменитого астронома сэра Эдмунда Хэйли, в честь которого названа комета, напивались и играли… Когда Ивлин увидел, сколько ущерба было нанесено его дому, он заметил, что легче было бы взорвать дом, нежели привести его в порядок. Уменьшенная копия этого портрета была продана на аукционе «Сотби»…

Любопытны размышления князя о портретах Анненкова. Лобанов утверждает, что ранние портреты, написанные этим художником в 1910-1920-х годах ещё в России – лучшее из всего созданного им. Он был одним из искуснейших рисовальщиков своего времени. Круг его героев – практически весь художественный мир Петрограда того времени, среди которых Ахматова, Блок, Уэллс, Гумилёв, Горький, Бабель, а также политическая верхушка Советской России: Ленин, Троцкий, Луначарский, Антонов-Овсеенко и весь Реввоенсовет республики. Портрет Сталина выполнен из сангины – материала для рисования, изготовляемого в виде палочек преимущественно из коалина и оксидов железа. Цветовая гамма сангины колеблется от коричневого до близкого к красному. С её помощью хорошо передаются тона обнажённого человеческого тела, поэтому выполненные сангиной портреты выглядят очень естественно. Сталин запрещал рисовать себя с натуры. Диктатор на этом

портрете страшен. Очень может быть, что портрет уехал в Россию, благодаря Пушкарёву Во всяком случае, есть догадки, что Пушкарёв, по заданию КГБ всё-таки выкупил его у Анненкова, которого он усердно обхаживал, когда бывал в командировках в Париже. Портреты лидеров революции, сделанные Анненковым, были уничтожены по личному распоряжению Сталина. Впоследствии Анненков много и плодотворно работал для театра.

Интересен рассказ Никиты Дмитриевича о… несостоявшемся портрете его жены, который должен был написать С.Дали:

– Я всегда считал Сальвадора Дали одним из трёх уникальных рисовальщиков нашего века наряду с Пикассо и Матиссом. Мы встречались с ним довольно часто в Нью-Йорке на парадных обедах у маркизы Куэвас, внучки Джона Д.Рокфеллера. Она очень благоволила к русским людям, как и её супруг маркиз Куэвас, содержавший после смерти Дягилева балетную труппу в Нью-Йорке, где работали многие русские танцовщики и администраторы. Это было где-то в начале 70-х годов. По протоколу моя жена Нина сидела вместе с Дали, а меня усадили рядом с его женой, Галой, чтобы мы могли разговаривать по-русски. Мне захотелось иметь рисунок Дали, и я ему сказал: «Я очень люблю бюст моей супруги Нины, у неё великолепная грудь конической формы. Предлагаю свой месячный заработок в банке взамен десяти минут вашей работы». Дали принял предложение и сказал, что с удовольствием нарисует портрет моей жены по пояс. Этот разговор произошёл во время кофе. А спустя тридцать минут, когда мы раскурили сигары «Гавана», вдруг летит на меня Гала и ругает по-русски: «Ты мошенник, надул Сальвадора! Разве ты не знаешь, что весь его талант – это первые десять минут. Потом он накладывает два часа масло. Но рисунок стоит две тысячи долларов, а картина – пятьдесят тысяч». Я, конечно, ответил, что мы уже договорились и что Сальвадор даже не спросил меня о размере моей месячной зарплаты. Потом ко мне подошёл сконфуженный Дали: «Извините, мне очень неудобно. У меня затруднения с женой. Пожалуйста, снимите с меня это обещание». Я, конечно, снял.

Находясь в среде художников, князь не редко и сам становился моделью. Его рисовали многие портретисты. Но об одном портрете стоит рассказать особо. В коллекции князя есть «Портрет собирателя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского» кисти Николая Александровича Бенуа. По словам Бенуа «личность самого собирателя, надо сказать, очень пленительная. Потому что он из тех людей, которые создают культуру. Ведь культура основана на этих людях, а не на той шантрапе, которая много болтает и восхваляет всякие

шарлатанские проявления нашего времени.

А вот человек серьёзный и с громадной любовью относится к русскому искусству. Но и при этом он – князь. И с другой стороны – собиратель русской театральной живописи, и это прежде всего указывает на то, что театральная живопись имеет свое самодовлеющее значение и большую ценность, что не все, особенно на Западе, понимают. Надо сказать, что я с известным намерением вложил ему в руку эскиз Калмакова, потому что в этом есть какая-то ирония над современным обществом. Вот такой мастерски нарисованный рисунок Николая Калмакова, изображающий именно чёртика, какого-то демона в руках Лобанова. Вот это основа его отношения к жизни, так сказать, немножко демонического порядка. Вот это то, что меня особенно вдохновило. Да и самая его улыбка, такая сдержанная. Вот все восхищаются улыбкой Джоконды. Почему? Потому что это улыбка и не улыбка. Вообще, искусство без улыбки, по-моему, нельзя трактовать. В искусстве нужно, чтобы всегда была какая-то улыбка. Чуть-чуть ироническая, чуть-чуть доброжелательная. Такая вот основа моего чтения; моя концепция в этом и заключается. Но при этом я хотел намекнуть, понятно, и на происхождение Никиты Дмитриевича – в окно виден ростовский собор. Это, по-моему, очень красиво. Что из каких-то пучин русской истории, которые действительно творили. Да с тем же, я бы сказал, идёт его род. Это же связывает его с Щукиным и Морозовыми, с Дягилевым, с людьми воодушевлением и преданностью искусству. В этом лице есть какая-то тайна. Вот на фоне той тайны такое светлое, радостное чем-то как бы освещенное лицо…»

Портреты князя Лобанова лично меня занимают не только как артефакт. Вращаясь в мире художников, он не мог их не привлекать. И тут ничего неожиданного нет. Но личность Никиты Дмитриевича столь многогранна, его суждения и поступки вызывают такие споры, а порой и раздражение, непонимание, что просто провоцируют перевести разговор в другую плоскость – на литературный портрет князя. Этот метафорический портрет для меня привлекателен потому что он включает в себя не собирательство, не приобретение, а черты той могучей энергии, с которой князь бросался пропагандировать то, что отыскивал и ставил на надлежащее место в своей коллекции. В 1954 году Лондонская выставка, посвященная Дягилеву, не только открыла глаза 19-летнему юноше на искусство театральной живописи, но и замечательным образом переродила его. Поясню. Спустя десять лет, после начала собирательской деятельности, желание «иметь», если не заменилось, то стало конкурировать с желанием

«показать то, что имею». Коллекционеру захотелось поделиться найденными сокровищами, любоваться ими не одному, а обсуждать, искать единомышленников. Может быть, к этому толкало и то обстоятельство, что коллекция разрасталась на глазах. И держать её у себя в доме стало невозможным!

Так или иначе, но уже в 1965 году Лобановы с радостью откликаются на обращение к ним фонда Ребекки Харкнесс помочь организовать в Нью-Йорке выставку театральной живописи русских художников. Супруги предоставили на выставку 46 работ. Искусствовед В.Завалишин вспоминает об этой первой выставке, где все экспонаты были из личных коллекций Никиты и Нины Лобановых-Ростовских и Георгия Рябова: «Оба коллекционера были тогда молоды и небогаты. Лобанов-Ростовский кончал Колумбийский университет, а Рябов начал работать в Музее современного искусства на 53-й улице (иногда его называют Музеем 53). Поняв, что имею дело с энтузиастами и бессребрениками, я принял участие в составлении каталога выставки и написал к нему вступительную статью. Выставка эта имела скромный успех. В американской прессе её осторожно похвалили, оговариваясь, однако, что ожидали большего».

Но это не обескуражило Лобанова. Спустя два года тот же Завалишин писал в газете «Новое русское слово» о новой выставке: «В музее Метрополитен 1 июня открылась замечательная выставка костюмов и художественно-декоративного оформления русскими мастерами балетных, оперных, вообще театральных постановок. Выставка эта организована Международным выставочным фондом в Вашингтоне, и в основу её положено собрание Никиты Лобанова-Ростовского и его жены со 105 экспонатами из 112… Юрий Анненков написал прекрасное вступление к каталогу *(на этот раз каталог был оплачен Международным выставочным фондом. – Э.Г.)* со многими иллюстрациями. Анненков напоминает, что благодаря русским художникам произошло перерождение художественно-декоративного оформления как русской, так и европейской сцены, причём прекрасным посредником между Россией и Западом оказался неповторимый Сергей Дягилев». Примечательно, что Международный выставочный фонд затем представлял эту выставку на протяжении двух с половиной лет в 17 музеях США. И эта практика закрепилась надолго.

В 1972 году Фонд организовал новую выставку «Дягилев и русские театральные художники», на этот раз в Театральном музее при Нью-Йоркской публичной библиотеке в Линкольн-центре. На протяжении двух лет эта выставка экспонировалась в 18 музеях США и в двух в Канаде. В 1976 году Фонд организует

выставку «Театральная живопись и русский авангард» уже непосредственно в Линкольн-центре. На ней было представлено 110 работ из собрания Лобановых-Ростовских. И снова в течение двух с половиной лет эта выставка кочует по 13 музеям США. С 1977 по 1986 год в США прошло ещё семь выставок. Одна из них выделяется особо. Эта выставка прошла в 1980 году в Сан-Франциско. В каталоге к ней отмечалось, что «её идея зародилась ещё в 1976 году в связи с приездом в Сан-Франциско Нины и Никиты Лобановых. В 1977 году господин и госпожа Лобановы подарили 40 эскизов костюмов и декораций музею Дворца Почётного легиона….».

Тут самое время дополнить тему выставок ещё одной – темой дарений. Директор названного музея Иэн Уайт, в 1980 году отправил следующее письмо: «Дорогие Нина и Никита, хочу повторно засвидетельствовать наше удовольствие и высокую оценку вашего прекрасного дарения театральному собранию в Почётном легионе, включающего работы Жедринского и Бенуа. Спасибо за то, что нас не забываете, несмотря на то, что вы сейчас живёте так далеко» (Лобановы переехали из Сан-Франциско в Лондон в сентябре 1979 года).

По моей наивности я во время нашей встречи с Никитой Дмитриевичем выразил восхищение и недоумение такими актами. Он охладил меня: в США такое множество прекрасных музеев исключительно потому, что существует механизм, благодаря которому даритель может минимизировать свои налоги. Дарить выгодно. Потому и дарят. В своем сборнике Лобанов приводит списки дарений и суммы. Мне показалось это тоже нарочитым, о чём я и сказал. Выяснилось, что этот список князь приводит потому, что он потребовался при решении вопроса о награждении его орденом «Дружбы народов»! Ну что ж, суетно, но важно!

Опыт дарений у Никиты Дмитриевича, действительно, богатейший. Достаточно взглянуть на список его дарений России лишь за последние 40 лет. Он включает архив С.Судейкина, 12 тетрадей с текстами художника Александра Яковлева и множество дополнительного литературного и фотоматериала, переданного ЦГАЛИ. По договорённости с Николаем Бенуа князь купил у Большого театра в Москве все его эскизы (около 80 работ) к опере «Мазепа» и подарил их ГМИИ им. Пушкина.

260 тысяч евро – такова общая стоимость полотен «Меланхолия поэта» (1916) Джорджо де Кирико и «Зеленый зигзаг» (1924) Тео Ван Дуйсбурга – художников начала XX века, подаренных князем директору Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина Ирине Антоновой в знак

благодарности за организацию в 1988 году выставки произведений русского искусства из коллекции семьи Лобановых-Ростовских. Подобные дары глубоко продуманы и действительно значимы. Как заметила Ирина Антонова, обретенная работа Джорджо де Кирико дополнит пока немногочисленную коллекцию произведений художника, а небольшая гуашь Тео Ван Дуйсбурга продолжит ряд «представителей мощного течения абстрактной живописи, выросшего на открытиях Малевича и Кандинского».

Другой пример. Зильберштейн получил страстно желаемые им для «Литературного наследства» портрет И.Бунина работы Л.Бакста и портрет С.Есенина работы А.Бенуа. В списке принявших дары московский Музей личных коллекций. Тут князю пришлось накануне открытия музея купить (он знал, у кого!) и привезти в мешке прямо в проходную музея 42 предмета фарфора революционного периода 1920-х годов, потому что он не мог себе представить экспозицию без этих предметов.

Дом-музей Марины Цветаевой получил от Лобанова портрет Саломеи Николаевны Андрониковой, выполненный в 1922 году в Париже художником Александром Яковлевым. Адрес этого дара был выбран абсолютно точно. Саломея Николаевна (в эмиграции она вышла замуж за давно влюблённого в неё адвоката А.Я.Гальперна) в течение семи лет буквально спасала в Париже бедствовавшую Марину Цветаеву и её семью. Объяснение, почему этот портрет должен находиться в этом музее, легко найти и в словах самой Саломеи: «Эмигрантская моя жизнь освещена Цветаевой, встречами с нею. Я сразу полюбила ее. Надо сказать, ее мало кто любил. Она как-то раздражала людей, даже доброжелательных… Цветаева была умна, очень умна, бесконечно… Говорила очень хорошо, живо, масса юмора, много смеялась. Умела отчеканить фразу. Не понимаю, как она могла не нравиться людям… Никогда я не видела такой бедности, в какую попала Цветаева. Я же поступила работать к Вожелю в модный журнал, прилично зарабатывала, получала тысячу франков в месяц и могла давать Марине двести франков… Цветаева была по-своему, если не красива, то приметна. С хорошей фигурой, красивыми ногами и узкой талией, крупной породистой головой. Но вся какая-то невыразительная, сплошь бежевые тона…».

Портрет «Княжны Саломеи», таким образом, попал действительно по назначению в музей. Сохранилось 125 писем Цветаевой к Саломее. И почти в каждом из них звучит благодарность за помощь. Тут важен сам факт, что у Цветаевой было к кому обратиться с просьбами о помощи, что, конечно, облегчало её жизнь в отчаянном эмигрантском изгнании. Есть в

этих письмах Цветаевой мотивы далёкие от быта и повседневности, то, что и Блок, и Цветаева определяли словом «несказанное». Так что этот портрет, подаренный музею, нашёл свой дом.

Дарения Лобанова в Москве можно увидеть и в Фонде «Русское Зарубежье», и в Доме-музее Лобановых-Ростовских (когда он был открыт там). Князь подарил одиннадцать работ Александры Экстер Музею личных коллекций. Дарения Лобанова можно найти и в Украине – в Музее им. Т.Шевченко, в Национальном художественном музее… Полный список, включающий дары, сделанные князем в Америке и в Западной Европе, приводить не буду. Он содержит сотни позиций.

Таким образом, метафорический портрет дарителя Лобанова выглядит весьма и весьма внушительно. Но так получилось, что в актах дарения коллекционер разочаровался. Почему это произошло? Я внимательно ознакомился со всеми комментариями дарителя. Суть их в том, что отношение к подаренным ценностям в музеях довольно-таки прохладное. Совсем не такое, когда за них заплатили. Впрочем, вот слова князя: «Помню, как это было с работами Богомазова в музее Гуггенхайма в Нью-Йорке. Я им подарил две акварели, три рисунка и одну картину маслом в 1974 году. Спустя два года я обратился в музей с просьбой получить фотографии подаренных мною работ. Мне ответили, что в списках работ, имеющихся в музее, имя Богомазова не фигурирует… Музею современного искусства (MOMA) в Манхэттене я также подарил произведения Богомазова. К сожалению, они их больше не выставляют.

Подобный случай был и со старейшим музеем США – Уодсворт Атенеум в городе Хартфорд, штат Коннектикут. В 1970 году я им подарил две большие гуаши Ф.Федоровского, два эскиза костюмов Л.Бакста и один эскиз костюмов Анисфельда. Поскольку в собрании Лифаря, хранящемся в музее, не было работ Федоровского и Анисфельда, я решил пополнить их прекрасную коллекцию русского театрального искусства этими именами…». Спустя почти три десятка лет, Лобанов послал расписку о дарении, чтобы помочь автору разыскать эти работы и описать их во втором издании собрания Лифаря.

Князь справедливо сетует на отсутствие внимания к дарителям и в России. Прислать дарителю письмо с ответом, спасибо вам за произведение, которое вы вернули Родине и мы эту работу поместили в таком-то музее – редчайший случай. Обычно даритель должен упрашивать, чтобы ему послали такое письмо. Но случались и приятные исключения. Бывший посол России в Париже Авдеев считал обязанностью не только

благодарить, но и содействовать тому, чтобы на транспорте посольства подаренные произведения доставлялись в Москву. Князь этим пользовался. Именно в знак уважения к Авдееву, князь подарил посольству России во Франции портрет Александра II, который он приобрел на аукционе «Сотби» в Лондоне. Дар, впрочем, не случайный, поскольку этот император был инициатором приобретения в Париже замечательного дома с парком на рю де Гренель, где и по сей день располагается посольство. А вот российский посол в Англии в своё время отказался помогать дарителю в отправке предметов дарения в Москву. И князю пришлось посылать авиагрузом назначенные в дар Филёвскому парку (а значит, московскому правительству) 64 старинные гравюры с портретами русских царей. И при этом платить таможне соответствующую пошлину.

Завершая главу в мажорном тоне, вернёмся к выставкам. Начиная с 1991 года, они регулярно проходили в Западной Европе и Японии (Иокогама). Пробив дорогу в Америке, русское театральное искусство ринулось в выставочные залы Германии, Греции, Бельгии, Швейцарии, Нидерландов, Италии, а затем объявилось в Советском Союзе и России. На свою историческую родину Лобанов стал ездить, как я уже писал, начиная с 1970 года. И с тех пор всячески продвигал идею пропаганды предметов своей коллекции. Он неустанно мечтал, чтобы вся коллекция оказалась доступной почитателям русской театральной живописи, и в первую очередь, в Москве и Петербурге. Как известно, эти мечты закончились покупкой коллекции Лобановых фондом «Константи-новский», являвшимся инвестором ремонта дворца в Стрельне.

А ведь этому предшествовал захватывающий воображение прорыв: самая первая выставка в Москве в 1984 году под названием «Русская сценография, 1900–1930, из собрания Нины и Никиты Лобановых-Ростовских». Выставка состоялась в американском посольстве и была приурочена к 50-летнему юбилею установления дипломатических отношений между США и СССР Устроил выставку тогдашний посол Артур Хартман. На ней было представлено всего 50 работ, но на открытие было приглашено более двухсот человек – художников, искусствоведов, директоров музеев из Ленинграда, Киева, Тбилиси и других городов. Посол пригласил чету Лобановых-Ростовских пожить у него и присутствовать на открытии выставки. Советские власти, однако, отказали им в визе. В последний момент Лобановым пришлось купить у «Интуриста» тур в СССР. Специально в честь их прибытия был устроен второй вернисаж. В своём выступлении посол Артур Хартман отметил:

– Это не обычная выставка, потому что в основном наша задача – представлять достижения американской культуры. Сегодня же мы открываем выставку, которой чествуем гражданина Соединённых Штатов, собравшего и сохранившего великолепное наследие одного из замечательных периодов русской культуры. Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский с гордостью носит одно из стариннейших русских имён. Большую часть своей жизни он отдал сохранению произведений искусства, что уже само по себе – одна из благородных русских традиций. Собрание Лобановых-Ростовских не только уникально. Это ещё и «трудное собрание», и я не завидую Никите Лобанову. Много проще собирать «измы». Для этого нужны в основном деньги и тщеславие. Вкус и знания желательны, но не обязательны. Лобанов же всё время ищет. Он чем-то напоминает человека, бродящего по берегу океана в поисках бутылки со вложенной туда запиской. Он ищет самоотверженно и страстно. И многое находит – от рисунков Павла Челищева в афинском кафе до декораций в комнатушке сиделки, ухаживавшей за больной Александрой Экстер…

Выставка эта была маленьким вознаграждением того упорства, с которым Никита Дмитриевич обхаживал советских чиновников, чтобы те разрешили показ коллекции в СССР. В целом же замечу, что устраиваемые князем международные выставки получали огромную прессу Они сопровождались каталогами, которые теперь выросли в целую библиотеку и стали библиографической редкостью.

Приведу несколько отзывов в прессе о выставках, которые помогли признать театральную живопись, как самостоятельный вид искусства, существующий параллельно станковой живописи.

Ю.Зорин, «Новое русское слово»: «Особенностью выставки является то, что Н.Лобанов показал произведения ряда художников, имена которых совершенно неизвестны на Западе и вряд ли широко известны в Советском Союзе… Сделав обзор увиденного, подходишь к вопросу вопросов выставки: если мы с уверенностью знаем, что русский художественный авангард родился в период величайшего экономического, социального и культурного подъёма Российской империи, то мы ещё не знаем, когда и как догорели последние искры этого культурного подъёма в отгороженном от остального света китайской стеной СССР… Камилла Грей когда-то озаглавила свою ставшую широко известной книгу «Великий эксперимент: русское искусство 1863–1922». Для неё – в 1961 году – эксперимент заканчивается 1922 годом. Однако действительно ли это так? Основоположница конструктивизма Александра Экстер, модернист Юрий Анненков

покинули СССР в 1924 году, маститый Александр Бенуа в 1926 году, Сергей Чехонин – в 1928 году, но там оставались Татлин, Малевич, Лисицкий, Лентулов, Варвара Степанова (жена Родченко) и многие-многие другие. Художники, вынужденные покинуть СССР, не увезли – не могли увезти! – пламя авангарда: они оставили в СССР своих учеников. Наконец, какова судьба учеников тех, кто, оставшись в СССР, был вынужден под жесточайшим давлением погасить своё пламя?.. Выставка из собрания Н.Лобанова в «Линкольнцентре» даёт некоторые основания предполагать, что российский авангард продолжался вплоть до 1929 года. Она не даёт ответов на многие вопросы, скорее наоборот – ставит их».

Н.Данилевич, «Деловоймир»: «…Лобанов-Ростовский – владелец самой крупной частной коллекции театральной живописи русских художников (более тысячи работ). На выставке *(в «Музыкальном центре «Мегарон» в Афинах в 1997 г. – Э.Г.)* демонстрируется треть его собрания. Когда он начал покупать первые работы, никто в мире не интересовался русским театральным искусством. Все эти эскизы, афиши, рисунки разбросаны были, где попало – на чердаках, в сундуках у наследников художников, у их любовниц, просто у случайных людей – в Париже, в США, и в Греции в том числе. Красиво изданный каталог на греческом языке содержит 20 цветных иллюстраций».

М.Мейлах, профессор, «Лондонский курьер»: «Выставка из коллекции Лобановых-Ростовских проходила прошлой осенью *(1998 г. – Э.Г.)* в Японии, в музее искусства города Иокогама. Она явила японской публике произведения художников русского авангарда, так или иначе связанных с театром. В силу истории формирования этой коллекции, собиравшейся в 60-80-е годы на Западе, в ней были представлены главным образом произведения русских художников-эмигрантов, работавших после революции во Франции, Германии, Греции, Турции, Англии, США. Имена многих из них хорошо известны, с другими состоялось первое знакомство. В 350 экспонатах выставки предстали театральные работы Гончаровой, Ларионова, Малевича, Лисицкого, Шагала, Чехонина, Григорьева, Экстер, Поповой, Челищева, Стеллецкого и многих других – всего 75 имён.

Считается, что частные коллекции, размещённые на стенах музеев, чувствуют себя несколько неуютно. Скромные, но достаточно впечатляющие в домашних условиях работы, выглядят не на своём месте, когда они перемещаются в монументальные пропорции музейных залов. Работы из собрания Лобановых-Ростовских выдерживают этот переезд в музей с большим

достоинством. Особенность этой коллекции среди прочего состоит в том, что по своему значению и составу она выходит далеко за пределы традиционного домашнего собрания: она насчитывает более 1000 произведений 147 художников. Неудивительно, что способ существования такой коллекции – более или менее масштабные выставки, проходящие во многих музеях мира».

Вот эта рецензия, как мне кажется, подчёркивает очень важный момент – собиратель сознательно выбрал форму существования для своей коллекции – пропаганду находок и приобретений посредством выставок. Альтернативой этому мог бы быть только склад. Н.Лобанов сразу понял это и не жалел усилий, чтобы как можно чаще вытаскивать коллекцию со склада, давать ей жизнь.

Эти усилия владельца коллекции на Западе ценили. Чего не скажешь о России. Тут всё складывалось иначе. Советские чиновники создавали множество препятствий показу коллекции Лобановых-Ростовских. Предубеждения, идеологические табу, невежество, бюрократизм, страх – всё это встало барьером, который много лет преодолевал Никита Дмитриевич. Князь видел в выставках знак общественного признания, ибо его всегда и везде, даже друзья в Нью-Йорке, Париже, Лондоне считали чудаком. Собиратели нуждались в поддержке. Они имели её за пределами России. И не только от государств, но и от весьма влиятельных лиц. Князь об этом говорит в одном из интервью с Иваном Толстым, которое он дал «Русской службе»:

– Собирать русскую театральную живопись? Меня считали малоумным, когда можно было собирать за те же деньги то, что звучало гораздо больше других. К счастью, у нас была поддержка в Нью-Йорке, в первую очередь, благодаря Барру. И, таким образом, следующим было наше с Ниной желание признания со стороны общественности на родине художников. Да, вне России за тридцать лет нам удалось устроить больше ста выставок нашего собрания только в США. Но в Советском Союзе нам это не удавалось. А мне важно было внедриться с коллекцией именно в российском обществе. И конечно, это была большая удача для меня, что американский посол Хартман решил отпраздновать пятидесятилетие дипломатических отношений между СССР и США выставкой нашего собрания, так как я – русский американец. И он это сделал в посольстве. В своих выступлениях он утверждал, что на вернисаж в посольство пришло больше гостей, чем когда-либо приходили в посольство. Несмотря на то, что два гаишника стояли у дверей и старались отбрыкивать людей, приглашения были розданы вручную курьерами.

Та судьбоносная выставка 1984 года в американском посольстве имела широкий резонанс. За ней последовало приглашение директора ГМИИ им. Пушкина Ирины Анатольевны Антоновой привезти картины коллекции и вывесить их в залах музея. Выставка дала надежду. Не осталась незамеченной и одна из первых выставок в Москве, в Музее личных коллекций, где князь и Нина решили продемонстрировать различные художественные направления в русском искусстве конца XIX века – первых трех десятилетий XX века: неопримитивизм, символизм, конструктивизм, супрематизм, кубо-футуризм и другие. Их коллекция предоставляла им такую возможность. Американский искусствовед Джон Боулт, цитируемый в каталоге к той выставке, писал: «Собрание Лобанова стало своеобразным хранилищем многих культурных ценностей, спасенных им от неминуемого разрушения и забвения».

Возвращение в Англию

Киплинг говорил, что Запад и Восток никогда не могут встретиться. Почему-то мне вспоминалось его рассуждение о несовместимости западной и восточной культур всякий раз, когда я слышал от моих американских друзей, эмигрировавших из Советского Союза, что они предпочли бы всё-таки жить в Европе. Возможно, такие мысли посещали и князя, жившего с супругой в Сан-Франциско. И когда Нина высказала пожелание перебраться в Европу, поближе к родителям, живущим в Париже, где тяжело болел её отец, Никита Дмитриевич сопротивляться не стал. Логично было выбрать Францию – и не только потому, что Нина могла бы чаще навещать свою семью, но и благодаря климату. Но князь после недолгих размышлений предпочёл Англию. Тем более, что он получил предложение возглавить филиал Канадского банка в Великобритании. Так или иначе, чета Лобановых возвратилась в 1979 году в ещё тот, старый, добропорядочный Лондон. Вживаться в него обеспеченным супругам не составило никакого труда. Лондон привлекал Никиту Дмитриевича все годы, которые он находился в Америке, прежде всего устоявшимися традициями, ощущением свободы.

Но сначала небольшое отступление. В августе 2011 года политическую жизнь в Лондоне, как обычно, прервали отпуска. На летние каникулы разъехались премьер-министр, мэр, члены правительства, депутаты парламента. Полицейские мирно патрулировали город – предлагалось даже провести сокращения численности полицейских служб. И вдруг волна вандализма захватывает сначала Лондон, а потом всю страну. За первые три дня было ранено около 40 полицейских. Премьер-министр прервал отпуск, за ним вернулись члены парламента…

Всё это случилось в то лето, когда я писал книгу – поэтому мы с князем общались чуть ли не ежедневно. Я уже вчерне набросал главу, где излагал, почему Никита Дмитриевич думает, что Лондон предпочтительнее для свободолюбивого, независимого человека, чем любой другой европейский город. Именно свобода и демократия перевесили в его размышлениях, когда он выбирал после Америки местожительство – между дождливой Англией и более комфортным югом Франции. Я согласен с его мнением. Живя в Лондоне я ценю этот город тем, что всегда чувствую себя комфортно – хожу по улицам в самые поздние часы без всяких опасений. Однако кому-то не нравятся камеры слежения на улицах Лондона (самое большое количество в Европе). Кто-то говорит об ущемлении демократии. Я же

полагаю, что камеры – это вопрос безопасности.

Волна бесчинств, главными участниками которых оказались подростки, и даже дети, косвенно коснулась и меня. На вторую ночь бесчинств я покинул мой маленький домик и перебрался в квартиру по соседству. Хозяйка в эти дни дежурила в госпитале в Челси. Её сын был в Литс – там он учился в университете. Так что в той квартире я оказался один. Окна большого дома выходили на канал между Кингс-Кросс и Камден Таун. С третьего этажа я наблюдал хулиганов, гурьбой сновавших вдоль берега. Чуть стемнело, мимо дома по переулочку, параллельному каналу, с гиком и свистом промчалась на велосипедах стая погромщиков в спортивных костюмах с капюшонами, скрывавшими лица. Они выскакивали на тротуары, распугивая редких прохожих, рвались вперёд, почему-то пренебрегая проезжей частью. По улице в направлении знаменитого рынка на Камден Таун тоже бежали погромщики. Я стоял у окна и как-то сразу подметил, что полицейских не видно. Около двух часов ночи вдруг у самого дома вновь показалась банда подростков в накинутых на головы капюшонах. В два счёта они могли разнести стеклянную входную дверь: в холле висели картины, хорошо видные с улицы. На всякий случай я накинул цепочку на дверь квартиры, приготовив себя к худшему. Дежурство хозяйки заканчивалось как раз в два часа. Я позвонил ей, что к дому, похоже, нельзя подъехать ни на ночном автобусе, ни на такси. Впрочем, наш район не был исключением. Она сообщила, что администрация госпиталя предоставила сотрудникам комнаты, где они могли переночевать. Лишь к утру полиции удалось навести порядок в городе. Ощущение же осталось неприятное…

В российских газетах и комментариях политиков тех дней легко прочитывался злорадный вопрос: вы там, на Западе указываете, как нам жить, а что у вас творится? Погромы, бесчинства, полиция не в состоянии справиться с беспорядками! Вот вам и свобода, блин! В том смысле, что куда лучше наша управляемая демократия! В переписке с князем в эти дни я, тем не менее, заметил, что у меня сохраняется прежняя уверенность, что живу в прекрасной стране, где очень быстро власть наводит порядок. За 25 лет эмиграции я был свидетелем, как она успешно справлялась и с ирландскими террористами, и с радикальными исламистами. И теперь, Бог даст, всё будет в порядке. Никаких сомнений! Князь ответил обстоятельно:

– Бунтовала непродуктивная часть населения. А именно, черные и белые, которые проживают в квартирах, субсидированных правительством, в семьях безработных, живущих на пособиях и практически не имеющих возможности

когда-либо получить работу, ибо они генетически умственно ограничены. Как вы, вероятно, могли заметить, у них имеются деньги. Потому что в руках погромщиков были телефоны блэкберри, с помощью которых, они вели связь и «планировали» свои действия. А блэкберри стоит 240 фунтов. (Система блэкберри пока единственная, которую нельзя подслушивать, и поэтому полиции было очень трудно предугадать, где будет следующий мятеж). Значит, живя на пособии, которое обычно составляет 85 фунтов в неделю, такой телефончик не купишь. Эти подростки зарабатывают торговлей наркотиками. Их наглое и криминальное поведение на виду у полиции объясняется тем, что они знают, что особых наказаний не последует. Многим из участвовавших в грабежах – меньше 18-ти лет. Нынешняя политика политкорректности запрещает полиции даже вмешиваться, когда они видят, как грабят магазины. Ибо, если они дотронулись до черного подростка, или, того хуже, малолетнего, чтобы предотвратить грабёж, то отвечать придётся в Парламенте. Полицейские будут обвинены в жестокой расправе с национальными меньшинствами, за что их могут уволить с работы. А за бездействие не увольняют. На мой взгляд, правительство побоится принять серьезные меры против такого рода криминала, ибо огромный слой населения, примерно 12 % избирателей (7 миллионов голосов) – это люди, которые живут на социальные пособия и голосуют за ту партию, которая им дает такие поблажки. Но этим больна не только Великобритания. Выдающийся пример – Греция. Там каждое новое сменявшее друг друга правительство покупало голоса. И дело дошло до абсурда, когда учитель может в 42 года уйти на пенсию, размер которой 23 тысячи евро в год. Аналогичная ситуация в Италии, Испании, Португалии и Франции. Лидеры этих стран раздували бюджетные траты, щедро давая поблажки избирателям. Но ведь и США не смогут когда-либо вернуть свой государственный долг. При всей видимой неспособности правительства управлять страной, демократия в США, похоже, неизбежно входит в полосу заката…

Эти комментарии князя несколько потрепали мой оптимизм. Но я продолжаю верить в силу английской демократии. В самом деле, волна насилия на третий день была остановлена. В последующие дни арестовали сотни погромщиков. Суды работали до трёх часов ночи. Мародёры отправились в тюрьмы. Число полицейских на улицах Лондона увеличилось от 6 до 16 тысяч. В Парламенте начали обсуждать введение водомётов, а, главное, расширены права полицейских. Власть дала почувствовать участникам погромов силу закона. Да и общество не осталось в стороне. Зародилось «Движение швабр»: сотни тысяч граждан

покупали щётки и выходили чистить улицы. Демократия и свобода дороги этим людям. И они будут отстаивать её.

Но дальше я стал рассуждать всё-таки в привычном русле. Мол, наверное, участие в погромах подростков и малолетних – серьёзный сигнал социального неблагополучия. Наряду с карательными мерами обществу придётся подумать не только об изменении правил получения социальных пособий, но и об увеличении спортивных и культурных учреждений в неблагополучных районах городов. А разговоры, якобы, о закате западной цивилизации, возможно, могут быть оспорены предположением, что общества в развитых странах сталкиваются сегодня с необходимостью вновь прислушаться к Джону Кейнсу: богатым, всё-таки надо делиться, чтобы капитализм не похоронил себя. Это моё предположение вызвало отповедь Никиты Дмитриевича. Раздражения он скрывать не стал:

– В вас настолько глубоко сидит идеология равенства, что вы, видимо, верите в свою последнюю строчку, т. е. что богатым все-таки надо делиться, чтобы капитализм себя не похоронил. То, что вы проповедуете, было установлено правительством Этли после войны, когда он ввел налоги до 95 %. С помощью этого налога, который погубил предпринимателей, и при помощи диктатуры профсоюзов, ему удалось угробить большую часть тяжелой промышленности и морской флот, превратив экономику страны в экономику услуг (сервисов). С того времени в Великобритании постоянный дисбаланс в торговле, который покрывается вливанием капитала, как например, от Абрамовича и Березовского. Г-жа Тэтчер попыталась восстановить экономику, и ей удалось на два года сбалансировать бюджет. Но, увы, у большинства нации, как и у парламентариев, тот же самый ваш менталитет: бери у тех, которые имеют, и давай большинству, которое за тебя голосует. Вот и результат: стагнация и попытка нынешнего правительства понизить максимальный налог на богатых, который ныне 50 %.

Вероятно, князь прав. Если поскрести бывшего советского гражданина, идея равенства в подсознании отыщется. Хотя, предположение, будто я верю в равенство, ошибочно. Я как раз боюсь, что был слишком категоричен, совсем не веря в равенство. Этот перекос в моём сознании возник не случайно. В то время, когда Запад после Великой депрессии балансировал между равенством и неравенством, в Советском Союзе идеология равенства была официальной. В ельцинской России, наоборот, идеологию равенства отвергли и приняли идеологию неравенства. В анализе событий августа 2011 года в Англии аргументы князя выглядят, в самом деле, убедительнее

привычных рассуждений, будто «отверженные мстят обществу». Ведь эти погромы никак нельзя сравнивать с голодными бунтами 30-х годов прошлого века. Со времен Кейнса уровень потребления широких масс в такой развитой стране, как Англия, поднялся. И погромщики на велосипедах, в добротных спортивных костюмах с натянутыми на голову капюшонами и с блэкберри в руках, как отмечал князь, громили не хлебные и продуктовые лавки, а магазины с дорогой электронной техникой. Какие же это отверженные! Это уголовники…

На первый взгляд, мы, скрытые и явные сторонники равенства, этим бунтом получили новый импульс. Но рост производства после кризиса «кейнсианства» в 70-е годы обеспечивался ростом самих потребностей. В этом росте потребностей проявляется неравенство, потому что в потреблении нужны лидеры. Ими могут быть только состоятельные и очень состоятельные люди. Значит, в неравенстве заложена динамика развития, и оно должно сохраняться. Обществу же предстоит понять: с этими бунтами запахло новой революцией, или же просто уголовщиной, которую следует всеобщими усилиями подавить. Похоже, всё-таки, уголовщиной! Гангстерская субкультура стала модой для определённого типа чернокожих подростков и белых «люмпенов». Романтический флёр этой культуры, суть которой гангстерское насилие и деструктивный нигилизм подметил британский историк и телеведущий Дэвид Старки…

И всё-таки даже после бесчинств 2011 года я остаюсь патриотом Лондона. Более того, четверть века без малого не устаю радоваться, что судьба подарила мне такую возможность – стать лондонцем. Сначала я жил в районе Люишема, потом – в престижном Челси на Гилстон роуд, рядом с домом-дворцом шейха Бахрейна. Затем переселился в район Хайгейт. С балкона третьего этажа по утрам махал рукой Карлу Марксу, который покоится на Хайгейтском кладбище. В устах приятелей это звучало весело: мол, Карл, ты там, а я пока здесь! Теперь живу неподалёку от Британской библиотеки, которая находится у Кингс-Кросс, и доволен тем, что могу в любое время дойти до нее пешком.

Но на протяжении всех этих лет, каким бы скромным не было моё жилье, я везде в этих очень разных районах (элитных, средних, обычных) чувствовал себя комфортно. Более того, могу с уверенностью утверждать, что в Лондоне отношение к эмигрантам дружелюбнее, чем в Париже, Берлине, Милане, где я неоднократно бывал, и, подозреваю, в любом другом месте Европы. И на лондонских улицах больше терпимости, понимания,

готовности прохожих помочь, разъяснить, даже проводить. Есть у лондонцев время на это, как бы они ни торопились.

Во время одной из наших встреч я поделился интересным наблюдением с князем:

– Представьте, Никита Дмитриевич, солнечное летнее утро. В 7.50 утра подхожу к Ливерпульскому вокзалу, где на маленькой площади перед входом в вокзал, прямо на улице – пианино. Оно стоит у памятника еврейским детям, прибывшим сюда с эшело ном из Восточной Европы: в последний момент их отправили родители, спасая от фашистской оккупации. На нём может играть всякий, кто хочет. Бесплатно. И в тот ранний час перед инстру ментом сидел человек и что-то наигрывал. В зале вокзала, прямо напротив табло, указывающего платформы, с которых отправляются поезда в аэропорт Стенстэд и Кембридж, элегантно одетая женщина пела чудным сопрано. Я прочитал, что она собирала деньги в Фонд борьбы с раком. Я обычно не подаю нищим, не участвую в акциях благотворительности – потому что проживаю на скромную пенсию. Я не хочу обманывать ни себя, ни нуж дающихся в помощи, чтобы выглядеть красиво. Это также аморально, как не помогать, если у тебя есть возможность. Однако в то солнечное утро меня вновь охватило ощущение, что я живу в прекрасном городе. Я уже прошёл мимо этой женщины, поднял ся по эскалатору, но что-то заставило меня вернуться. Сверху с балкона я бросил фунт, который, отскочив от пола перед женщиной, попал прямо в ведёрко… Певица, дававшая благотворительный концерт, подняла глаза и так улыбнулась мне, что я опять почувствовал душу и красоту Лондона.

Князь поддержал меня, подтвердив, что в Лондоне очень приятно жить.

– Население спокойное, соседи нелюбопытные и ненавязчивые. Эксцентриков, как я, не считают чудаками. Лондон состоит из многих городков, которые слились на протяжении столетий. Множество парков, разбросанных во всех частях города, придают ему человеческий образ, несмотря на имперскую архитектуру центра. Англия в целом для меня – это четыре прекрасных года студенчества, близкие друзья, темперамент людей, который мне подходит, демократический образ правления, вековые традиции. Пригород Лондона я хорошо знаю, потому что, уже спустя год после моего приезда в Оксфорд, мне представилась возможность охотиться в Хедингтоне, в двадцати минутах езды на автомобиле от центра Оксфорда. Таким образом, будучи студентом, я мог приглашать друзей на охоту раза два в неделю во время учебного года. А они взамен приглашали меня в имения родителей во время каникул. Те знакомства перешли в

прочную дружбу. Так что, вернувшись в Лондон спустя двадцать с лишним лет, я нашел тех же друзей, для которых этот перерыв никак не повлиял на их отношение ко мне. Мы влились в светскую жизнь Лондона, как будто всегда там жили. Во Франции или других странах Европы это неосуществимо – там друзья забывают вас очень быстро…

Те, кто знал князя раньше, легко могли заметить, что прививка, полученная в Оксфорде, оказалась устойчивой. Годы, проведенные в Америке, мало что изменили в его внешности и поведении. В общении он сохранял безукоризненные манеры. Был по-европейски сдержан. Владел литературным слогом. В интонации же и мелодике речи не утерял того самого знаменитого оксфордского произношения. Более того, став состоятельным, князь не только не перенял привычки американских миллионеров одеваться в джинсы и кроссовки, а наоборот, выработал свой изысканный стиль в одежде… Мне в князе всё это очень нравилось тогда, много лет назад, нравится и теперь! Я даже стал в нагрудный карман пиджака класть цветной платок под тон галстука. К сожалению, не могу последовать за его стилем во всём остальном. Ведь в одежде князь предпочитает не престиж, а качество.

К примеру, туфли заказывает в Аргентине, галстуки и костюмы в Оксфорде.

Словом, вернувшись в 1979 году в Лондон, князь устраивал свою жизнь по своему вкусу и понятиям. Ужин заканчивал гаванской сигарой, предпочитал пиво любому плохому вину, причём, пиво живое, из бочки, то, что продаётся в пабах. Не читал ежедневно одну и ту же газету. В понедельник он просматривал «Дейли телеграф», во вторник покупал «Индепендент», в среду «Тайме», в четверг «Гардиан» и вечернюю «Ивнинг стандарт», в пятницу опять «Тайме», в субботу «Интернейшнл геральд трибюн» и «Финансовую газету». При этом его интересовали исключительно статьи по искусству, об аукционах и финансовая информация. Обычные новости он слушал по Би-би-си. Но всё это та самая мишура, за которой была подлинная жизнь. Мало кто знал, что личная жизнь Никиты Дмитриевича уже тогда складывалась не лучшим образом. В 1995 году мне довелось однажды побывать в квартире неподалёку от Холланд Парк, где поселились супруги и откуда князь спустя десять лет бежал, оставив всё, включая любимые картины!..

И вновь перейду на параллели: примерно в то же время я вынужден был уйти из дома, где проживал вместе с женой и дочерью (я впоследствии развёлся с женой). Князь рассказывал мне, что забрал лишь книги и чемодан с костюмами, оставил

часть архива. Но у него была работа, были деньги. А я – без постоянной работы, с несколькими сотнями фунтов в кармане и с обязанностью продолжать выплачивать кредит, взятый на покупку дома, процент за него и даже эксплуатационные расходы. Моя бывшая жена, Марина, имела не меньше заслуг в нашей семейной жизни, чем Нина, без которой, по признанию князя, не было бы коллекции.

Благодаря Марине я оказался в Англии. Она родила мне чудесную дочь Сандру, и, наверное, заслуженно выставила меня из дома. А ведь я выехал на Запад, когда мне было уже 50. И встретился с такими трудностями, о которых и не подозревал. Тут мало было иметь «трамвайный» язык. Английский следовало знать так же хорошо, как и традиции, и порядки, раз и навсегда установленные в обществе на всех уровнях иерархии. Подвохи ожидали меня на каждом углу Даже сидя за столом у моего тогдашнего приятеля Мити, весьма успешного банкира, жившего в Челси, я испытывал неловкость – выпадая из разговора, не понимая контекста, нарушая какой-то неведомый мне порядок… И беседуя с князем, я как бы переживал всё заново.

Митя помогал мне выстоять. Он уговорил своих приятелей в Челси сдать мне жильё за мизерную плату, включавшую преподавание русского языка хозяйке. Приглашал к себе, в кафе, оплачивал теннисный корт, где мы играли с ним два-три раза в неделю. Приехав из Советского Союза, помнится, меня меньше всего на Западе восхитило обилие товаров в магазинах. И я был счастлив не вдруг открывшимся продуктовым выбором, возможностью посидеть в пабе, в кафе, а тем, что имел доступ в библиотеку факультета славянских языков Лондонского университета. Я мог теперь прочитать весь «самиздат» и «тамиздат», мог пойти в Британский музей, Национальную галерею… О новых продуктах и об этикете за столом я думал меньше всего. А без этого званые ужины у Мити не обходились. Хозяин терпеливо просвещал меня и в самый трудный период моей эмигрантской жизни поддерживал.

В памяти всплыло множество эпизодов. Жизнь питается порядком, утверждал Митя, упоминая основателя квантовой механики физика Шредингера. Так вот, в рамках этого порядка и проходил у него тот памятный ужин. Подали закуски, затем суп и горячее с овощным гарниром. Гости пили прекрасные вина, я, как всегда, водку. К чаю появился шоколад в бумажных фирменных пакетиках. И в каждом из пакетиков эксклюзивного шоколада было без повторений множество самых разных сортов, разной конфигурации и вкуса! Я на глаз прикинул – сколько гостей, столько и пакетиков! Придвинул к себе один и давай надкусывать

одну конфету за другой: первую, третью, пятую. Откуда мне знать, что это был селекционный шоколад знаменитой бельгийской фирмы «Леди Годива», купленный в дорогущем магазине, чтобы попотчевать всех! Разговор за столом шёл на английском, французском и немецком. И всё о высоких материях! О низком говорили только на русском, единственном мне доступном языке. После того ужина я навсегда запомнил, что такое шоколад «Леди Го дива»…

Но шоколад, этикет – мелочи; в тот период я не мог разобраться в моей новой жизни, например, как отключить отопление, как открыть форточку или оконную раму, как перевести почту на новый адрес. Все эти мелочи осложняли мою эмигрантскую жизнь. И Митя подключал свою секретаршу… Аптека, где надо было объяснить, что мне нужно, покупка в магазине соуса чатни, принятого мною за любимое вишнёвое варенье, наконец, история с пиджаком… без карманов! В фирменном магазине на распродаже я купил себе пиджак с зашитыми карманами. Пиджак провисел несколько месяцев в шкафу, ибо я полагал, что промахнулся. И мучился, изредка надевая его, что не могу даже положить расчёску в карман, ключи. Наконец, поделился горем с Митей, который надоумил меня вспороть их…

На фоне рассказа о лондонском периоде жизни князя, заполненном визитами и посещениями салонов, клубов, домов высшего света, не удержусь от ещё одной забавной параллели, связанной с посещением одного из старейших мужских клубов Лондона «Атенеум» на Пэлл Мэлл, членом которого был Митя.

Митю в школьном возрасте вывезли в Америку. Закончив там престижный университет, он стал заниматься «рисковым» капиталом и был весьма удачлив. Вскоре из Америки Митя перебрался в Лондон. Посещал театры, выставки, галереи. Обзавёлся многими полезными знакомствами. Светскую жизнь удачно сочетал с бизнесом. При всём при этом отличался редким гостеприимством. Ну, нравилось ему украшать или, как он говорил, «угощать» свой импровизированный салон интересными людьми. Ничего плохого в этом не было. Тем более, что в их число попадал и я, как корреспондент американского альманаха «Панорама»…

Однажды Митя решил познакомить меня с закрытой стороной английской жизни, пригласив на обед в «Атенеум», и предупредил, что мне потребуется костюм.

Возьмите в аренду «диннер джакет аутфит», – сказал он. – Это будет вам стоить что-то. Но за обед плачу я. Пометьте себе в календаре: «12 мая – ужин в клубе». Хватит вам месяца для по

иска костюма?

Хватит, – ответил я.

Мучила меня эта задача несколько дней неимоверно. И вот, проходя по Чипсайд, улице в деловой части Лондона, я увидел в витрине то, что, как полагал, и есть «диннер джакет аутфит». В магазине я попробовал уточнить на доступном мне английском. Продавец, будучи сам иностранцем, ничего не понял, но протянул мне буклет. Я внимательно просмотрел его, но слов «диннер джакет аутфит» не нашёл. Звоню Мите и сообщаю, что такого названия нет даже в буклете фирменного магазина на Чипсайд! Мол, куда уж выше! А он мне:

– Спросите иначе: «блэк тай аутфит».

– Хорошо, сейчас посмотрю в буклете…

– Не смотрите, а приходите вечером на ужин, я вам покажу, как это выглядит.

Вечером я увидел костюм с атласными бортами на пиджаке и лампасами на брюках.

– Всё понял, – бодро сказал я.

За два дня до ужина, уже на Кенсингтон Чёрч Стрит, я заглянул в магазин «сэконд хэнд» и увидел то, что мне показывал Митя. Пиджак оказался в самый раз, а брюки – на размер больше. И всё это в разы дешевле, чем на Чипсайд! Ничего, решил я про себя, стяну в поясе ремнём!..

Смею доложить, – радостно сообщил я Мите по телефону, – костюм имеется! Вот только ремень сейчас пойду куплю! Брюки великоваты!

Какой ремень, – возмутился Митя! – Ищите камербанд!

В том же магазине я нашёл этот самый пояс-камербанд, и, на следующий день, облачившись в костюм и надев чёрные туфли, ждал Митю у входа в клуб…

Для начала он завёл меня в «Могшпд Яоот», куда с 1826 года не ступала нога ни одной женщины. Трое джентльменов сидели в разных углах на потёртых кожаных диванах тёмнозелёного цвета и читали газеты. Издали раскланявшись с кем-то, Митя усадил меня в четвёртый угол и нажал кнопку. Раздался мягкий звонок. В баре появился старик в бакенбардах и бабочке, служивший тут с незапамятных времён. Митя заказал напитки… Из «Могшпд Room» мы направились вверх по широкой лестнице, на которой когда-то поссорились или помирились Диккенс с Теккереем, зашли в библиотеку, где насчитывалось свыше 70 тысяч томов, подошли к креслу, на котором сиживал Фарадей. Затем состоялось знакомство с членом клуба Рабиновичем из Вильнюса, который говорил по-русски и целыми днями просиживал в библиотеке. Я перекинулся с Рабиновичем парой фраз. Затем по

той же лестнице мы спустились вниз, выпили по бокалу сока и когда мой новый знакомый отошёл, Митя заметил: «Редкая скотина, этот Рабинович!..».

Но тут раздался стук деревянной хлопушки и распорядитель прокричал: «Лорды, дамы и господа! Прошу в обеденный зал!». Мне пришлось сидеть рядом с пожилой дамой, которая хотела общаться. Я хотел тоже, но не мог. Ведь дама и мысли не допускала, что её сосед по столу слаб в английском! Я изо всех сил вслушивался, но ничего не понимал. Она ворковала, я кивал головой, мычал и производил впечатление внимательного собеседника. Дама была в восторге, пока не задала первый вопрос. Недоумение на её лице прервали официанты, разливавшие вино в бокалы и обносившие гостей холодными закусками.

Председательствующий встал. За ним все остальные. Я ухватился за фужер с вином и встал тоже, полагая, что это первый тост. Но тут увидел, что никто до бокалов не дотронулся. Досадуя на оплошность, я поставил фужер на место и попытался вслушаться, что говорил председательствующий. Но тот не говорил, а цедил слова. Все секунду помолчали, потом сели и принялись за трапезу. Вскоре официанты стали собирать тарелки, а следом подавать горячее: какую-то крохотную гвинейскую дичь – маленькую птичку размером с куриное яйцо и три варёные морковки в качестве гарнира. Перед горячим председательствующий опять встал. Я был уже учёный и фужер не тронул. Но опять не попал! На этот раз все стояли с бокалами вина. Я быстро исправился и снова попытался вслушаться в произносимую речь. Понял только, что пить надо стоя, как все. Митя, конечно, видел всё, но просвещал меня пост-фактум. Оказалось первый раз встали, потому, что это была молитва и пить не следовало. Второй раз пили за королеву! Но испытания мои на этом не кончились.

Официант в последний раз обносил гостей вином. Я был начеку. Официант подошёл ко мне и что-то спросил. Я ответил «сэнкью!» И он мне опять подлил, хотя бокал был почти полон. Следом за этим официантом двигались два господина – один чуть впереди нёс деревянный ящик, другой – позади, нёс ящик поменьше. Что там, мне понять было трудно. Для этого следовало привстать. Но я, стянутый кабермандом, который поддерживал штаны, решил не двигаться. Наконец, ящики оказались за моей спиной. Господин, державший ящик, что-то спросил. И я опять сказал «сенкью!» И тотчас же ящичек оказался перед моим носом. Там лежали сигары. Только тут вмешался Митя.

– Вы что, действительно хотите сигару? Это дорогое

удовольствие в клубе. Но я готов сделать вам приятное, если вы такой тонкий ценитель табака! Сигары первоклассные…

– Нет, конечно, вы знаете, я не курю. Я сказал «сенкью», в смысле, нет!

– Когда вы говорите «сенкью» – это значит «Да, хочу!». В вашем случае следовало сказать – «Ноу, сенкью»!

Услыхав это самое «Ноу, сенкью!», официанты с сигарами забрали ящичек и удалились. Члены клуба задымили сигарами. И тут выяснилось, что теперь сидевшие будут говорить об… ответственности в медицинских исследованиях. Оказалось, что за этим столом собрался весь цвет британской науки, медицинские светила, занимающиеся пересадкой органов, клеток и прочего… Развернулась дискуссия. Дама, сидевшая рядом, со мной уже не общалась, а та, что я видел напротив, задремала! Тем временем её супруг внимательно слушал выступления, хорохорился, что-то записывал, а затем и сам попросил слова… С час продолжалась дискуссия. Я изо всех сил боролся со сном. А когда выходил из клуба и горячо благодарил Митю, сказал себе: «Больше никогда!»

Князь является членом престижнейшего английского мужского клуба «Уайте», история которого насчитывает три сотни лет. Хотя широко распространено мнение, что клубы – институт чисто англосаксонский, первый из них, этот самый «Уайте», пояснял мне князь, был основан в 1693 году итальянцем Франческо Бьянки. Его члены известны «остальному миру» прежде всего экстравагантностью пари, тщательно зафиксированных в огромном фолианте, хранящемся в библиотеке клуба. Например, три тысячи фунтов стерлингов поставили два уважаемых «клабмена», поспорив о том, какая из двух дождевых капель упадет раньше другой или тысяча фунтов стерлингов была премией тому, кто выиграет в споре о том, какая из двух знакомых графинь наставит больше рогов своему мужу. В истории клуба сохранилось имя графа Портлендского, который выиграл полмиллиона в карты, а член парламента Саттон – приличную сумму за то, что в час «пик» ему удалось докатить мяч для гольфа от портика Английского банка до подъезда клуба всего за 197 ударов. До наших дней сохранились в неприкосновенности условия приема новых членов в «Уайте»: кандидату необходимо терпеливо дожидаться приема десять лет, не получить при голосовании ни одного черного шара и не запятнать биографию коммерческой деятельностью…

Как же изменилась жизнь князя? Да, развёлся с Ниной и счастливо женился вновь. Да, газеты читает реже. От пива отказался и предпочитает вино. Причем, утверждает, что недорогие болгарские вина гораздо лучше недорогих

французских. Театры посещает нечасто.

Впрочем, я наблюдал князя и в театре. Первый раз в «Колизее», когда отмечалось 100-летие Галины Улановой. И второй раз в Королевском театре оперы и балета во время юбилейных выступлений Мариинского театра, отмечавшего 50-летие своих первых гастролей в Лондоне. Забавно, что случайно наши места оказались совсем рядом: я сидел перед Лобановыми-Ростовскими. Я впервые привёл мою 20-летнюю дочь на русский балет! Во время спектакля «Баядерка» я спросил, видел ли князь в роли воина Солора Рудольфа Нуриева. С сожалением он признал, что не пришлось… Я поинтересовался мнением князя об этих гастролях и высказал предположение, что Мариинка всё-таки уступает Большому!

– Трудно сказать, дорогой, что лучше: Большой или Мариинский? Можно судить по отдельным постановкам. Вот, например, в «Баядерке» был явно изумительный, высочайший класс кордебалет, а солисты, кроме Никии (Виктория Терешкина), были хороши, но не запоминающиеся. Оркестр играл первоклассно, в особенности, соло виолончели. Зато, как во всех русских оркестрах, трубная секция скрипит на высоких нотах, что неприятно. Но, наверное, в России все к этому привыкли и считают это нормальным…

Я рад был поговорить о спектакле со знающим человеком. И на таких местах сидел редко – купил эти билеты только ради дочери (они стоили половину моей месячной пенсии). Мне хотелось дать ей импульс интереса к русскому балету, декорации к которому были превосходны. Ведь её мать – художница. Да и сама Сандра тоже рисует…

Обо всём этом мы в тот раз говорили в театре с князем. Он с интересом поглядывал на мою дочь, и сказал, что она выглядит русской. Я заметил, что она говорит по-русски очень плохо и только со мной, учить язык пока не хочет, побывала в России в младенчестве и свою жизнь с ней никак не связывает. Её университетская подруга, впрочем, изучает русский язык, провела в Томске три месяца и вывезла весьма негативные впечатления. В театре же мы заговорили с князем и о России. Я слегка задрался:

Где-то в одном из интервью вы, Никита Дмитриевич, сравнивали нынешнего национального лидера с Петром Первым. Вы это серьёзно? В самом начале его правления мои ощущения были иные. О них я написал в «Панораму» в 2000 году. И ответил на вопрос: «Кто есть кто?» Время только подтвердило мой взгляд – кагэбешник! Вы другого мнения? И почему за прошедшие пару десятилетий Запад стал хуже думать о России, а подчас, не думает о ней вовсе?

Это вопрос, которым занимаются уже 300 лет. А почему сегодня такое негативное отношение? Потому что Россия держит Европу «за яйца». Она в любой момент может перекрыть нефть и газ. А когда вы под прицелом, то чувствуете неудобство. Россия – ненадежный партнер! В отличие от СССР, который был одним из самых надежных партнеров в мире. Я знаю, что говорю, потому что занимался делами с СССР с 1970 года! В итоге «русский» стало таким словом для европейцев, как «немец» для шотландца. А в Шотландии «немцем» до сих пор называют любого неприятного туриста. Но Европа тоже себя глупо ведет. Каждая страна делает с Россией гешефт по отдельности, вместе того, чтобы собраться и сказать Газпрому – вот цена, если по ней не продадите, будете иметь такие-то проблемы. Хотя в России и так полно проблем, потому что она не производит ничего. Если цена на нефть упадет до 60 долларов, начнется дефицит. В России нет инфраструктуры, мозги бегут, русские не умеют работать, как американцы, для которых работа – это самоутверждение. К примеру, у компании «Boeing» огромный филиал в России. Его возглавляет русский ученый, раньше работавший на «Seat». И он поступает так: во главе группы из 3–4 человек ставит прошедшего американскую школу психопата, который за 4–5 лет заряжает других своей энергией и отношением к делу!

Вы часто бываете в Москве. Ваши впечатления о людях на улице – они сильно изменились внешне?

В России они приравнялись к нижнему мировому знаменателю. А общее стремление в мире – это выглядеть грязным и пло хо одетым, чтобы боком пройти незаметно. Когда мне было 11 лет, моя семья бежала из Болгарии в Грецию, и на границе нас схватили и посадили в тюрьму. Так что это я, как бывший зэк, который надевал мешок вместо одежды, стараюсь на фоне толпы нагло идти, выделяясь, и не стирать на лбу Маяковского роковые слова – «я посылаю вас всех на х…». У меня давно не вызывает ярости то, на что я не могу повлиять, но вызывает огромную горечь. Ну, почитываю «Коммерсантъ», «Независимую газету», приключения Фандорина. Это всё, что может быть интересно из прессы и книг современной России. Конечно, печально!

Будучи русским, проживающим вне России, я вижу, как меняется в мире отношение к русским. В Великобритании оно не было таким плохим даже во времена холодной войны. Тогда там жили белоэмигранты, про которых англичане знали: они – наши. Сейчас же вместо белоэмиграции появилась шпана. Те, которые эмигрировали на Запад ради социального обеспечения, это одна группа. А другая – «финансово одаренные» жулики. Почему они

едут в Англию, а не, как говорят у нас в деревне, в Парижовку? Потому что Англия – единственная в мире страна, которая предоставляет свободу политическим преступникам, и позволяет им нести любую ересь. Чем пользовался еще Ленин. Но это касается и Березовского, и всех наших знаменитых восточных героев. И отношение к этим жуликам крайне негативное. 70 % европейских СМИ про Россию врут. Но опровержения, которые идут из России, не воспринимаются. Из России идет так много агрессивного, что русским больше не верят. Единственная возможность как-то на это повлиять – создать такую общественную организацию, которая представляла бы 12,5 миллионов русскоговорящих вне России, по модели Всемирного еврейского конгресса, хотя евреев вне Израиля только 3,5 миллиона. Но когда президент еврейского конгресса Лаудер что-то говорит – прислушиваются все сенаторы! А когда русские говорят – их посылают. Русских должен возглавить независимый, известный и уважаемый человек. Например, есть один русский академик, женившийся на дочке президента Эйзенхауэра, – Сагдеев! Вот он бы мог…

В Лондоне много русских. В метро я часто слышу скороговорение, которого не понимаю. Вижу и желание этих людей скрыть друг от друга, что они русские. Девушки, приезжающие из России, не понимают, почему большинство из них принимают за б…ей – да потому что создан имидж такой! В центре Лондона открылся магазин, торгующий русскоязычными книгами, но спроса на них нет. Есть «Пушкинский дом», но большинство событий там происходит на английском языке… А вот клуба, куда можно придти и почитать свежую газету, посмотреть фильм на русском языке – нет. Ресторана с русской кухней нет! У меня один вид ностальгии – русский театр. Но удовлетворить этот голод можно лишь изредка, когда приезжают московские театры.

Жизнь князя в Лондоне, конечно, составляла, прежде всего, работа. Канадский банк, который занимался финансированием арабских стран, долго продержаться не смог. Вопреки советам и рекомендациям Лобанова, банк продолжал раздавать кредиты, и как только появились первые признаки финансового кризиса, рухнул. А Лобанов принял предложение в очередной раз поменять место работы.

«Дебирс». Россия 80-х

С поступлением на работу в Центральную сбытовую организацию «Де Бирс», занимающуюся алмазами, за князем закрепилась репутация искусного дипломата. Князю пригодился опыт ведения специалистами «Де Бирс» рационального бизнеса с мало профессиональными и даже плутоватыми диамантёрами. В стенах «Де Бирс» можно было видеть, как его руководство добивалось психологической совместимости собственных работников в правлении и в департаментах корпорации. Удобной площадкой для конкурентной разведки являлись литературно-художественные мероприятия. Общекультурная эрудиция и даже светскость руководителей были конкурентными преимуществами современных корпораций. Тут исходили из того, что сбор информации о потенциальных партнёрах не следует ограничивать только кредитными историями и любимыми анекдотами; тайные и скрытные увлечения и пристрастия могут сыграть роль приводных ремней долгосрочного бизнеса.

Князь, конечно, понимал значение неформальных отношений с представителями национальных элит. В алмазных сделках предпочтение отдавалось надёжным и верным партнёрам, с которыми можно стабилизировать дело, точнее, иметь пусть умеренный, но постоянный доход. Нравилось Никите Дмитриевичу и то, что в «Де Бирс» берегли деловую репутацию: если заключено соглашение (зачастую устное, как это широко принято в алмазном бизнесе), то надо выполнить его условия даже с убытком для себя.

В «Де Бирс» бережно относились к собственным торговым представителям за рубежом, которым весьма сложно выполнять свои служебные обязанности в ситуации: «и нашим, и вашим». Ведь им приходилось выстраивать долгосрочные контакты с офицерами спецслужб из всех стран, где ведётся бизнес, разумеется, не предавая собственные национальные интересы и не «подставляясь» под различные нарушения писанных и неписанных правил.

Начиная с 1959 года между российским спецэкспортёром «Алроса» и транснациональной корпорацией «Де Бирс» шла дискуссия о способе экспорта российских алмазов. Торговые соглашения заключались регулярно. Но с 1987 года наступил драматический период в ходе российских экономических реформ. До этого времени руководство «Де Бирс» имело дело только с избранными чиновниками из Главалмаззолота СССР и Министерства финансов. Теперь возникла необходимость найти

доступ к лицам, принимающим стратегические решения по алмазному делу в Советском Союзе. Один из высших руководителей «Де Бирса» Тедди Доу начал искать русскоязычного человека, который мог бы вывести его на нужных людей в Москве, а также создать образ «Де Бирс» в России, как надёжного, выгодного партнёра.

– Кто-то предложил мою кандидатуру, – рассказывает Никита Дмитриевич. – В Лондоне меня пригласили на встречу в «Travel Club». В назначенный час я зашёл туда. У меня спросили фамилию и подвели к человеку в сером костюме, сидевшему за столиком. Человек поднялся, тут же вышел со мной и предложил сесть в автомобиль. Мы долго кружили по улицам Лондона, прежде чем оказались на явочной квартире. Тут я действительно почувствовал, что попал в разведку. Тут было всё известно обо мне. Моя работа геологом на кимберлитовой трубке в Южной Африке и знакомство с алмазными торговцами в западной Африке указывали на кое-какие знания об алмазном бизнесе.

С 1970 года я регулярно ездил в Советский Союз по делам американского банка, который одалживал советским банкам в среднем по 100 миллионов долларов в год. У меня завязались связи с руководителями советских банков, Минфина и КГБ, а коллекционирование русской живописи помогло наладить дружеские отношения с членами ЦК КПСС и генералитетом. Как-то я должен был приехать в Москву вместе с президентом нашего банка Ричардом Кули. Он был инвалидом, во время Второй мировой войны служил пилотом на дальневосточном фронте и потерял правую руку. В Москву ехал впервые. Я хотел как можно лучше обустроить его пребывание в гостинице «Интурист» на улице Горького и прибыл за два дня до него. Забронировал для Кули номер люкс, в котором раньше проживал Арманд Хаммер. Привез с собой из Сан-Франциско туалетную бумагу и заменил ею советскую, больше напоминавшую наждачную. Привез полотенца и мыло, которое благоухало, а не пахло карболкой. За день до приезда Кули я пошел к администратору. Представил ваучеры с предоплатой и сказал, что хочу из люкса переселиться с женой завтра в соседний двухместный номер, а в люкс въедет Кули. Мне отказали без всяких объяснений. Я бегал по «Интуристу», дошел до самого директора, но все безрезультатно. Вечером заглянул к знакомому искусствоведу Борису Ионовичу Бродскому, проживавшему в доме на углу Садового кольца и улицы Чехова. Увидев мое угрюмое лицо, он спросил, что случилось. И я рассказал, в какое абсурдное положение попал. Он меня спросил, не оказывал ли я когда-либо каких-либо услуг Брежневу? Я вспомнил, что в Париже помог его дочери Галине купить белую

шубку за полцены. Он мне посоветовал вернуться к директору «Интуриста» и попросить его набрать в моем присутствии номер секретаря Брежнева. Я так и сделал. Когда я собирался ехать в Шереметьево встречать Кули, я спросил директора гостиницы, будет ли удовлетворена моя просьба. Он сказал, чтобы я ехал в аэропорт: «Мы дадим вам знать». – «А как я об этом узнаю?» – «Не беспокойтесь. Мы вас там найдем». И действительно, в аэропорту, когда мы с Кули выходили после таможенного досмотра, меня вызвали по громкоговорителю и сообщили, что моя просьба удовлетворена. Или другой пример. Жена Кули очень любила балет и хотела пойти на «Спартак». Я обратился напрямую к Марису Лиепе, но он сказал, что ничем не может помочь, все билеты скуплены ЦК. И опять мне помог Бродский. Как всегда, я привез для подарков запонки, портфели, булавки для галстука, зажигалки с логотипом банка. Бродский велел мне оставить у него всю эту дребедень и утром прийти за билетами. Когда после спектакля мы пришли к Лиепе за кулисы, он был страшно смущен и, чтобы как-то загладить неловкость, пригласил нас всех на ужин в «Националь» с шампанским и икрой. Вот так делались дела в Москве. В те времена обычно я проживал в Москве в партийной гостинице, которая ныне называется «Марко Поло». Она располагалась в самом центре, в Спиридоньевском переулке. За незначительную взятку здесь можно было снять хороший номер. Это, кстати, старинный дом с интереснейшей историей. Он был построен в начале прошлого века на шотландские деньги как общежитие для девиц из Шотландии. Днем девушки служили няньками в богатых московских семьях, а по ночам возвращались в свой приют. Геральдические эмблемы Шотландии по сей день украшают фасад дома. Мне было забавно наблюдать, как партийные бонзы из провинции, нисколько не смущаясь эмблемами капиталистической Шотландии, с удовольствием останавливались там. Вообще, конечно, жизнь в СССР была для иностранца неким театром абсурда. Да и сегодня часто происходит то же самое. Только размер взяток увеличился, по крайней мере, раз в сто…

Совершенно очевидно, этот бесценный опыт князя, его связи, да и не только в Советском Союзе, были известны руководству «Де Бирс». Потому там и заинтересовались им. Во время первой встречи с одним из лидеров компании Тедди Доу разговор зашёл об алмазном бизнесе в Либерии. Узнав, что князь знаком с Д.Белчером, «крышей» «Де Бирс» в Монровии, Доу пристально посмотрел на князя и спросил: «Как вы считаете, Белчер честный жулик или нет?» Князь ответил – «Нечестный». После того разговора его ещё полгода проверяли в органах безопасности

Англии и США. И только после этого он был представлен сэру Филиппу Оппенгеймеру, руководителю «Де Бирс», который и предложил ему работу.

Пиком алмазной карьеры Лобанова в «Де Бирс» в 1988–1997 годах было его участие в сложных переговорах о поставке якутских алмазов в Лондон. Князю было доверено в целом обеспечение российского направления бизнеса. Никита Дмитриевич примечательно характеризует эту корпорацию в своих интервью:

– В «Де Бирс» была принята патерналистская система отношений начальников и подчинённых. Компания контролировалась семьёй Оппенгеймер. Психологическая совместимость и полное доверие сотруднику, основанное на уверенности, что он не предаст, даже если ему предложат большую сумму денег. В деловой сфере предпочтение отдаётся надёжным и долгосрочным партнёрам. В 60–80 годы лидерами были Харри Оппенгеймер, который наблюдал за делами в Южной Африке, и его кузен сэр Филипп, руководивший ЦСО (Центральной сбытовой организацией) в Лондоне. На протяжении 30 лет сэр Филипп вёл дела с СССР. За это время он добился увеличения оборота от 56 тысяч долларов в 1959 году до 1 миллиарда в 1991-м. Его правой и левой рукой были Тедди Доу и Монти Чарьз. Они, как и сам Оппенгеймер – ветераны британской военной разведки, прошли Вторую мировую войну. Этим объясняется то, что все попытки экономической разведки против «Де Бирс» были безуспешными. Алмазные переговоры между СССР и «Де Бирс» обычно длились около года и проходили то в Москве, то в Лондоне. Причем переговоры были полнейшей тайной. В Лондоне постоянно находилась группа советских алмазных экспертов, а в советском посольстве об этом даже не знали. Компания имела безупречную деловую репутацию.

В воспоминаниях Никиты Дмитриевича множество пикантных подробностей о том, как переговоры по алмазам записывались и прослушивались в высоких кабинетах; как в результате экстренной торговой операции «Алмазювелирэкспорт» потерял три миллиона долларов и хозяин «Де Бирс» из своего кармана заплатил миллион за чужой просчёт только потому, что постоянным советским партнёрам грозила отставка, а он привык с ними работать и предпочитал иметь с ними дело и дальше.

Когда началась перестройка, Лобанов предпринял шаги к созданию открытых торговых взаимосвязей. Он установил неформальные отношения с тогдашним послом СССР в Англии Л.Замятиным, пригласил его на обед в свою лондонскую квартиру и там познакомил его с сэром Филиппом. Посол и Оппенгеймер

нашли общий язык. В дальнейшем это сыграло решающую роль, например, когда на некоторое время удалось приостановить побочный экспорт алмазов, минуя «Де Бирс». В 1990 году Замятин передал сэру Филиппу личную просьбу Михаила Горбачёва дать кредит на пять лет в миллиард долларов под залог алмазов из Гохрана. В то время ни один западный банк не соглашался выделить такой большой кредит. Руководство «Де Бирс» пошло навстречу просьбе Кремля, хотя потом, наверняка, раскаивалось. В залог был отправлен низкокачественный материал – малоликвидные сорта алмазов (жёлтые мелкие камни). Примечательна ремарка Лобанова: «Уверен, что Горбачёв не участвовал в этой хитрости».

В период перестройки сложился благоприятный имидж «Де Бирс». Хотя благотворительные акции, проводившиеся компанией, например, поставка лекарств для больниц, вызывала отрицательную реакцию. Чтобы сбить подозрения, будто «Де Бирс» подкупает Россию, Лобанов предложил другой ход – принять участие в деятельности советского Фонда культуры, в правление которого входили известные в стране люди, такие как академик Дмитрий Лихачёв и «первая леди» Раиса Горбачёва. Между сэром Филиппом и председателем Правления Лихачёвым установились тёплые отношения. Правление Фонда согласилось принять от «Де Бирс» чек на миллион долларов. Этот чек был депозирован в западный банк и проценты от этого вклада до сих пор идут на финансирование Фонда. «Де Бирс» участвовала и в организации российской художественной выставки «Из частных собраний» в Лондоне, а также в создании журнала «Наше наследие». Разумеется, эти шаги помогли компании получить доступ к алмазным ресурсам. Но с распадом СССР началась реорганизация алмазно-бриллиантового комплекса и были пересмотрены отношения с «Де Бирс», хотя в 1992 году было открыто представительство компании в Москве.

Ещё раз о возможной работе Лобанова в разведке. Это маловероятно хотя бы потому, что князь – человек практичный. Он объясняет всё просто: непродуктивно, неразумно, бессмысленно сотрудничать в разведках. Там не может быть тайн, которые не станут известны через 24, максимум, 48 часов! В наших беседах Никита Дмитриевич признавался, что работать в СССР было чрезвычайно сложно. Чего стоит эпизод, когда руководитель Гохран Е.М.Бычков в 1992–1996 годах осуществил ряд «параллельных» транзакций с алмазами в обход соглашения с «Де Бирс». Никакого секрета тут сохранить было невозможно. О бартерных сделках «Сахакомдрагмета» со скидками до 40 % для тайной перепродажи на Запад в «Де Бирс» становилось известно

немедленно. Партнёры в совместных предприятиях и в разовых сделках (Менди Казирер, Самуил Векслер, Марсель Тугендхафт, Чарлз Ромнер, Джек Рот) тайно и оперативно информировали правление «Де Бирс» о всех коммерческих деталях операций с российскими алмазами. Они «буквально выстраивались в очередь в лондонском офисе «Де Бирс», чтобы «настучать» друг на друга и на Бычкова». Так что тут смело можно закрыть вопрос – Н.Лобанов не работал ни на какую разведку. Он работал только на «Де Бирс». И старался делать это честно, что, вне всякого сомнения, ценило руководство корпорации. Но уже в 1996 году стало ясно: прогнозы в алмазной отрасли России бессмысленны. Любопытны скептические оценки князя возможностей поставок в богатые страны Запада оптовых партий ювелирных изделий с бриллиантами, которые задумали российские ювелиры во главе с производителем алмазов «Алроса». Он говорит не только об отличии вкуса и моды Запада и России, но и о том, что спрос часто и непредсказуемо меняется. Приспособиться к нему чрезвычайно сложно. А без этого добиться рентабельности невозможно.

Работа князя в качестве советника «Де Бирс» очень помогала ему с пропагандой коллекции, участием в аукционах и в подготовке к переселению коллекции в Россию, что было стратегической целью Никиты Дмитриевича. Все контакты на государственном и личностном уровнях убеждали его – Россия глубоко коррумпированная страна. Но народ не может превращаться в манкурта, не помнящего своего прошлого. Потому следует вернуть России её культурные ценности. Вероятно, из этого исходил князь, когда начинал переговоры о том, чтобы показать собрание в Москве. В начале 80-х годов он неоднократно ветречался с Генрихом Поповым – сотрудником Министерства культуры СССР. Но тот стоял на смерть: выставка русского театрального искусства – идеологическая диверсия. После выставки в резиденции «Спасо-Хауз» прошёл год, когда вдруг директор ГМИИ им. Пушкина И.А.Антонова сообщает князю о её намерении показать собрание в залах музея. Для этого она просила Лобанова обратиться в Министерство культуры СССР, без которого музей не может планировать зарубежные выставки. Князь написал письмо в министерство. В декабре 1985 года он получил ответ за подписью В.Н.Ерофеева, заместителя начальника Управления внешних сношений Минкульта: «В ближайшие годы не представляется возможным организовать экспонирование предлагаемой вами выставки, так как экспозиционные залы и музеи планируют выставки в своих помещениях за несколько лет».

Лобанов показал этот ответ бывшему заместителю культурного атташе США в Москве Грегу Гурову, который помогал в устройстве выставки собрания Лобановых в резиденции «Спасо-Хауз». Уже работая в американском департаменте культуры, Грег взял на себя миссию ознакомить с этим бюрократическим казусом культурного атташе советского посольства в Вашингтоне. Мол, какая-то неувязка получается: директор музея предлагает Лобанову выставить своё собрание в залах музея, а Министерство культуры отвечает, что все музеи забиты выставками на много лет вперёд. Так эти бумаги попали на стол послу А.Ф.Добрынину, который на письме князя надписал: «Поддерживаю идею показа собрания Лобановых-Ростовских в СССР». К сожалению, эта резолюция посла, хотя и члена ЦК, оказалась слабее позиции Министерства культуры, которое возглавлял кандидат в члены Политбюро П.Н.Демичев. Выставка в Государственном музее изобразительного искусства им. А.С.Пушкина состоялась лишь в 1988 году.

Ей предшествовал эпизод ещё одной схватки с советской бюрократией, о которой хочу рассказать ещё и потому, что он отражает характер князя, которого нельзя оскорбить. Может, потому он не помнит зла и легко прощает. Чего, следуя плану параллелей, никак не могу сказать о себе. В тяжелейшие дни эмиграции в моей памяти осталось одно унижение, которое я испытал, когда мне пришлось уйти из дома: отчим моей жены Марины оказался у нас в гостях и я, подавленный происходящим, зачем-то увязался провожать его в Хитроу Сказанное им тогда осело во мне тяжёлым камнем, хотя теперь я знаю: чтобы подняться, надо было дать себя унизить до самого донышка…

Тот очень личный эпизод всплыл у меня в памяти, когда я увидел в сборнике «Эпоха. Судьба. Коллекция» фотографию Лобанова с первым зампредом Фонда культуры Г.В.Мясниковым на встрече в Министерстве культуры СССР. К власти уже пришёл Горбачёв и советский Фонд культуры получил больше прав, чем Минкульт, став своеобразным противовесом этому закостеневшему ведомству. В начале 1987 года известный коллекционер, профессор Илья Самойлович Зильберштейн пригласил князя к себе домой и сообщил, что с ним хочет поговорить Мясников. Во время той встречи Мясников сказал, что хотел бы показать собрание Лобановых в России, потому что в уставе Фонда был пункт, связанный с возвращением на родину культурных ценностей. Князь ответил, что он является совладельцем собрания и должен спросить Нину.

– На этом мы расстались, – вспоминает Никита Дмитриевич. – Нина всегда боялась показывать наше собрание в

СССР, но, в конце концов, я уговорил её и ответил Мясникову положительно. Выставка должна была проходить в музее им. Пушкина. Я связался с директором музея И.Антоновой, потому что нужно было её письменное подтверждение о сроках проведения выставки (чтобы начать оформлять страховки и прочие документы). Она прислала мне такое письмо от 10 апреля 1987 года, и я занялся отбором 400 с лишним работ для экспозиции. Наконец, я отправился в Москву уже для официальной встречи с Мясниковым. Я прибыл в Минкульт, где изначально Фонд занимал несколько комнат, вместе с Н.Г.Щегловой, корреспондентом газеты «Родина», и фотографом газеты В.Д.Некрасовым, который снимал встречу. И тут столкнулся с абсолютно непонятной ситуацией.

Диалог, состоявшийся в кабинете, в высшей степени характерен для нравов советского чиновничества. (Упомянутая фотография передаёт градус возмущения князя во время этого разговора.)

Мясников: «Почему вы захотели со мной встретиться?»

Лобанов: «Вы же сами просили меня показать наше собрание в России. Я привёз положительный ответ и страшно рад предстоящей выставке, так как раньше мне не удавалось добиться разрешения на её проведение».

Никита Дмитриевич подвинул Мясникову злополучный ответ Минкульта. При этом он добавил, что приехал обсудить детали выставки.

Мясников: «Какой выставки?»

Лобанов: «Той, о которой вы меня просили при Зильберштейне».

Мясников: «Я вас ни о чём не просил».

Лобанов: «Дорогой, я понимаю, что Зильберштейна вы можете прижать. Но со мной так не выйдет. К тому же вот у меня письмо Антоновой на бланке Минкульта, где чётко написано, что выставка состоится. Если же вы её запретите, то я знаю, где на вас найти управу. Вам придётся выплачивать мне значительную неустойку, так как налицо мой финансовый и моральный ущерб».

Мясников побледнел. В зале был телефон. Князь набрал номер Антоновой и передал ему трубку. И тут началась форменная перебранка. Перед всеми, присутствовавшими на этой встрече. Мясников ей выговаривал:

– С какой стати вы написали это письмо?

– Вы велели мне сделать это.

– Не может быть!

Диалог продолжался несколько минут. Было слышно, как Антонова жёстко противостояла этому советскому чиновнику.

Для любого нормального человека происходившее на публике могло кончиться если не сердечным приступом, то глубоким смущением. Мясников же реагировал так, словно такие ситуации были для него обыденными. Как признавался позже Никита Дмитриевич, эта история в его глазах выглядела не только отвратительной, но совершенно сумасшедшей, словно из какого-то иного мира.

Так было получено разрешение на первую выставку собрания Лобановых-Ростовских. Она открылась в музее 26 февраля 1988 года под названием «Русское театрально-декорационное искусство 1880–1930» из коллекции Нины и Никиты Лобановых-Ростовских». На ней были представлены 404 экспоната. Каталог выставки тиражом 30000 экземпляров был опубликован издательством «Искусство» при помощи советского Фонда культуры и при личном участии того самого Георга Мясникова.

Выставка представила более 90 авторов. Лобанова, конечно, можно считать «пионером», потому что коллекция – чисто русская! Ведь господин А.Хаммер и барон Х.Тиссен привозили в СССР работы западноевропейских художников. Выставка в Москве продолжалась весь март, получила оглушительно хорошие отзывы прессы, общественности и на апрель-май перебралась в Ленинград, в залы Манежа. Здесь она проходила под эгидой советского Фонда культуры, который содействовал изданию к выставке буклета на английском языке с текстом, написанным директором аукционного дома «Сотби» Джулианом Барраном. Лобановых приветствовал председатель фонда, академик Дмитрий Лихачёв. Высшей наградой за эти усилия князь по сегодняшний день считает письмо Лихачёва, которое он получил 20 мая 1988 года:

«Дорогой Никита Дмитриевич! Прежде всего, я хочу поздравить Вас и Вашу супругу с чрезвычайным успехом Вашей выставки в Манеже. Она закрылась, но явилась не просто большим событием в культурной жизни Ленинграда, но и поворотным пунктом в вопросе о русской живописи первой трети двадцатого века. По Ленинградскому телевидению (а его очень охотно смотрят по всей стране) был показан большой фильм о Вашей выставке в удобное для большинства вечернее время и в выходной день. В фильме очень много (впервые так много) говорилось о Малевиче, Баксте и пр. Давались очень доступные разъяснения их эстетических позиций и т. д. Это крайне важно в перестройке не только нашего мышления, но и нашего эстетического сознания. Таким образом, Вы – деятель перестройки. Поздравляю Вас. Дело перестройки и в области наших эстетических представлений крайне важное…».

Это был действительно прорыв. Но сказать, что после выставки Никита Дмитриевич получил «зелёную улицу» было бы преувеличением. Впрочем, спустя два года, в Доме журналиста состоялся вечер, который, несмотря на полное отсутствие объявлений о нём, проходил в переполненном зале. Выступление Лобанова было посвящено размышлениям о русских художниках за рубежом. Он рассказывал о двадцати художниках, покинувших Россию до 1928 года. Сегодня нам кажется диким, что имена Бакста, Бенуа, Гончаровой. Ларионова, Добужинского, Малевича, Татлина, Экстер, Лисицкого, Поповой и других были под запретом цензуры. В 1990 году в издательстве «Изобразительное искусство» вышел сборник в двух томах «Художники русского театра 1880–1930» из собрания Никиты и Нины Лобановых-Ростовских, с текстом Джона Боулта. «Художники театра» – результат 20-летней работы и содружества Лобановых с Джоном Боултом. В Лондоне, Москве и Ленинграде прошла выставка «Сто лет русского искусства», инициатором которой был Лобанов. В 1994 году состоялась выставка собрания Лобановых-Ростовских в Москве в Музее личных коллекций. Наверное, эти успехи были заслуженным вознаграждением американскому банкиру, коллекционеру, бесстрашно ездившему на свою историческую родину в течение более четверти века. Ему приходилось иметь дело и с идеологическими комиссиями, и с компетентными органами, и с чиновниками. Он часто уезжал на Запад без всякой надежды и с тяжёлым сердцем, как он говорил. Но возвращался снова и снова с целью оставить свою коллекцию в России. Но до этого было еще далеко.

Аукционы

В своей эмигрантской жизни я был на аукционе лишь однажды, где Саша Шлепянов, мой и моей бывшей жены, художницы Марины Карпенко, приятель, эксперт и консультант аукционного дома, выставил на продажу её картины. Только что родившуюся дочь Сандру мы оставили с няней, а сами поспешили на Нью-Бонд-стрит. Я чувствовал себя до такой степени взволнованным, что все мои эмоции притупились. И когда Саша объявил, что одна из картин продана и Марина получит за неё около 1000 фунтов – мир полностью преобразился! Это означало, что мы сможем оплатить аренду квартиры за два месяца, что сможем покупать молочные продукты. Что в ближайшую пятницу пойдём в мясную лавку и накупим всего не на 10, а на 20 фунтов: к концу недели лавочник без счёту и веса укладывал в большой и маленький мешки различного мяса с костями, фарш, сосиски и даже целую замороженную курицу. Этого хватало забить холодильник на неделю-две. Вот что я ощущал на том единственном аукционе, где мне довелось побывать.

Для Никиты Дмитриевича аукционы были родным домом на протяжении многих лет. И трудовую карьеру Лобанов заканчивал в стенах самых именитых аукционных домов мира – сначала в «Кристи», а потом в «Сотби» (более того, администрации этих домов считали за честь приглашать князя в консультанты и даже переманивали его друг у друга). Как же случилось, что финансист, банкир, геолог по образованию, стал искусствоведом высшего класса? Как получилось, что с мнением человека без специального искусствоведческого образования считались и те, кто организовывал торги, и те, кто продавал, и кто хотел купить, не говоря уже о специалистах, которые посвятили себя исследованию русского театрального искусства? Конечно, всё это произошло не в один день и не по мановению волшебной палочки.

Князь поначалу стал посещать аукционы в Нью-Йорке, а позже в Париже и Лондоне лишь затем, чтобы присматриваться, изучать, накапливать знания. Он собирал информацию и, что называется, оттачивал глаз. Тогда, в 70-е годы, аукционные дома «Сотби» и «Кристи» только начали проводить ежегодные торги: аукцион русской живописи и аукцион русской театральной живописи. Позже, чтобы уследить за всем, чета Лобановых разделялась: муж шёл в «Кристи», жена – в «Сотби». Торги очень быстро превращались в бои. В те времена Лобанов нередко финансово проигрывал конкурентам в таких схватках. Они были

много богаче его. Он понимал, что не может с ними состязаться.

В памяти князя, впрочем, множество интересных эпизодов, связанных с приобретениями на аукционах. Например, история продажи эскиза «Костюм синей султанши», который проходил без объявления имени художника, анонимно. Никита Дмитриевич купил эту работу задёшево. Дома же, вынув картину из рамы, обнаружил на обороте подпись Л.Бакста к «Шехерезаде» и запись, что эта работа сделана в 1910 году для иллюстрированного журнала. Поэтому и не было подписи художника на лицевой стороне. Но такое объяснение говорит очень многое лишь для сведущего. Приобрести подобный экспонат было невероятной удачей, потому что обычно на обороте своих рисунков Л.Бакст описывал сюжет, поясняя какой это персонаж, давал указания портным – какое полотно, какой цвет следует использовать для костюма. И даже прикреплял ярлычки самого материала, который художник указывал портным применить. А тут уникальный случай! Как замечает князь в своих записях, большинство эскизов Бакста находились в довольно плохом состоянии: рабочие рисунки валялись в столах портных, а потом возвращались к художнику. Но тем они дороги для настоящего коллекционера.

А вот эпизод, связанный с продажей торговым домом «Сотби» в 1998 году известной шелкографии Натальи Гончаровой «Шестикрылый серафим». Дважды, в 1967 году в Лондоне и в 1972 году в Нью-Йорке князь упустил эту работу из-за недостатка средств. На этот раз стартовая цена была 2000–2500 фунтов. Низкая цена объяснялась тем, что работа имела повреждения в трёх местах, которые были плохо отреставрированы, о чём в каталоге не указывалось. Зато на иллюстрации в каталоге реставрированные места были чётко видны.

– На этом основании я предположил, – говорит князь, – что будет мало желающих купить эту работу и что мне удастся её приобрести за указанные 2500 фунтов. Начались торги с 1500 и быстро дошли до 2500, затем 2700. Я начал волноваться, ибо в зале были два покупателя, которые поднимали цену. Нина, сидевшая возле меня, шепнула, чтобы я продолжал торговаться. Уже назвали 3000. Нина снова дала мне знак идти дальше. На сумме 3200 фунтов молоток «упал» в мою пользу. Потом Нина мне объяснила, что она следила за торговцем, который тоже хотел купить работу Гончаровой. Но на цифре 2500 он начал колебаться. Это ей указало, что он скоро выйдет из игры. Мы оказались победителями: Гончарова была у нас! Неделю спустя после покупки я отнёс работу к реставратору. В мастерской мы её вынули из рамы, и я спросил реставратора, сколько будет стоить поправка предыдущей реставрации на этой шелкографии.

Посмотрев внимательно на работу Гончаровой, он меня спросил – почему я думаю, что это шелкография. Я указал на описание в аукционном каталоге «Сотби». Реставратор убедительно сказал: «Это акварель. Посмотрите, даже дедикас и подпись сделаны акварелью, тем самым цветом, которым раскрашен сам ангел». В феврале 2002 года «Сотби» оценил эту работу в 30000 фунтов, почти в десять раз дороже, чем сумма, заплаченная на аукционе.

Даже по этому эпизоду нетрудно догадаться, сколько непредвиденного случалось на аукционах, с которыми связана вся жизнь коллекционера.

Нередко Никита Дмитриевич становился посредником между торговым домом и художниками, их семьями. Без преувеличения можно сказать, что именно благодаря такому посредничеству мир, например, узнал о забытой на Западе художнице Зинаиде Серебряковой. В начале сентября 1924 года Серебрякова уехала в Париж с двумя детьми Сашей и Катей, которые увлекались живописью (двое других её детей остались в Петербурге, и, как выяснилось, навсегда). В первые годы парижской жизни Зинаида Евгеньевна испытывала большие трудности: денег не хватало даже на самое необходимое. Константин Сомов, помогавший ей получать заказы на портреты, пишет о её положении: «Заказов нет. Дома нищета… Зина почти всё посылает домой… Непрактична, делает много портретов даром за обещание её рекламировать, но все, получая чудные вещи, её забывают…». В Париже Серебрякова живёт уединенно, нигде не бывает, кроме музеев, и очень тоскует по детям. Все годы эмиграции Зинаида Евгеньевна пишет нежные письма детям и матери, которые всегда духовно поддерживали её. Проживает она в это время по Нансеновскому паспорту и лишь в 1947 получает французское гражданство. Но до самой смерти в 1967 году она остаётся малоизвестной.

Впервые в её мастерскую в доме 31 по улице Компань-Премьер Лобанов-Ростовский вместе с женой Ниной пришли уже после кончины Зинаиды Евгеньевны. Никита Дмитриевич вспоминает:

– Я очень сожалею, что не встретился с Серебряковой. Её семья всячески содействовала этой встрече, чтобы художница сделала мой портрет. Мы с Ниной тогда полгода жили в Париже. Но так как у меня не было денег, и моя цель была собирание театральной живописи, а не моих портретов, я отказывался. После кончины Зинаиды Евгеньевны я часто встречался с её сыном Александром и дочерью Катериной, тоже занимавшимися, и весьма успешно, живописью. Тем не менее, о семье художников Серебряковых в шестидесятые годы на Западе забыли. С

Дягилевым непосредственно Зинаида Серебрякова не работала. И это, наверное, была вторая причина, по которой я к ней не зашёл, когда она была жива. Не было делового предлога… Чувствуя, что живопись Зинаиды Серебряковой замечательна, я пробовал убедить Александра и Катерину выставить работы матери на аукционы. Нина даже предложила им даром сделать каталог-резоне работ Зинаиды Серебряковой, лежавших сотнями – одна за другой. Сначала они согласились. А потом отказались. С ними было чрезвычайно трудно иметь дело. Но я не отступал, потому что оставался убеждён: Серебрякова – поразительный мастер-портретист. В коллекции у меня есть «Автопортрет художницы с палитрой», выполненный маслом в 1925 году, и два портрета балерин (один из них – портрет А.Д.Даниловой «Спящая красавица», 1925 год).

И вот я поставил перед собой задачу познакомить аукционы с творчеством этой художницы. Помню, я уговаривал пойти на этот шаг брата и сестру в течение года. Наконец, в первый раз выставил Зинаиду Серебрякову в «Сотби», где работал мой соученик по Оксфорду Мишель Штраус, пасынок Исайи Берлина… Ну, а позже с согласия детей художницы я занялся передачей работ Зинаиды Серебряковой на аукцион «Сотби». Следуя моей рекомендации, Александр и Катерина поставляли по десять рисунков-этюдов матери в год разным аукционам. И только с одной целью – чтобы о ней заговорили, даже если бы эти этюды шли даром. Важно было, чтобы в каталогах таких крупных аукционных домов как «Кристи» и «Сотби» появились репродукции её работ. Чтобы их увидели и оценили. И это случилось. Вскоре работы Серебряковой уже шли за 400–500 тысяч долларов. Картина «Купальщица» была продана за 620 тысяч долларов…

Причина этого успеха, как я думаю, не только в том, что основной темой картин Серебряковой является женская красота. Ей позировали, главным образом, её дочь и девушки из знакомых русских семей – она не пользовалась профессиональными натурщицами. Но и в том, что Зинаида Евгеньевна была застенчивая, скромнейшая женщина. Потому её этюды отмечены неуловимой одухотворенностью и отсутствием эротики. Сравнивая её работы с произведениями современных живописцев, известный критик Сергей Маковский писал: «Особенно примечательны этюды наготы… перед нами та же фигура юной натурщицы с лицом подростка и гармонически развитым, сильным телом в разных положениях – лёжа, стоя, в фас, спиной или вполоборота. Художница, можно сказать, вдохновенно прочувствовала пропорции, линии, и ракурсы этого

целомудренного, цветущего тела. После всех напомаженных, салонных «ню», с одной стороны, а с другой – экспрессионистских нагих чудовищ, эта правдивая красота наготы даёт большую радость».

Одна эта история с продвижением князем работ Серебряковой на аукционы не может не вызывать уважение и восторг. Во время наших встреч с Никитой Дмитриевичем у меня опять и опять вертелся вопрос, как, не имея специального образования, выработать в себе вкус, понимание искусства, которое, прежде всего, подмечали искушённые искусствоведы, описывая коллекцию Лобановых, и, конечно те, кто пользовался консультациями князя на аукционах. Что касается коллекции, тут сам Никита Дмитриевич утверждает, что он подходил к живописи, основываясь на цветовом ощущении, не понимая, что лучше, что хуже. Да, очень помогало то, что у Нины был верный вкус. Но, по мнению Никиты Дмитриевича, именно первоначальное его невежество позволило создать коллекцию…

Парадокс этот мне понятен: порой, особенно в эмиграции, случается, что именно незнание аккумулирует способности, компенсирует недостатки. Я стал успешным преподавателем русского языка и литературы в Лондоне именно в силу того, что моё знание английского языка недостаточно, и я вынужден был строить уроки почти без применения английского. Я должен был визуально изображать предмет и добиваться, чтобы студенты понимали меня. Вскоре выяснилось, что именно этот метод помогает более быстрому прогрессу студента – он подключает интуицию, память, активизирует минимальный словарный запас, чтобы понимать и быть понятым. Забавно, что мне и сегодня, например, когда я в театре, открываются такие детали, которые скрыты от англоязычных зрителей: стараясь понимать речь актёра, я максимальное внимание всё-таки обращаю на жесты, мимику. В результате я острее чувствую игру драматического актёра, чем тот, кто прекрасно понимает, что произносит актёр.

Никита Дмитриевич, продолжая эту тему, напрямую объясняет: если бы он разбирался в искусстве, то стал бы собирать голландцев XV–XVII веков:

– Я ничего не знал о живописи, когда приехал учиться в Оксфорд. В Болгарии, откуда я выбрался в 1953 году, мне не пришлось побывать ни в одном музее живописи. Я никогда не видел картин, выстроившихся рядами на стене, кроме трех, которые висели в Софии в нашей единственной комнате, когда нас репрессировали. Именно отсутствие вкуса как раз позволило нетренированному глазу удивиться и воспринять лубочные краски русской театральной живописи, которые я увидел в январе

1954 года на Дягилевской выставке в Лондоне. Если бы у меня был вкус, если бы я разбирался в живописи, то я, оказавшись в Нью-Йорке, покупал бы, скажем Рембрандта… В те времена еще возможно было купить чернильный рисунок этого художника. Он стоил 1200 долларов. И если бы я его приобрёл, то обогатился бы сегодня сказочно! Я говорю о теоретической возможности. Потому что на самом деле у меня не было даже двух долларов, чтобы купить рисунок Ларионова. Работы же Гончаровой не только аукциону, а вообще были никому не нужны. Таким образом, говорю прямо: я начал собирать театральную живопись просто благодаря шоку лубочности, который я испытал на той первой выставке русских художников, работавших с Дягилевым.

Стало быть, рисунком Рембрандта увлечься с первого взгляда дано не каждому. Этому надо учиться, как игре на музыкальном инструменте. А вот почувствовать сразу краски, лубочность русского искусства, тут, видимо, такой подготовки не потребовалось. Так что, думаю, можно верить Никите Дмитриевичу, когда он, по крайней мере перед журналистами, неоднократно признавался, что в самом начале собирательства у него не было никакого вкуса и никаких знаний.

Сам я теперь с уверенностью утверждаю, что понимание живописи можно в себе развить. Раньше я скользил взглядом по эскизам театральных костюмов и особо на них не задерживался. А теперь могу замереть, разглядывая в альбоме «Художники русского театра» эскизы костюмов, выполненных Бакстом, Анисфельдом, Ларионовым, Гончаровой, Экстер (этот альбом с дарственной надписью владельцев собрания Нины и Никиты Лоба-новых-Ростовских стоит у меня на полке с 1995 года). Я подолгу всматриваюсь в эти репродукции, как бы обретя новое видение, новый угол зрения. Возможно, это был тот самый путь, благодаря которому князь стал искусствоведом.

Вспоминаю такой факт более чем десятилетней давности. В квартире, где жили Лобановы (до развода князя с Ниной), висел в столовой эскиз Серова к картине «Похищение Европы». Ее центральная фигура – Ида Рубинштейн на быке. Картина интриговала тем, что она отражала взгляд, типичный для того времени, – а это были десятые годы прошлого века – что европейскую культуру надо спасать. Совершенно очевидно, что Серов был вдохновлён Идой. Он написал её лицо, это была действительно она…

С величайшим сожалением замечу: а ведь и у меня была возможность что-то рассмотреть, когда я был единственный раз в 1995 году, в той квартире Никиты Дмитриевича и Нины Лобановых. Помню только, что почувствовал тогда:

сосредоточиться на картинах без подготовки невозможно. К тому же меня больше интересовала личность князя, чем его коллекция. Попросту говоря, я не готов был! Теперь же, спустя много лет, снова и снова возвращаюсь к иллюстрациям: тот же эскиз Бакста для костюма Иды Рубинштейн к балету «Клеопатра»! Эта маленькая акварель 30 × 20 см стала лицом всего собрания Лобановых-Ростовских, наиболее воспроизводимой работой Бакста, начиная с открыток, обложек каталогов и заканчивая крупноформатными афишами. Именно «Бегущая Клеопатра» на полную страницу украшала и первую в советской прессе публикацию о коллекции Лобановых – статью Ильи Зильберштейна в журнале «Огонек»… Нет, не прощаю я себе такой оплошности – иметь возможность и не остановиться у подлинников!

Эрудиция князя, как искусствоведа, проявлялась не только на аукционах, но и в подборке, анализировании приобретённых предметов искусства, и, конечно, при формировании выставок, когда требуются не только знания, но и системное мышление. Именно благодаря Лобановым-Ростовским вышли из забвения многие имена русских мастеров театральной живописи. Особую роль тут сыграла бывшая супруга князя, Нина. Имея специальное образование, она умела работать с архивами, целенаправленно искала объяснения находкам, обнаруживала пропавшие следы, которые приводили к новым открытиям. Никита Дмитриевич утверждает в своих интервью, что без Нины коллекция была бы невозможна… Рассуждая об особенностях русской театральной живописи в целом, Никита Дмитриевич назвал её «неблагодарным дитятей». В одной из бесед он поясняет:

– Рожденная мыслью драматурга, через некоторое время она обретает собственную жизнь, становясь художественным произведением в чистом смысле этого слова. Театральная декорация – пленница театра только до тех пор, пока идет спектакль. Предано забвению имя автора пьесы, сделана попытка уничтожить все духовные следы эпохи, но греческие маски, костюмы Бакста, декорации Л.Поповой, театральные рисунки Пикассо и Шагала живут в частных собраниях и музеях. Можно утверждать, что новые формы пришли в русскую живопись прежде всего через театр. «Русское чудо», которое явил Западной Европе Дягилев своими театральными сезонами, касалось не только танцоров и певцов, но в той же мере и художников. Художники принесли в театр движение цвета, яркость красок, их ритм, который гармонировал с ритмом танца, принесли в театр необычайную зрелищ-ность, а в 1920-е годы и новаторскую конструкцию. Проблемы новых средств выразительности, которые

поставил перед русским искусством XX век, были разрешены в театре с большей последовательностью, чем в станковой живописи.

Можно считать теперь историческим фактом, что благодаря и аукционам, в собрании Лобановых-Ростовских было сконцентрировано много произведений театральной живописи и предметов, демонстрировавших «русский эксперимент» в изобразительном искусстве, который заставил повернуться в сторону России крупнейшие европейские художественные школы. Это отражалось, конечно, на тематике аукционов и ценах на предметы русской театральной живописи.

Лобанов продолжал пополнять собрание вплоть до самого момента его продажи, периодически покупая на аукционах те произведения, которые он ранее не мог найти в магазинах у дилеров в Европе и Америке. Так работу Н.Милиоти 1908 года, как редкий пример символизма в русской театральной живописи, князь приобрёл на аукционе «Сотби» в 2004 году. Спустя два года он купил в отделении «Кристи» в Южном Кенсингтоне два эскиза костюмов Александра Бенуа к постановке «Павильон Армиды» Сергея Дягилева, осуществленной им в Петербурге в 1908 году.

Как-то, на одной из наших встреч я спросил князя, трудно ли сохранять холодную голову во время торгов? Его ответ меня обескуражил:

– Нет, не трудно. Могу привести вам пример с продажей картины Ларионова. Я хотел приобрести её во время торгов и остановился на 100 тысячах. Это бессмысленно – покупать за 200–300 тысяч! Если вы покупаете француза Ван-Гога за два миллиона, можно точно сказать, что он в будущем будет стоить пять милли онов. Ларионов нет! Он не будет стоить пять миллионов!

Выходило, что на живописи во время торгов могли зарабатывать не только инвесторы, а и коллекционеры, у которых есть знания и опыт. Лобанов был в числе последних. Он обладал потрясающей интуицией. Поэтому, сразу после завершения службы в «Де Бирс» его и пригласили консультантом в «Кристи». Не всё там сложилось сразу (князь не терпел администрирования и бестолковщины). Но когда к руководству аукционным домом пришёл лорд Карингтон, стиль его работы пришёлся по душе Лобанову. Он вспоминал об этом периоде с удовольствием:

– Лорд Карингтон проводил блиц-совещания, которые длились десять минут. В течение пяти-семи минут вы имели возможность изложить свой взгляд. Остальное время шло на вопросы-ответы. После чего следовало его решение. Оно было окончательным. Так что, когда я получил неожиданное и очень

выгодное приглашение перейти в «Сотби», меня оно застало врасплох. Случилось это при весьма забавных обстоятельствах. Торговый дом «Сотби» проводил в Москве аукцион, на который приехал и я. Он сопровождался наплывом огромного числа клиентов. В гостинице «Националь» руководство «Сотби» устроило приём. В большой комнате поставили длинный стол и два маленьких. За одним из маленьких столов сидел директор «Де Бирс», который в это время был случайно в Москве, председатель «Сотби» лорд Гаури и я. Вдруг лорд Гаури наклонился и спросил, есть ли у меня с собой наличные. Ему нужно взаймы 300 долларов, чтобы заплатить за чёрную икру. Без этого залога официант отказывался подать икру на стол. Мне пришлось помочь лорду с предоплатой. Аукцион был посвящен русской живописи и прошёл весьма успешно. Я возвращался в Лондон бизнес-классом. И вдруг такое совпадение: лорд Гаури тоже летел в этом бизнес-классе. Он пригласил меня присоединиться к нему во время ужина и за бокалом вина предложил мне перейти к ним в «Сотби». Я объяснил, что не могу уйти сразу, но согласен три месяца давать «Сотби» советы и консультации бесплатно.

…В «Сотби» князь работал по контракту в течение пяти лет. Он давал множество полезных советов, в частности, предложил перенести центральный офис в Манхэттен, в Нью-Йорк. Таким образом, торговый дом минимизировал налоги. Покинул «Сотби» Никита Дмитриевич, достигнув пенсионного возраста. Тем не менее, он продолжал ходить на аукционы, давал консультации, и, одновременно, не оставлял любимое детище – занимался коллекцией. Со своей первой супругой, Ниной, князь уже расстался, покинув их общий дом. Часть коллекции осталась там. Основные же экспонаты переехали на хранение в складские помещения в Германию. Но князь продолжал пополнять коллекцию, теперь уже благодаря исключительно аукционам…

Никита Дмитриевич хорошо знает, что происходит в аукционных домах изнутри. Он по сегодняшний день охотно рассказывает журналистам обо всех тайнах аукционного искусства! И в первую очередь об оценке произведений, выставляющихся на торгах. Оказалось, например, что стоимость картины того или иного художника базируется на предыдущих продажах, то есть на ценах, полученных на аукционах за схожие работы. Тут важен прецедент! Учитывается, разумеется, и мнение профессионального оценщика. На стоимость также влияет состояние картины, место этой работы художника в его наследии, композиция, цветовое решение, период создания, размер, качество красок. И конечно, важную роль играют организации и

частные лица, известные оценщику в качестве потенциальных покупателей.

Само собрание Лобановых периодически оценивалось аукционным домом «Сотби». Задача этих оценок – установить потенциальную стоимость коллекции не только для её возможной продажи на аукционах в Нью-Йорке или Лондоне, но и для необходимости страхования. Первая оценка состоялась в 1967 году, в связи с выставкой собрания в музее Метрополитен в Нью-Йорке; последняя – в марте 1998 года для выставки части собрания в Японии. За три десятилетия стоимость коллекции выросла в семь раз.

Приведу несколько замечаний князя по поводу истории проводимых аукционов русского искусства вообще и его участии в них. Наиболее значительным явлением на русских торгах Парижа и Лондона, особенно во время перестройки, то есть в конце 80-х – начале 90-х годов, было участие в них представителей правления Фонда культуры, Министерства культуры СССР и частных российских коллекционеров. Они становились всё более частыми гостями в аукционных залах, где выставлялось на продажу русское искусство. Это способствовало расцвету русских отделов «Сотби» и «Кристи».

Однако торги непосредственно в России сегодня, по мнению князя – дело бесперспективное! Причины лежат на поверхности. С одной стороны, невыгодно ввозить купленное в Россию из-за налогов на таможне. С другой – невозможно законно вывозить приобретённое из России. К тому же в стране продолжает действовать закон о налоге на прибыль с продажи произведения искусства. Это исключает любую возможность проведения там торгов. По крайней мере, проводить аукционы в Москве или Петербурге бессмысленно, хотя такие попытки предпринимались. Аукцион «Сотби», проведённый в Москве в 1988 году, остаётся единственным.

В том же году в Лондоне «Кристи» провёл аукцион, на котором было представлено русское прикладное искусство и живопись. Следует сказать, что появление покупателей из России на аукционах, проводившихся на Западе, привело к изменениям в самых крупных торговых домах. «Кристи» даже перестроило свой центральный зал наподобие Петергофского дворца.

В 1987 году, будучи консультантом в «Кристи», Никита Дмитриевич попытался убедить акционеров и директоров в необходимости создания комплексных аукционов с включением живописи, фарфора, редких книг и икон – предметов именно русского искусства. Сделать это было не так просто. Ведь обычно в аукционных домах предметы искусства распределяются по

специализированным отделам. Например, венецианские, греческие и русские иконы проходят в отделе икон, редкие книги русского авангарда – в отделе книг, а мебель – в отделе мебели. Никита Дмитриевич предлагал тогда новый порядок, исходя из того, что, например, Фонд культуры будет покупать всё, что относится к русской культуре… Позже «Сотби» тоже последовал этому совету князя.

Говоря о практике вывоза культурных ценностей из России, важно подчеркнуть ещё одно обстоятельство. Множество жёстких ограничений в этой сфере влияло на развитие русской темы в аукционных домах. Сейчас многое приходит за границу из краденого из музеев или частных домов, в основном российских. Вывезти же из России, благодаря коррупции, можно что угодно. И сравнительно за небольшие деньги. Князь вспоминает чудные портреты графа Николая и графини Натальи Зубовых, в 2001 году украденные из музея в Грозном и прибывшие в хорошем состоянии на аукцион. Имена аукционных домов и их постоянная реклама приводят туда продавцов, готовых расстаться с «шедеврами». Эксперты же домов разъезжают по Европе и Соединённым Штатам, предлагая коллекционерам и торговцам свои услуги. Эта сторона деятельности аукционов, к сожалению, связана с криминалом. Последнее, вероятно, влияет и на цены.

Летом 1999 года «Кристи» в Лондоне провёл три аукциона современной живописи, на которых были представлены художники русского авангарда. Там был продан холст Малевича «Две женщины на фоне пейзажа» за 507 тысяч долларов. Другие же работы не нашли покупателя. Реально продаётся только то, что находилось много лет вне России и снабжено сертификатом подлинности. Но ситуация осложняется ещё и недоверием к сертификатам, подписанным некоторыми русскими искусствоведами и сотрудниками музеев.

Любопытны комментарии князя, касающиеся динамики цен на торгах. Скажем, в 2002 году картины русских художников стоимостью свыше 150 тысяч долларов с большим трудом находили покупателей на аукционах. Спрос резко упал. Работы таких мастеров русского авангарда, как Попова, Родченко, Розанов, Степанов, Экстер плохо продавались. Русский авангард, как решили многие покупатели, плохое капиталовложение и не пользуется спросом. Князь приводит в пример картину Экстер, которую оценили в 250–300 тысяч фунтов, но так и не продали на торгах в «Кристи». Оценка была произведена неправильно. Её, возможно, купили бы за 80-100 тысяч. Князь приводит другие примеры неоправданно завышенных цен. При этом рекордные цены на русскую живопись во время аукционов во много раз

меньше, чем на импрессионистов. «Мальчик с трубкой» Пикассо был продан за 104 миллиона долларов. Это примерно столько же, сколько стоила коллекция яиц Фаберже, которую приобрёл Виктор Ваксельберг. «Чёрный квадрат» Малевича был продан на аукционе «Филипс» в Нью-Йорке за 16 миллионов долларов. Эти цены, по мнению Никиты Дмитриевича, случайны. А на московском аукционе Потанин купил один из авторских вариантов «Чёрного квадрата» за миллион долларов. Почему импрессионистов новые русские покупали охотнее чем, скажем, Рубенса и Рембрандта? Ответ князя прост: для восприятия этих художников нужна подготовка. Её нет. А вот Айвазовского и Шишкина хорошо покупали по инерции. Эти работы известны потенциальным покупателям по… обёрткам конфет, например «Мишка на севере»… Приобретение же Рубенса или Брейгеля требует определённой эстетической подготовки потенциального покупателя и достаточно высокого уровня внутренней культуры.

Этот фактор важен ещё и потому что на аукционах среди покупателей много «новых» русских. В Великобритании покупают не столько англичане, сколько приезжающие со всего мира туристы. Причина в том, что в Англии можно ввозить и вывозить деньги и предметы искусства без всяких препятствий. Тем не менее, ожидаемого процветания торговых домов, специализирующихся на продаже предметов искусства, так и не случилось. Более того, аукционы понесли серьёзные потери, и аукционные фирмы попали под контроль финансистов, что по мнению Лобанова, ни к чему хорошему не привело.

И ещё одна причина – эксперты и менеджеры, занимающиеся русским искусством на «Сотби» и «Кристи». Уровень экспертов, на взгляд Лобанова, таков, что ошибки подобного рода очень вероятны. И чтобы избежать их, следует, как минимум, аккуратно и правильно описывать в каталоге то, что выставляется на торги. Хороший эксперт стоит дорого. Но аукционный дом далеко не всегда готов платить ему большие деньги. Ведь и галереи на Нью-Бонд-стрит тоже проводят свои аукционы. И там продаётся русское искусство. Всё более входят в моду интернациональные аукционы, которые проводит «Сотби», например аукционы еврейской живописи в Тель-Авиве, китайской – в Гонконге, австралийской – в Мельбурне… Покупатели этих стран платят больше за своих живописцев, чем иностранцы. Кстати, это и сегодня невозможно для покупателей из России. И причина всё та же – несовершенство юридических и таможенных правил, что сдерживает участие в торгах русских туристов.

О фальшивках князь говорит на примере высоких цен в конце 80-х – начале 90-х годов, которые установились на небольшом, но

политизированном рынке авангарда. Рынок этот был наводнён огромным количеством подделок, подорвав доверие у традиционных покупателей. Русский рынок покатился в ценах вниз. Ситуация с работами Ван-Гога, которые продаются за 82 миллиона долларов, или Ренуара за 78 миллионов вызывает раздражение. Эта бессмысленная погоня за престижем, как считает Никита Дмитриевич, размывает сам фундамент ценностей культуры. Почему Тициан продаётся в то же время за 12,5 миллиона долларов, Рембрандт за 9,3, а Рубенс за 5,5 миллиона? Непомерному росту цен, как полагает князь, способствуют престижные и понятные «новым» русским, импрессионисты.

И такое положение длилось довольно долго. Теперь медленно кое-что меняется. Но тема, касающаяся подделок и завышенных цен на аукционах, остаётся актуальной и стала более деликатной, особенно после того, как коллекция Лобановых-Ростовских оказалась в Санкт-Петербурге. Недоброжелателей у князя много. И в России это заметно. Например, при первых же попытках переговоров об издании этой книги, до меня дошёл слух, что в проданной коллекции Лобановых-Ростовских множество подделок. Это неправда. Процент таких подделок в целом в коллекции ничтожный, значительно меньше, чем в других подобных коллекциях:

– Каждая работа из нашей коллекции, – свидетельствует князь, – подверглась тщательной проверке. Нам с Ниной было очень лестно мнение экспертов, когда мы ознакомились с их докладом. Они указали только на пять произведений, которые потребовали «переатрибуции». Даже если слово «переатрибуция» было деликатной заменой слова «фальшивый», то это редчайший случай, где в собрании содержится меньше чем 1 % работ под вопросом. Профессиональный искусствовед хорошо знает, что любое собрание, частное или музейное, обычно содержит до 5 % работ, требующих «переатрибуции»…..

О подделках князь говорит охотно.

– Рынок подделок очень серьёзен, и их количество увеличивается в геометрической прогрессии. Например, произведений Айвазовского насчитывается в десять раз больше, чем он написал на самом деле. То есть, каждые девять из десяти его работ – фальшивка. Это беда не только русского искусства. Бороться с подделками очень трудно. Одна из проблем заключается в том, что аукционные дома не в состоянии иметь в штате высококлассных экспертов. Эксперты же не стремятся попасть в аукционные дома, поскольку зарплаты там относительно низкие. Причем, если во время торгов выясняется,

что работа может оказаться поддельной, аукционный дом часто не снимает её с торгов, потому что иначе их служащие должны признать, что сами были не способны определить подлинность. В 2007 году предлагались к продаже в Лондоне два эскиза костюмов Челищева. Подпись – по-русски, но человек, который подписывал их, даже не владел кириллицей. И допустил в подписи орфографические ошибки. А оригиналы этих эскизов висят у нас дома. Я постоянно встречаю произведения – копии работ из нашего собрания, которых насчитывается более тысячи. Когда я высказываю свои суждения о подделках в аукционных домах, они посылают меня, сами знаете, куда. Им безразлично, что о них думают. А если покупатель докажет, что купил фальшивую работу, то аукционный дом возвращает деньги без дополнительных санкций.

Когда я писал эту книгу, в прессу просочилась информация об очередных подделках. Люксембургская компания Агйшг Ргорегйез подала иск против дилера Анатолия Беккермана и его галереи ABA, которые якобы продали ей четыре поддельные работы русских мастеров-живописцев и целый ряд других полотен по завышенным ценам. Иск был подан в федеральный суд Южного округа Нью-Йорка. Кроме бывшего ленинградца Беккермана и его галереи, расположенной на Западной 17-й улице в Манхэтте-не, там фигурировали еще 100 неназванных ответчиков, которые по традиции обозначены как Джон Доу По утверждению Агйшг Ргорегйез в 2007–2008 годах ее закупщик, Александр Савчук, приобрел у Беккермана 18 работ русских живописцев XIX и XX веков. В общей сложности истец заплатил за картины более 9,5 миллионов долларов. После получения купленных полотен истец обнаружил, что четыре картины написаны не теми, чье авторство указал Беккерман (речь идет о «Римской семье на отдыхе» Семирадского, «В лесу» Шишкина, «Изысканном ужине» Бакалови-ча и «Цветах магнолии» Гончаровой). Эти четыре картины обошлись Агйшг Ргорегйез в 2 миллиона 400 тысяч долларов.

Впрочем, примеров фальшивых распродаж можно набрать и на аукционах «Сотби». Газета «Гардиан» сообщила о том, как несколько лет назад в «Сотби» разразился скандал с картиной Шишкина «Пейзаж с ручьем». Заявленная стоимость известной работы этого художника в аукционном каталоге была 1 миллион 280 тысяч долларов. Несмотря на имевшееся заключение экспертов Третьяковской галереи, специалисты аукционного дома заподозрили неладное. И за день до аукциона сняли лот с торгов. Позже специалисты другого аукционного дома Bukowskis (Швеция) узнали в «Шишкине» ретушированную картину голландца Маринуса Адриана Куккука, красная цена которой –

50-100 тысяч долларов. В 2007 году президенту России В.Путину подарили фальшивого Шагала. Этот факт Никита Дмитриевич приводил в Киеве, где рассказывал украинским любителям искусства о том, как отличить подлинник от подделок.

Князю задавалось множество вопросов, в том числе о подделках иконы.

– Икона – уникальный жанр. Подделать икону очень трудно.

– А что легко?

– Пейзажи, например. Создать «шедевр» не так сложно. Берется лесной пейзаж шведского или датского художника третьего ряда стоимостью около 10 тысяч долларов. Оригинальная подпись удаляется. Поверх пишется «Шишкин»! И этот «шедевр» уже стоит в десятки и сотни раз дороже! Вот и на одном из лондонских аукционов продавались две явные фальшивки!

– Однако есть ведь заключение экспертов…

– Экспертов нужно «перепроверять». Фальшивые заключения – это большой бизнес, вокруг которого кормятся десятки людей. Они продают фальсификаты за деньги и зарабатывают, поверьте, очень прилично.

– Так что же делать?

– Рекомендую коллекционерам не поскупиться на химический анализ приобретаемой работы. По содержанию некоторых элементов в красках можно установить год написания картины. Например, титановые белила в Западной Европе вошли в художественный обиход после 1920 года. Следовательно, если работа датируется XIX веком и при химическом анализе в ней найдены эти самые титановые белила, она не может относиться к XIX веку! Никак. Химический анализ краски – основной и очень нужный тест. Все остальное не так важно! Можно рассуждать о стиле художника, о манере. Но если краска «левая», все вопросы сразу же отпадают.

– И сколько стоит такой анализ?

– Если вы покупаете Малевича за пять миллионов долларов, то экспертиза обойдется на Западе тысяч в десять долларов. Но покупателям часто просто жаль этих денег: «Проверять картину на подлинность? Зачем, если она мне нравится!» – вот аргумент многих. А отдать пять миллионов долларов за подделку, которая стоит не более десяти тысяч, – это ли не глупо? Кстати, кроме химического анализа, можно идти еще дальше – сделать биохимический анализ полотна, например. По составу цветочной пыльцы в красках, которыми написана картина, можно установить место ее создания. К примеру, в Киеве и в Москве очень разная флора. Биохимический анализ, правда, стоит в два

раза дороже химического. Для его проведения используется дорогостоящая аппаратура!

– Как вы относитесь к интернет-аукционам?

– Все, что скажу: не стоит покупать предмет искусства, не видя его.

– Кто вы по образованию? Художник?

– Нет. Я геолог. В 60-е годы работал геологоразведчиком в Аргентине. Отсюда и многие познания. Нельзя быть геологом и не разбираться в химии!..

В одной из бесед с Никитой Дмитриевичем я задал вопрос: а что же происходит сегодня в России с подделками, Князь утверждает, что всё упирается в юридическую практику: у экспертизы в России просто-напросто нет правовой базы – ни закона об экспертной деятельности, ни организационных предпосылок, ни инструкции Министерства культуры. Эксперт в России не отвечает за своё заключение. Ни морально, ни материально. Он может подписать что угодно, а потом безнаказанно отказаться от своих слов. И дело не только в отсутствии юридической базы, но и в отсутствии практики подготовки экспертов.

Чтобы стать настоящим специалистом необходимо получить хорошее образование. А затем еще лет 20 ежедневно общаться с произведениями. Только так можно близко познать художника. А познать, значит обладать не только умением разбираться в его стилистических особенностях, но и знать качество бумаги или холста его работ, привычный для него формат, его палитру, фактуру и почерк.

Проблема же подделок в такой коррумпированной стране, как Россия, похоже, будет существовать много лет. В решении её, как полагает Никита Дмитриевич, мало кто заинтересован.

«Надо сказать, что отношение к искусству в России весьма неровное. До сих пор не выработаны критерии «хорошего» или «плохого». Постперестроечные годы оставили суматошное наследие. Департамент по сохранению культурных ценностей при Министерстве культуры утверждает, что за последнее двадцатилетие в России было похищено и вывезено за рубеж предметов искусства на миллиард долларов. Может быть. В 1990-х годах воровали для продажи на Западе. Теперь воруют для внутреннего рынка, где цены выше западных, а экспертиза или непрофессиональная, или в руках коррумпированных специалистов.

В России нет учреждений или организаций, обладающих обширными информационными базами данных о художниках (включая эталоны масляных красок), а также о скульпторах и их

наследии. Убогое законодательство, надзирающее за рынком искусства и антиквариата… Не существует юридически отработанного механизма перехода прав собственности. Можно углядеть червивое яблоко на рынке и не покупать его. А что делать с «червивой» картиной?

Часто в интересах покупателя, рассчитывающегося сомнительно обретенными средствами, чека вообще не существует. Отсутствие платежных документов или банковских проводок не только дезавуирует рынок искусства в России, но и разрушает его. Такие сверхштатные услуги дилеров анонимным клиентам широко открывают ворота не только налоговому жульничеству, но, вполне возможно, и чистой уголовщине. И торговец, и покупатель равно уязвимы, поскольку сделка не регистрируется. И потенциально может возникнуть ситуация конфликта интересов или шантажа участниками сделки друг друга или же третьими лицами. Эти третьи лица вполне могут представлять организованную преступность или же так называемых «оборотней в погонах» из правоохранительных органов. Государство, совершенно очевидно, не располагает средствами контроля или даже принуждения к открытости современного рынка искусства в России. В то время как этот сектор экономики не обойден вниманием властей предержащих от Парижа до Пекина или Нью-Йорка». (Из сборника Н.Д.Лобанова-Ростовского «Эпоха. Судьба. Коллекция».)

И последнее замечание, касающееся лично князя. Перемещение коллекции со склада в музей, да ещё в Петербург (об этом пойдёт речь в следующей главе), в общем-то, как мне показалось, должно было означать существенное изменение в стиле жизни собирателя такого класса, как Лобанов. И я не ошибся. Потому что продажа собрания России – это итог многолетней подвижнической деятельности. Что же теперь? Ведь пополнять коллекцию и физически невозможно. Значит, не имеет смысла посещать аукционы, что-то покупать? Никита Дмитриевич подтвердил, что перестал покупать живопись сразу после того, как продал большую часть коллекции Константиновскому фонду. Уже несколько лет он ведет переговоры о продаже остальной части.

– Наше собрание всецело, – замечает он. – Там нечего больше добавлять. Мне в коллекции удалось заполнить все пустые ниши. Конечно, бывает, что я не могу выдержать! Если мне что-то нравится, первое движение души – приобрести! Я постоянно себя заставляю этого не делать. Но когда просматриваю аукционные каталоги, то говорю друзьям: «Вот чудная вещь – покупайте!».

И все-таки коллекция в России

Все годы собирательской деятельности, а она заняла 40 с лишним лет, князя беспокоила принципиальная проблема – как сохранить коллекцию и кому её наследовать. Никита Дмитриевич не мог не видеть, как после смерти талантливого художника, известного коллекционера исчезали их наследия, коллекции, ценность которых была именно в том, что они представляли собой нечто единое целое. Работы живописцев безжалостно делились между наследниками и в результате исчезали для публики, для музеев. Итак, кому же оставить коллекцию?

Вопрос наследства для меня – тоже тема дерзких параллелей. Объяснение простое. У князя детей нет, о чём он весьма сожалеет. У меня двое, чему я, конечно, безмерно рад. Князю есть что оставить, но некому. Мне есть кому, но нечего. Дом, который я купил в кредит в начале 90-х годов, при разводе остался за женой и дочерью. Так что у дочери, родившейся в Англии, есть крыша над головой. И у сына тоже есть крыша. Ему в наследство от меня остаётся маленькая квартирка в центре Москвы.

Что ещё я могу оставить детям? Несколько книг, которые написал? Это смешно! Когда я предложил моей 20-летней дочери, студентке университета в Баз, изучающей проблемы биомеханики, пойти в театр «Олд Вик» на пьесу Шекспира «Ричард III», она заявила: «Папа, я не хочу!» И рассказала, как несколько лет назад преподаватель литературы в колледже выгнала её с урока за то, что дочь сказала: «I hate Shakespeare!». И послала к директору объясняться. Ну, там всё быстро прояснилось: дочь прошептала это подруге громче, чем хотела. Мне дочь пояснила, что Шекспир, которого изучают в колледжах – вовсе не современный английский язык. А все эти кровавые истории её не интересуют. Разумеется, уровень преподавания литературы в Англии оставляет желать лучшего. Но и в России ведь дело обстоит едва ли не так же. Я хорошо помню звонок сына из Москвы: «Папа, приезжай к нам в школу – прочитай хотя бы одну лекцию по литературе!»…

Подытожу эти рассуждения: своим детям я не гожусь даже в наставники! Я убеждён, что и дочери, и сыну от меня мало проку. Материальные блага они в недалёком будущем смогут добыть себе сами. Дочь в Англии изучает биомеханику и увлечена спортом: в беге на 80 и 100 метров с барьерами она в числе лучших спортсменов Великобритании. Сын покинул Москву после окончания Медицинской Академии. Получив место аспиранта в Институте экспериментальной медицины при университете Макса

Планка в Германии, он занимается генетическими исследованиями и параллельно с работой над диссертацией взял курс MBA… Так что, при всей условности данной параллели, реальность такова: материально мне нечего оставлять в наследство. И мои дети его не ждут.

Князь же, в утешение себе, может предположить, что дети могли бы нарушить единство его коллекции в дележах, раздорах и юридических тяжбах, которые сотрясали, например, коллекцию Рубинштейна… Да, проблема бездетности для него действительно болезненная. Я искренне сочувствую ему, что у него нет детей, а не в связи с тем, что своё главное духовно-материальное наследство по этой причине он должен оставить в музеях России, Америки, Европы.

Впрочем, в хлопотах, которыми князь был занят многие годы, пытаясь продать собрание, его грела надежда, что коллекция будет служить и доставлять удовольствие миллионам. Более того, эти хлопоты он связывал, прежде всего, с желанием продать коллекцию именно России. Этому есть объяснение. Русский театр, по убеждению Никиты Дмитриевича, являлся смесью жанров и стилей – высокого и низкого, общественного и личного, великого и малого, столичного и провинциального. Потому собрание следует показывать и изучать именно в России. Только в России будут это делать глубоко, оставив экзотику, привлекающую иностранцев, на втором плане. Именно из-за этой позиции длительное время коллекция Лобановых находилась в подвешенном состоянии. Были предложения от западных музеев, в частности в Италии. Там специалисты хотели бы иметь эту коллекцию прежде всего как учебное пособие по истории русского искусства. Но для Лобанова эстетические оценки и чувство долга перед Россией главенствовали над тем, чтобы согласиться сделать собрание лишь учебным пособием.

История продажи коллекции Лобановых-Ростовских полна драматических эпизодов. После трёх выставок в России, привлекших внимание общественности, он почти разуверился в возможности вручить собрание русской театральной живописи России. (Подарить, как мы знаем, Лобановы не решились из-за прохладного отношения к подаренному.) Такого рода опыт у них уже был. Начиная с 1992 года, мы с князем насчитали три безуспешные попытки продать коллекцию.

Первая связана с Московским товариществом «Дягилев-центр» (улица Лесная, 5). Председателем Центра был Ю.Любашевский, который исполнял должность консультанта «специальных президентских программ» при администрации Президента Ельцина. Так, Центр финансировал восстановление

под руководством Андриса Лиепы трёх ранних балетов Дягилева, выделив миллион долларов. После того как спектакли прошли блестяще и были засняты на видео, появилась идея покупки Центром собрания Лобановых-Ростовских с тем, чтобы разместить его в музее Дягилева, который Центр наметил создать в Москве.

– Обсудив предложение с Ниной, – вспоминает Никита Дмитриевич, – мы решили его принять. И 9 августа 1993 года я направил Любашевскому письмо, сообщив, что мы готовы продать часть собрания, состоящего из 337 работ, описанных и проиллюстрированных в выставочном каталоге на немецком языке (оценка этих работ в 3,5 миллиона долларов была сделана «Сотби» в сентябре 1992 года). В ответ я был приглашён Любашевским на обед 24 сентября. Любашевский в благодарность за это решение даже предложил совместную с издательством «Искусство» публикацию весной 1994 года 2-го тома (первый был издан в 1990 году) о нашем собрании. А 30 декабря пришло его предложение купить всё наше собрание. Я ответил факсом 11 января 1994 года, подтверждая, что мы готовы продать собрание из 1040 работ, оцененного «Сотби» в июле 1993 года в 6 миллионов долларов. Спустя два дня, т. е. 13 января 1994 года, я прилетел в Москву и узнал, что Любашевский потерял своё место консультанта при президенте, и финансирование Центра и всех его мероприятий прекратилось.

Так сорвалась первая попытка.

Впрочем, в ту командировку Лобанов посетил отдел графики ГМИИ им. Пушкина и рассказал эту историю директору музея Антоновой. Она попросила Лобанова сделать письменное предложение музею купить эти работы. Что князь и сделал в своём письме от 26 января 1994 года.

Ирина Александровна обратилась к министру культуры Е.Ю.Сидорову, предлагая купить коллекцию. Тот отправил положительную резолюцию своему заместителю М.Е.Швыдкому: «Давайте предложение, а лучше деньги!» В результате переговоров с Министерством решено было организовать выставку в Музее личных коллекций при Музее им. Пушкина и на ней представить все продаваемые произведения. Антонова попросила Министерство культуры организовать перевозку экспонатов коллекции из Федеративной Республики Германия в Москву. Решили также провести экспертизу, которая должна была предшествовать покупке. Лобановы получили факс от заместителя министра культуры Швыдкого: «Министерство сообщает о готовности взять на себя финансирование и обеспечение организационных мероприятий по приёму выставки произведений из Вашей коллекции, находящейся в настоящее

время в Гамбурге». Открытие выставки состоялось 3 ноября 1994 года. 29 декабря Швыдкой заявил Лобановым, когда они были у него на приёме: «Покупаем собрание железно!»

Все работы на выставке были подвергнуты экспертизе 19 местными экспертами. Комиссия по экспертизе была создана Антоновой. Она же, по просьбе Никиты Дмитриевича, встречала в аэропорту Джулиана Баррана, бывшего директора отдела импрессионистов в «Сотби», как самого авторитетного оценщика театральной живописи из Лондона, и наблюдала, как он ходил по залам музея, проставляя цены на работы Бенуа, Бакста, Гончаровой, Ларионова… «Абсолютно автоматически, – вспоминала она, – без малейших эмоций! Как будто это дыни и арбузы из Астрахани, а не уникальные сокровища». Покупка собрания Лобановых-Ростовских, казалось, – дело решенное. Уже шла речь о том, через какой банк и какими частями владельцы получат свои деньги. Антонова готовила статью об этой сенсационной покупке. Но… она не была опубликована. Сделка не состоялась.

Потом говорили, что помешала Чеченская война. Так это было или иначе, теперь сказать трудно. Но Ирина Александровна Антонова, спустя два года после той попытки продажи, отвечая на вопросы корреспондента «Известий», утверждала: «…Мы провели на самом высоком уровне, какой только возможен в России, полную экспертизу всего того, что сейчас предлагается к продаже. Было отклонено очень небольшое количество вещей, в основном, повторы или то, где эксперты не могли гарантировать достоверность… Что же касается самого уникального художественного собрания, то оно «просто блестяще». В музее отлично знают его. Поскольку коллекция Никиты Дмитриевича выставлялась здесь дважды – в 1988 и 1994 годах, сначала первая её часть, потом вторая… мы были бы счастливы обладать и всей коллекцией. У нас есть все необходимые условия для хранения и экспонирования этих замечательных работ».

Впрочем, в том же, 1995 году, когда в конце февраля Лобановым сообщили из Министерства культуры, что покупка не состоится, Никита Дмитриевич встретился с Антоновой и спросил, хотела бы она купить собрание без поддержки Минкульта. Ирина Александровна тут же согласилась, добавив, что не сможет купить всё, но только часть собрания на 2 миллиона долларов. С этой целью закупочная комиссия музея отобрала 190 из 347 работ, оценив их в 2 миллиона долларов. Лобановы согласились и на это. Оплата покупки должна была осуществляться по следующей схеме: 500 тысяч долларов при подписании соглашения и затем три ежегодных перевода по 500

тысяч долларов. Но и эта сделка не состоялась.

Привожу рассказ князя о третьей попытке:

– В 1997 году я написал письмо тогдашнему мэру Москвы Ю.Лужкову с предложением продать коллекцию городу. В результате, 22 августа 1997 года было опубликовано постановление правительства Москвы, которое поддержало идею покупки, а затем предложило консолидировать спонсорские средства за счёт внебюджетного Фонда развития культуры и искусства города. Собрание планировалось разместить в Музее современного искусства. Предполагалось приобрести эту коллекцию за 4,4 миллиона долларов. Потом нас попросили снизить цену на 30–40 процентов. В 1998–1999 годах по этому поводу шла интенсивная переписка. В конце концов, мы снизили цену. Пошли и на эту уступку! Затем директор Музея современного искусства академик З.К.Церетели сообщил, что музей готов приобрести 352 работы за 1,5 миллиона долларов. Мы с Ниной подписали и это соглашение. Но три года переговоров с Церетели оказались бесполезными. Музей современного искусства был открыт 15 декабря 1999 года. Мы даже не были приглашены на его открытие!

И всё-таки пришёл час, когда Никита Дмитриевич понял: или сейчас, или никогда! Забавно, каким образом князь почувствовал, что его время пришло. Это произошло в 2007 году после того случая, когда накануне торгов в Лондон прибыл российский десант во главе с олигархом Алишером Усмановым с заданием купить во что бы то ни стало коллекцию Ростроповича-Вишневской и вернуть ее на Родину. То была беспрецедентная сделка на антикварном рынке. Объявленные торги 2007 года просто не состоялись. Усманов купил втридорога знаменитую коллекцию русского искусства Ростроповича-Вишневской. Эта коллекция собиралась около 30 лет. Происхождение коллекции выглядит очень респектабельно, хотя, как полагает князь, назвать её целевой никак нельзя. В собрании Ростроповича-Вишневской очень много замечательных вещей. Но, подмечает Никита Дмитриевич, это не коллекция, скажем, Валерия Дудакова, который собирал работы «Бубнового валета»…

Приведу скептические замечания князя не только по поводу этой сделки, но и по предмету её. Думаю, дело тут не столько в ревности, хотя и она должна присутствовать (мол, почему купили не его коллекцию!), а в том, что высочайшая квалификация и авторитет собирателя позволяет ему говорить со знанием дела. Не скрывал Лобанов своего отрицательного отношения к тому, что эта коллекция попала в морскую резиденцию президента России, Константиновский дворец, который не является

специально оборудованным музейным помещением. Далее, он заявил, что портрет кисти Серова «Юсупов у алого коня» в собрании Ростроповича-Вишневской должен висеть в Русском музее рядом с парным ему портретом «Юсупов у белого коня»… Такие замечания показались мне, дилетанту, не очень дружественными. Но для специалистов и знатоков они весьма существенны. Оказалось, что ещё при жизни Ростроповича князь просил его устроить выставку своей коллекции, потому что знал, что у него есть шедевры. В пору, когда Никита Дмитриевич служил консультантом в «Сотби», как-то за ужином в доме Джона Стюарта, тогдашнего главы Русского отдела, за столом вместе с ним оказались Мстислав Ростропович, Галина Вишневская и директор Русского музея в Петербурге Владимир Гусев. Князь напрямую сказал Ро-строповичу: «Знаю, что вы против выставки вашего собрания, но сделайте, по крайней мере, каталог, чтобы хотя бы специалисты и любители могли бы увидеть неизвестные и считающиеся утерянными работы в вашем собрании». Но, как утверждает князь, Вишневская категорически воспротивилась этому предложению, мотивируя тем, что это привлечёт к их коллекции криминальный интерес.

Коллекция ныне передана в Константиновский дворец. Но ещё неизвестно, учтены ли эти вещи Государственным музейным фондом: ведь Константиновский дворец – не музей. Лобанов считает, что правильнее было бы передать эту коллекцию в Эрмитаж или Русский музей с обязательным условием показа её в Константиновском дворце! Тогда эти организации будут нести ответственность за физическую сохранность сокровищ. Не прислушаться к совету столь сведущего собирателя – просто грех! Но ведь нельзя исключить: эти рассуждения как раз противоречат намерениям тех, кто причастен к этой сделке – покупке Усмановым коллекции для России! Для России ли?

Оставим этот вопрос без ответа, и поразимся настойчивости и энергии, которую проявил князь, продвигая идею продажи собственной коллекции. Да, вероломство, коварство, обман российской бюрократии должны были охладить его. Да, он скептически смотрел на такую возможность последние годы. Но лишь до того момента, когда ему вдруг показалось: засветила надежда! И тут он повёл дело в своей привычной манере: решительно, без оглядки, забыв все обиды. Узнав, что олигарх, очевидно, по заданию высших государственных лиц, купил коллекцию Ростроповича-Вишневской, князь вновь обратился с предложением вернуть произведения театрального искусства России к министру культуры А.Соколову. И тот 21 сентября 2007 года написал письмо тогдашнему президенту В.Путину. Надо

сказать, что одновременно шли переговоры о покупке коллекции Библиотекой Конгресса в Вашингтоне. Может быть, слухи об этом подстегнули россиян. Но каким-то чудом письмо Соколова оказалось на столе Президента. В результате, было сделано предложение о покупке собрания фондом «Константиновский».

Константиновский фонд приобрёл собрание князя Лобанова-Ростовского немедленно, после того, как появилась резолюция В.Путина: «купить за 16 миллионов долларов». Если знать динамику цен на антикварном рынке за последние два десятилетия, то станет очевидным, что сделка оказалась чрезвычайно выгодной для России. Газеты и журналы не только в России широко комментировали это событие. К моменту продажи собрание театральной живописи Никиты и Нины Лобановых-Ростовских было хорошо известно во всем мире – от США до Японии. Но менее известно было, что эта коллекция, в течение сорока лет переезжая с выставки на выставку, из страны в страну, фактически не имела постоянного дома. Картины, а среди них лучшие в мире работы Бакста для дягилевских антреприз, хранились на складах в Германии, упакованные в профессиональную тару Они всегда были готовы отправиться в очередное путешествие. И вот теперь, наконец, коллекция обрела постоянный дом в Петербурге!

Когда покупка коллекции Лобановых-Ростовских стала фактом, об этой сенсации на мировом рынке театрального искусства первой рассказала журналистка Надежда Данилевич. Ей князь дал тогда эксклюзивное интервью. Данилевич вспоминает: «О том, что коллекция продана, я узнала совершенно случайно, находясь в княжестве Лихтенштейн. В его столицу Вадуц съехались вся Москва и Петербург на выставку русского авангарда из музеев России. Для маленького княжества с населением 35 тысяч человек это событие из ряда вон выходящее и, как на открытии говорили, историческое. Вся страна обклеена афишами с работницей в красной косынке Казимира Малевича… На вилле барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна «Аскания-Нова» в течение недели красовался трехцветный российский флаг. Сюда в эти летние дни навестить хозяина шли гости с утра до вечера…

Эту новость принесли искусствоведы из музеев Москвы и Петербурга. Когда Эдуард Александрович их встретил… они заговорили о коллекции: «Константиновский фонд ее купил. Решается вопрос: кому она теперь достанется – Москве или Петербургу»…

Как только гости ушли, барон позвонил Никите Дмитриевичу:

– Я узнал сенсационную новость. Ты продал свою коллекцию?! И молчишь! Как же так, я узнаю сегодня от других людей…

– Дорогой барон, я не мог об этом ничего сказать до официального объявления…

– Так все уже знают об этом. Я принимал всю неделю всевозможных интересных людей из русских музеев. Они только об этом и говорят.

На другом конце провода ни шороха, ни звука. Торжественная минута молчания длилась долго. Наконец Никита Дмитриевич заговорил снова:

– И что говорят?

– Что могут говорить. Это главная новость. Одни хотят коллекцию в Москву. Другие в Петербург. У всех свои мысли. Но главное, она попала в Россию! Наконец-то! Как я рад. Я же помню, как ты годами старался, чтобы она попала в Россию. И как Антонова старалась… Почему же надо молчать об этом? Не понимаю…

Новость должен объявить новый владелец коллекции – Константиновский фонд на специальной пресс-конференции.

Это же секрет Полишинеля. Надежда Данилевич узнала даже цену, за которую продана твоя коллекция. И хотела бы сделать с тобой интервью. В России должны из первых рук узнать эту сенсационную новость. И она уже послала тебе свои вопросы. Открывай свой почтовый ящик… Вот это интервью.

– Когда состоялась сделка?

– Продажа состоялась 24 января 2008 года, с условием, что оглашение покупки Константиновским фондом произойдет в мае месяце. С тех пор мы ничего конкретного не получили на эту тему от фонда. Принимая во внимание, что пресс-конференция и выставка, связанные с покупкой собрания Ростроповича-Вишневской дважды уже откладывались, меня не удивит, что огласка по случаю приобретения нашего собрания будет перенесена.

– В 90-х годах речь шла о покупке только части вашей коллекции, именно той, которая экспонировалась в Музее личных коллекций на Волхонке. А теперь вы продали все собрание целиком?

– …Почти! Нина не хотела расставаться со многими из своих работ. Она скептически относится к намерению покупателя – Константиновского фонда. Не получив подтверждения, что вещи будут переданы (на временное хранение) в Музей театрального и музыкального искусства в Санкт-Петербурге, где они были бы на своем месте и доступны для изучения профессионалами, она

оставила 150 работ из коллекции, принадлежащих лично ей…

– Кто оценивал коллекцию? За сколько она была куплена? Я слышала разные цифры – 16 и 18 миллионов долларов.

– Собрание было куплено по оценке «Сотби» и «Bonhams» прошлого года за 16 миллионов. Мы не торговались и не завышали цену, в отличие от собрания Ростроповича-Вишневской, за которое Усманов заплатил втрое больше оценки «Сотби». Нам было приятно слышать, как эксперты, командированные фондом на проверку нашего собрания, открыто говорили о недооценке ряда шедевров. Экспертиза – очень щепетильный вопрос, особенно в наши дни. Невероятные рекорды во время русских торгов на аукционах… являются большим соблазном для фальсификаторов. И естественно, что покупатель боится нарваться на фальшивого Бакста или Кандинского… Каждая работа из нашей коллекции подверглась тщательной проверке. Нам с Ниной было очень лестно мнение экспертов, когда мы ознакомились с их докладом. Они указали только на 5 произведений, которые потребовали переатрибуции. Даже если слово «переатрибуция» было деликатной заменой слова «фальшивый», то это редчайший случай, где в собрании содержится меньше чем 1 % работ под вопросом…

– Специалисты театральных музеев как Москвы, так и Петербурга считают, что самое ценное в вашей театральной коллекции – это работы Бакста, которые отсутствуют в наших музеях. Вы их продали Константиновскому фонду или оставили за собой?

– Все наши «Баксты» ушли в Россию. Кроме одного – это портрет Трухановой. Нина оставила его себе. Как вы хорошо знаете, в 1994 году вышел полный каталог-резонне нашего собрания, где все, что мы имели, зафиксировано текстуально и визуально.

– Все лучшее театральные художники-эмигранты, которых вы собирали всю жизнь, творили на Западе. Бакст с 1909 по 1914 годы оформил для Дягилева 12 спектаклей. Пятьдесят лет назад, когда вы с Ниной начали собирать, никто из солидных коллекционеров не интересовался русским театральным искусством.

Значит, в частных руках не осталось интересных театральных эскизов?

– Очень богатая коллекция была у Сержа Лифаря. Она давно распалась, а то, что он хранил до конца своей жизни, завещано им городскому архиву города Лозанны, где он умер в 1986 году Мастерская Добужинского в Париже также распродана на аукционе. Серьезную коллекцию русской сценографии за 50 лет

ее расцвета, как наша, сегодня невозможно составить даже при наличии неограниченных средств.

– После развода с Ниной, что осталось в вашей собственности?

– Всё, что было оговорено давно. Моя библиотека в 3200 томов напрямую связана с жизнью и творчеством 200 художников, представленных в нашем собрании. Плюс архив документов – переписка с художниками, их наследниками, историками и искусствоведами. Также у меня остались картины маслом ведущих мастеров русского авангарда. Кандинский, Клюн, Ларионов, Попова, Экстер, а также «Похищение Европы» Серова, для которой позировала Ида Рубинштейн.

– Вы готовы продать свой архив, ведь он, как я понимаю, напрямую связан с той частью собрания театральной живописи, ко торую купил Константиновский фонд?

– После завершения сделки я написал министру культуры, предлагая фонду купить весь мой архив и живопись русского авангарда. В случае покупки фонд мог бы передать в пользование Театрального музея в Петербурге архив и справочные материалы. Но это имеет смысл в том случае, если наша коллекция пойдет к ним. А картины маслом художников русского авангарда оставить у себя и развесить на стенах Константиновского дворца…

Итак, Петербург получил княжескую коллекцию. Главный претендент – ГМИИ имени Пушкина (Музей личных коллекций) в Москве отпал. Коллекция в настоящее время приписана к Государственному музею театрального и музыкального искусства в Петербурге. Константиновский фонд остаётся владельцем собрания Лобановых-Ростовских.

Театральный музей хранит невероятные и с художественной, и с исторической точки зрения уникальные материалы. Это подлинные костюмы Шаляпина, в которых он выступал в знаменитых операх на сценах Императорского театра и в частной опере, нотные манускрипты Чайковского и Рахманинова, редкие театральные дизайны Малевича. Музей построен хронологически научно, профессионально. Это – история театра, как такового. Не доставало лишь того, что русские художники-эмигранты создали за границей. Тема эта весь советский период была абсолютно закрыта. Легко понять, почему ни визуального, ни документального материала для исследователей не хватало. Наверное, справедливо, что Петербург стал постоянным домом для когда-то гонимых на родине художников. Это лучшее место для коллекции Лобановых-Ростовских еще и в силу адекватности целям сотрудников музея – не только показывать коллекцию, но и изучать её. Но все эти размышления плохо согласуются с

реальностью. Она же такова, что вновь и вновь можно ставить вопрос о судьбе коллекции, о её сохранности.

С тех пор, как коллекция Лобановых-Ростовских водворилась в Петербурге, Никита Дмитриевич дал множество интервью. И к его чести он от острого разговора не уходит. Например, меня интересовало, понесла ли коллекция урон из-за развода Никиты и Нины. Задавая этот вопрос князю, я признавался, что всё-таки не понимаю, как он решился на развод с совладелицей коллекции. Я лично знаю пару, которая, чтобы не делить дом, продолжает жить в несчастливом браке (кстати, совсем не осуждаю, а сочувствую этим людям, зная через что они прошли в эмиграции)! На что князь обстоятельно мне ответил, что продажа коллекции была заранее оговорена юристами, как одно из условий развода. Суть соглашения в том, что при известных обстоятельствах никто из бывших супругов не мог противодействовать продаже, а обязан был согласиться с продажей той части коллекции, которая принадлежит двоим. Да, признавался Никита Дмитриевич, Нина считала, что продавать в России коллекцию вообще не следует. Возможно, тогда она была права. Но она не могла этому противодействовать. Вот и всё! Что думает по этому поводу сам князь – тема для отдельного разговора.

Добавлю, что работы из собрания Лобановых-Ростовских выдержали этот последний переезд в музей с большим достоинством. Стандарты собрания остаются высокими и масштабными. Владельцами этой коллекции можно восхищаться за то, что они оказались правы, не соглашаясь, что это искусство предназначалось только для стен их квартиры. Собрание, где смешана живопись художников всемирно известных, с менее известными, где наряду с Шагалом, Малевичем, Ларионовым и Лисицким, есть великолепные работы Петрицкого, Челищева и Чехонина, всё это богатство теперь находится в России.

Музей в Филях

В интернете можно найти огромное количество информации о деятельности Лобанова. Но моя задача не столько собрать воедино «малые зёрна в величайшую мозаику русского искусства», как говорил князь о своем сборнике «Эпоха. Судьба. Коллекция»», сколько составить максимально цельную биографию самого Никиты Дмитриевича, заново пересмотреть отдельные события его жизни, прокомментировать или отсеять домыслы, сплетни, и, не добавив своих, позволить себе лишь догадки. Изначально мне были непонятны действия князя с дарениями. И я высказал ему это во время нашей очередной прогулки в Ричмонд-парке:

– Вы так бесстрашно оставляете этой безумной России, берущей с вас, благодетеля, ещё и таможенные налоги за ввоз, свои сокровища! Зачем? Ведь разворуют, сожгут, пропьют! И кому нужен этот музей в Филях? Я в детстве жил на Шелепихе, расположенной у Москвы-реки. На нашей стороне была Москва, а на противоположном берегу те самые Фили, где в церкви Кутузов решал: спалить Москву, уступив её Наполеону, или отстаивать! В то время Фили был пригородом Москвы и к тому же считался хулиганским районом. В Филях, как я слышал, и сейчас какая-то «Горбушка» существует, где можно купить-продать всё, что душе угодно. Самый криминальный рынок! И вот в этом районе, в Филёвском парке, вы Никита Дмитриевич, бесстрашно устраиваете свой музей. Я, если буду в Москве, обязательно поеду под охраной и посмотрю музей! Но сейчас объясните мне, пожалуйста, ваш шаг. Ведь это нерационально! Вы же не наивный романтик! И не бессребреник! Все ваши сокровища даже в Болгарии надёжнее оставить! Не так ли?..

Общеизвестный факт: в 2001 году на территории Парка культуры и отдыха «Фили» был открыт Дом-музей князей Лобановых-Ростовских. Задача музея – показать историю Российского государства через жизнь и деятельность княжеского рода Лобановых-Ростовских. Впрочем, как и в случае с коллекцией, князь объясняет этот шаг отсутствием наследников:

– Повторю снова: у меня, к большому сожалению, нет детей. Поэтому обычный и несложный вопрос о завещании кому-либо важной части моего существования, истории моей жизни беспокоит меня много лет. Музей в «Филях» – моё завещание! Мне грустно бывает на аукционах, распродающих мебель, семейные портреты и всякую прочую утварь больших европейских или английских поместий или просто домов. Эти вещи попадают

в равнодушные руки антикваров, декораторов интерьеров, просто любителей старины или курьёзов. И в них, в этих вещах, с продажей умирает прошлое и уходит душа, если можно так сказать. Они просто становятся предметами купли-продажи. Здесь же, в музее, верю – всё завезённое мною не попадёт на аукционы и не пропадёт.

Эти действия и суждения Никиты Дмитриевича мне, убежавшему из Советской Империи, кажутся странными. Да, я сочувствую бездетному князю хотя бы потому, что я отец двоих детей. А с другой стороны, надеюсь, ему известно, что дети очень часто совсем ненадёжное хранилище завещанных им духовных и материальных ценностей! Я подумал именно об этом ранним октябрьским утром, когда шёл вдоль канала от Кингс-Кросс к Камден Таун. Редкий солнечный день вытянул на берег типичных английских рыбаков, которые просидят тут весь день с удочками и спиннингами. И поймают разве что кошке на ужин, а, скорее всего, уйдут к вечеру без улова! Но для английских рыбаков это совсем не промысел, а удовольствие, которого они не лишают себя. Выглядит эта публика, как правило, весьма странно. На канал, в основном, выходят люди бессемейные или бегущие от жен и детей. В любом случае, трудно не заметить, что они заброшенные и одинокие.

В то утро я вновь размышлял о сетованиях князя, которые он, ближе к старости, всё чаще высказывает в интервью, в своих воспоминаниях. Впрочем, меня озадачила вот эта вариация темы бездетности: «Я чувствую генетическую обязанность по отношению к России». Я с глубокой симпатией отношусь к чувствам князя и верю, что он патриот. Но, обращаясь к себе, к своему опыту отцовства, в иные времена очень горькому опыту, я ищу параллели. И не нахожу в них созвучия тем патриотическим мыслям, которые высказывает князь. Как я уже отмечал, мне нечего оставить своим детям. Но я бы очень сожалел, если бы у меня не было детей. Я огорчился бы несопоставимо глубже, чем отсутствием сокровищ. И с генетической привязанностью у меня сложнее: я её чувствую по отношению к детям, а не к стране, которая принесла князю горя, кстати, даже больше, чем мне. Я уехал в эмиграцию, когда сыну было два года, а мне пятьдесят. У меня была надежда, что я вызволю его из Советского Союза. Этим я оправдывал свой поступок, суть которого, как не крути, заключается в том, что я оставил сына и эмигрировал! Нет, я его никогда не бросал. Я звонил в Москву каждую неделю. И, к счастью, дождался того времени, когда он смог приезжать ко мне, учил его играть в теннис и планировал жизнь исключительно из расчёта, что сын не будет жить в России.

Марина, моя экс-супруга, так много сделавшая для моей эмиграции, вывезла, по существу, меня из Москвы в Лондон. Наверное просто потому, что отчаянно влюбилась. Моя дочь родилась в Лондоне. Затем любовь кончилась, а жить без любви с отцом ребёнка Марина не могла. И мы оба помним, как наша дочь в три года плакала: «Мама, не выгоняй папу! Я хочу папу!». Я сожалею о многом в период нашего расставания, но не могу не испытывать постоянного чувства благодарности к Марине, которая вытолкнула меня в эмиграцию, изменившую мою жизнь.

Моя дочь плохо говорит по-русски. Но мы общаемся. Наше биологическое родство со временем переросло в душевное. У неё прекрасный отчим. Она зовёт его «дэди». А меня, когда мы встречаемся, папа! Мы дурачимся, разговариваем на нашем особом русском языке и понимаем друг друга. Моя дочь признаётся, что говорит по-русски только со мной. Мы смотрим фотоальбомы тех лет, и каждый из нас вспоминает своё! Я, больше с горечью, думаю, как мне нелегко было по выходным дням забирать её и всё свободное время после трудовой недели посвящать ей. С шести утра я слышал: «Папа, вставай! Идём играть в теннис! Идём гулять! Я хочу в парк!». Я и сейчас ненавижу детские площадки. Она, наверняка, помнит всё иначе! Мы со смехом вспоминаем, как однажды я отшлёпал её, когда она вздумала поддразнить меня! На мой строгий запрет выходить на проезжую часть, делала это назло мне и ждала моей реакции! Правда, тогда было не до смеха!

Сын мой только на подходе к тому, когда отец из абстрактного гена превращается в друга. Но и с ним мы прошли пик трудностей в наших отношениях. Сейчас они всё более доверительные и близкие. У меня с сыном глубокая духовная и интеллектуальная связь, которой я очень дорожу.

Эти параллели я провожу, чтобы полностью и окончательно согласиться с князем: горько, когда физиологическое отцовство не состоялось, но совсем не потому, что некому оставить наследство – материальное или духовное. Без детей моя жизнь была бы неполноценной. Хотя, конечно, для людей творческих, созидательных, берегущих время, а значит, эгоистов и эгоцентристов, цена отцовства часто оказывается слишком высокой. Так что продолжаю настаивать: вопрос о наследстве в отцовстве последнее, о чём стоит сожалеть.

Генетическая же привязанность князя к России, как я могу предположить, возможно, не проявление патриотизма, а то плацебо, которое заменяет несостоявшееся отцовство. Нет, я совсем не исключаю привязанность к исторической родине. Это очень сильное, щемящее чувство. Мне это близко, хотя я был в

Израиле лишь однажды! Необъяснимым образом, сопротивляясь проявлениям ортодоксальности, но помня своё советское прошлое, связанное с антисемитизмом, я чувствую там свои генетические корни. Князь ездит в Россию регулярно, потому, что его чувства питает к счастью не исчезнувший род Рюриковичей. Но как реализуется эта его генетическая привязанность?

Дом в Филях – веха для князя! Это и мемориальный музей, и музей-квартира. Задача музея – показать историю Российского государства через жизнь и деятельность рода князей Лобановых-Ростовских. Музей символизирует возвращение этого рода после долгих лет эмиграции в Россию, в Москву Князя назначили внештатным хранителем дома-музея. Там он работает, принимает гостей и проживает во время его визитов в столицу.

Музей размещается во вновь построенном доме из камня, облицованного брёвнами с обеих сторон, что придаёт музею вид деревенской усадьбы. На первом этаже три экспозиционных зала. Зелёный зал, в котором развешаны семейные портреты. Под ними в витринах выставлены книги и реликвии, подаренные основателем музея. На стенах висят гравюры с видами Москвы и Петербурга, старинные карты империи. В центральном, Красном зале экспонированы 40 гравюр-портретов Романовых с их генеалогической таблицей, и полководцев, служивших во славу Российской империи. Синий зал посвящен князю и его ближайшим родственникам. На начальном этапе Никита Дмитриевич передал музею 90 обрамлённых старинных гравюр и дюжину портретов, написанных маслом. На верхних этажах размещены 50 театральных работ и произведений художников 1920-х годов, которые отражают вкусы и предпочтения коллекционера Лобанова! Надо отметить, что Никита Дмитриевич уже переправил сюда из Лондона 140 экспонатов. Он продолжает пополнять фонд музея семейными реликвиями. Так что Москва никак не проиграла, выстроив за свой счёт помещения в парке и предоставив их под усадьбу 33-му отпрыску рода Рюриковичей.

Но вот итоги усилий Никиты Дмитриевича по оборудованию этого дома-музея, наполнению его экспозициями меня настораживали недаром. Взглянем на эту акцию властей Москвы объективно. Музей состоялся исключительно потому, что князь сумел найти ключ к мэру Лужкову и московскому правительству. Вот и всё. Иначе говоря, он в очередной раз попробовал доказать, что в коррумпированной России можно договариваться с властями. Это не укрылось от внимания журналистов. Один из корреспондентов уже после открытия музея даже укорил князя: мол, вам на российских политиков грех жаловаться, к примеру,

вам презентовали только что отстроенный дом в Филевском парке рядом со спортивным залом, которым пользуется президент. Князь ничуть не смутился и объяснил всё на пальцах:

– Предоставили в пожизненное пользование, чтобы я показал в экспозиции историю российского государства через жизнь и деятельность князей Лобановых-Ростовских.

– А дворцы и другое имущество вашей семьи вам не хотят вернуть?

– В России нет закона о реституции. Россия никому ничего не вернула и не собирается возвращать. Мне предлагали верхний этаж нашего дома в Москве, но не в порядке реституции, а на условиях пожизненного пользования. Понятное дело, от такого предложения я отказался.

Похожая ситуация сложилась и в Петербурге. Лобановский дом, то есть тот самый дом со львами, воспетый Пушкиным в «Медном всаднике», где, «как живые, стояли львы сторожевые», ныне перестраивается под отель «Four Seasons – Pulse». В один из своих приездов князь попытался попасть туда, когда увидел, что он находится в строительных лесах. В газетах он прочитал, что дом теряет первоначальный облик. Власти же уверяют, что следят за происходящим на стройке. Никита Дмитриевич настроен скептически. И объясняет свою позицию просто:

– Объективно Петербург является мировым архитектурным достоянием, и не случайно этот дом строился Монферраном вме сте с Исаакиевским собором. Так что любое вмешательство в архитектуру говорит не в пользу Петербурга. Я уверен, что такие дворцы нужно передавать в частный обиход, как это делает Франция, и очень удачно, поскольку государство не способно их поддерживать. Что делает Франция? Она сдает дворцы в аренду и обязывает делать ремонт. Легко было бы повторить то же самое и в России, но, видимо, это трудно сделать в государстве, где юридическая власть подчинена гангстерам, которых почему-то называют бизнесменами, и где коррупция съела все сверху донизу. Поэтому даже если и будет хороший закон по поводу памятников, гангстеры дадут взятку и сделают что хотят. Страшно и жалко, что творение Монферрана будет изменено.

– Вы не хотели ваш дом выкупить?

– Мне это предлагали лет шесть назад – хозяин его сидел в тюрьме и просил 3 миллиона 200 тысяч долларов. Но ежегодное содержание обошлось бы мне еще в миллион. Тогда этот дом казался коммерчески бесперспективным – потолки там высотой всего 3,25 метра, это слишком низко, чтобы сделать второй этаж, и количество комнат недостаточно для гостиницы. Кто же думал, что в Москве у Большого театра появятся отели, где номер будет

стоить 16 тысяч долларов в сутки и любые расходы окупятся? В тот момент я отказался.

– Да, факт в истории зафиксирован: в Москве существует Дом-музей Лобановых-Ростовских на территории Парка культуры и отдыха «Фили». Но, оказывается, он… не функционирует, потому что и по сегодняшний день весь этот объект не закончен. Более того, Дом-музей построен по постановлению правительства Москвы в 2001 году. А спустя семь лет, начиная с 2008 года, кое-кто в правительстве Москвы приглядывается к этому лакомому куску земли в Филёвском парке. Дельцы хотят его «приватизировать», а Музей оттуда убрать. Они уже предложили Лобанову переехать в Царицыно затем, чтобы что-то иное построить в Филёвском парке в «Городе мастеров». И получать с нового строительства откаты.

– Меня как будто спасал прежний мэр Лужков, – с горечью замечает Никита Дмитриевич в нашей беседе. – Но теперь его «ушли» и, я думаю, меня оттуда выживут. А судиться в России мне невозможно, потому что независимого правосудия там не существует. Поэтому я не смотрю на свое проживание в Филёвском парке с оптимизмом. Жду со дня на день!

Спрашивать, обидно ли – просто сыпать соль на рану! Но об этом чувстве Никита Дмитриевич сам сказал в одну из последних наших встреч:

– Увы, боюсь, что мне скоро придется эвакуировать музей. В парке Фили новое руководство. Всё меняется. Похоже, там собираются сносить «Город мастеров», в одном из домиков которого мы и находимся. А жаль! Тут был хороший культурный центр, по соседству были кружки для детей, они занимались гончарным ремеслом, резьбой по дереву Непонятно, почему эти здания не используются! Сюда вложено столько денег. Есть открытый театр, конференц-центр, гостиница с рестораном. Новому мэру Собянину я вручил лично письмо на эту тему, когда прочитал газетную статью с сообщением, что «Город мастеров» будет снесен. Но так и не получил никакого ответа.

Впрочем, время уже внесло поправку. Когда книга была готова к печати, князь получил-таки ответ. И совсем не за подписью мэра Собянина! Вот конец его: «В настоящее время ведутся судебные процессы между парком и ООО «ИНТЭС». Учитывая изложенное, полагаем целесообразным, уважаемый Никита Дмитриевич, рекомендовать Вам вывезти экспонаты и личное имущество из помещения Дома-музея». Этот «приговор» подписала Елена Борисовна Струшкова из Отдела культуры правительства Москвы аккуратно под новый год 27 декабря 2011 года. Иначе назвать это письмо (отправленное в качестве

новогоднего поздравления, что ли?) язык не поворачивается. Особенно, если вспомнить, что это здание в Филёвском парке князю предоставили «в пожизненное пользование»!

Насколько мне известно, Никита Дмитриевич в добром здравии: 6 января 2012 года он отметил своё 77-летие! Я встретился с ним в этот день вечером в «Пушкинском Доме» и готов доказать в самом строгом суде Елене Борисовне – жив, жив потомок Рюриковича в 33-м поколении! Хотя и признаётся, что за свой счет в России ничего серьезного теперь не предпринимает. «Здесь нужно быть очень крупным жуликом, чтобы чувствовать себя, как дома» – с горечью говорит он. С горечью ещё и потому, что ему надо срочно найти крышу для сокровищ, которые он поторопился переправить на историческую Родину. И снова у меня вопрос: надо ли реализовывать генетическую обязанность, которую он ощущает к такой стране, как Россия в таких формах? Ответ напрашивается сам собой.

«Еврейский вопрос» в русском характкере

Потомственный князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – один из тех, чей род, составляющий славу России и уничтоженный большевиками – Аубеждён, что продолжает «строительство России», живя за рубежом. Он всегда говорил, что ощущает генетическую обязанность перед Россией, хотя жить в России не хочет. Много лет он отказывался принять российское гражданство. А у меня вызывают восхищение русские эмигранты, которые родились с геном строителей России, создателей ее богатств, которые сохранили веру в великом своем терпении и ожидании перемен. Может быть, эта вера – род ностальгии! Но, так или иначе, не занимая никаких политических постов, эти люди верят, что способны влиять на ход событий в России.

Сразу скажу, что я ощущаю генетическую связь с еврейским народом. Про генетическую обязанность не знаю, но привязанность определённо чувствую. Народ Никиты Дмитриевича, в основном, проживает в России, а мой народ рассеян по всему миру. Князь, надо полагать, хочет вернуть России не только утраченные культурные ценности, но и собрать в метрополии всё, что создавали русские художники за рубежом. Мне кажется, картины Марка Шагала, Амедео Модильяни, Льва Бакста, Марка Ротко, Хаима Сутина и других художников из-за их еврейского происхождения совсем не должны переселяться даже в Израиль, не говоря уже о России. Они, по-моему, вполне уютно чувствуют себя в музеях Парижа, Нью-Йорка и других городов мира.

Выскажу даже крамольное мнение: задача возвращения в Россию культурных ценностей, оказавшихся на Западе, выглядит искусственной. Одно дело – объединение произведений русского авангарда в единое собрание, как, например, коллекция Лобановых-Ростовских, и совсем другое – попытка переселения с Запада всех сокровищ только на том основании, что они были созданы там русскими мастерами. Почему не может существовать параллельно Искусство русского Зарубежья и Искусство русской Метрополии? Неубедительна и попытка выделения еврейского направления в русском авангарде. Да, среди первооткрывателей русского авангарда оказалось непропорционально много художников еврейской национальности. Но искать единую еврейскую творческую программу у таких разных мастеров, как Шагал, Ли-сицкий, Модильяни, Ротко, Сутин, Бакст – сильная

натяжка. Такой программы, скорее всего, в их творчестве не существовало. Они ставили перед собой какую-то общую для всего направления русского авангарда эстетическую задачу. В ее решение, наверняка, накладывался отпечаток еврейского происхождения мастера. Анализировать данные признаки в творчестве авангардистов-художников – интереснейшая тема для исследователя. Но эта частная тема явно не сообразуется с попыткой, скажем, организаторов выставки «Священное. Художественное. Эстетическое» в хайфском музее Мане-Каца называть того же Марка Шагала деятелем еврейского авангарда в России…

Саша Шлепянов, собиратель художников Парижской школы, насколько мне известно, озадачился исследованием, цель которого попытаться проследить и объяснить, почему среди этих художников так много евреев и как их национальность влияла на творчество. Немного зная Шлепянова, думаю, что его подход будет таким: он попробует проследить путь к успеху, с одной стороны, русских (евреев) художников Парижской школы, а с другой – их собратьев в СССР, которые пытались выжить в казарменных условиях соцреализма. Русские (еврейские) парижане развивались свободно. Их талант не «направляли» ни партия, ни правительство, ни газета «Правда». И каждый смог выразить все то, что было ему даровано Богом. По-моему, это направление исследований гораздо конструктивнее, чем поиск национальной идеи у художников-евреев Парижской школы.

Почему же в наших продолжительных беседах с Никитой Дмитриевичем я в какой-то момент вообще обратился к «еврейскому вопросу»? Я спросил его, верит ли он, что русскому народу свойствен антисемитизм. Верит ли он в генетическую предрасположенность евреев к интеллектуальной и финансовой деятельности. И показал ему некоторые выдержки из «Дневника Достоевского», звучащие весьма современно и которые он не читал.

Вот ответ князя:

– Я так много удовольствия испытывал от общения с коллекционерами, художниками еврейской национальности, их родственниками, с еврейскими женщинами, что мне трудно не любить евреев.

Сомневаясь в правомерности суждения – любить или не любить евреев – в случае с князем нельзя не прислушаться к его позиции. Опыт общения с людьми еврейской национальности у него, в самом деле, огромный. В более чем двухтысячном списке имён в сборнике «Эпоха. Судьба. Коллекция», составленном Лобановым, особенно на биографических страницах, читатель

найдёт множество еврейских фамилий. Объясняется это тем, что князь в своей жизни занимался банковским делом, продажей и покупкой бриллиантов, предметов искусства, работал в аукционных домах «Сотби» и «Кристи». Таким образом, ему, православному русскому, приходилось ежедневно встречаться с евреями, общаться с ними, дружить, расходиться. Вот и выходило, что «еврейский вопрос» он никак не мог игнорировать.

У меня же в период подготовки к этой книге проблема отношения к евреям вылезла сама собой. Сначала я познакомился с книгой Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик», которая отвергала этот «вопрос» как таковой: мол, нет такого вопроса, а если есть, он неправомерен и надоел. Тут комментировать нечего! Но спустя день я ехал в метро и читал «Дневник писателя» Достоевского в издании «Азбука классики». Открыл наобум 277-ю страницу дневников 1876 года за март месяц и замер: глава вторая была озаглавлена «Еврейский вопрос». Так что вопрос, конечно, есть. Ответы на него разные. Достоевский утверждает, что «русские угнетены несвободой, бесправием и бедностью», а «мироеды-евреи» обирают мужика. Потому «ограничение их в правах с этой стороны справедливо». Иначе евреи «окончательно погубят мужика, выбравшегося из-под влияния общины». При этом, Достоевский признаёт, что «с христианской точки зрения евреев надо уравнять в правах с другими племенами, населяющими Российскую империю».

Ту же двойственность можно увидеть и в Куприне, который, с одной стороны, публично вступался в «Деле Дрейфуса», «Деле Бейлиса» за евреев, а с другой, в частной переписке с другом, признавался, что евреев не любит. В случае с Куприным для меня важно то, что публично он выступил против антисемитизма. А в частной жизни это его право – принимать ли евреев у себя в доме или избегать с ними тесного общения…

Читая же «Дневники», легко убедиться, что Достоевский унижает именно русский народ: «Если и есть дурные качества в еврейском народе, то единственно потому, что сам русский народ таковым способствует, по русскому собственному невежеству своему, по необразованности своей, по неспособности своей к самостоятельности, по малому экономическому развитию своему. Русский-де народ сам требует посредника, руководителя, экономического опекуна в делах, кредитора, сам зовёт его, сам отдаётся ему. Посмотрите, напротив в Европе: там народы сильные и самостоятельные духом, с сильным национальным развитием, с привычкой давнишней к труду и с умением труда, и вот там не боятся дать все права еврею!»

При всём несогласии признавать русский народ «слабым,

неразвитым и потому становящимся такой лёгкой добычей евреев», жизнь на Западе последние четверть века поменяла моё представление о таких взаимоотношениях евреев с коренными народами. В одной из лондонских телепередач совсем недавно англичане с восторгом говорили о роли эмигрантов в жизни страны. В частности, участники программы приводили очевидные факты: если бы не было евреев-эмигрантов, не было бы теперь уже типично английской еды «фиш энд чипе», не было бы «Макс энд Спэнсер», много чего не было бы в благословенной Англии.

А вот мнение князя, как бы продолжающего тему «еврейский вопрос»: «Да, я уверен в генетическом превосходстве евреев».

Не знаю, как насчёт генетического превосходства. Я склонен думать, всё-таки, что тут дело в исторической судьбе, вырабатывавшей у этого народа предрасположенности к определённым видам деятельности. Объяснить эти предрасположенности – задача исключительно увлекательная. Как мне кажется, именно угнетённость, безысходность толкала евреев в советских условиях в теоретическую физику, в математику, в шахматы и другие интеллектуальные сферы. Потому же, например, евреев, увлечённых экспериментами с цветом, линиями, пространством, по сравнению с другими нациями, оказалось больше среди тех, кто занимался живописью. Оттого так велик их вклад в модернистских течениях, в абстрактном искусстве.

Я думаю, антисемитизм в современной России сохраняется, если исходить из тех же оправданных опасений, о которых писал Достоевский. И предрассудки тут вполне объяснимы. Я посмотрел телевизионную программу 90-х годов с участием князя Лобанова-Ростовского в Москве. Ведущий был крайне насторожен к иностранному гостю и никак не мог поверить, что он русский человек. А всё потому, что исходил из привычного: только еврей может быть банкиром, алмазами торговать, в живописи разбираться! Не бывает такого!

Я поделился впечатлениями с Никитой Дмитриевичем, полагая, что ведущий московского телевидения испугался князя, совсем не понимая его:

– А представляете, – смеялся я, – какое тому ведущему будет облегчение, если у Вас обнаружатся еврейские корни! Всё у него в голове встанет на место!

И тут я стал размышлять о реституции. Случись она сегодня в России, князь, по линии дворян Вырубовых, среди прочего, мог бы унаследовать, например, Клеймёново, имение Фета, к которому имеет непосредственное отношение прямая родственница Лобанова, Галахова-Шеншина, также являющаяся и

родственницей Тургенева… Для юдофобов – настоящий Клондайк! Толстые, а Фет дружил с Львом Николаевичем, считали его евреем. Старший сын писателя, Сергей Львович, прямо писал: «Наружность Афанасия Афанасьевича была характерна: большая лысая голова, высокий лоб, черные миндалевидные глаза, красные веки, горбатый нос с синими жилками… Его еврейское происхождение было ярко выражено, но мы в детстве этого не замечали и не знали… С одной стороны, он – нежный и ангелоподобный поэт, с другой – сильный и властный человек, домовитый, прижимистый.» А Тургенев смеялся над Фетом: «Он с такой интонацией произносил целковый, даже цалковый, что уже кажется, – будто он его в карман положил».

Стало быть, рассуждал я, если Фет – еврей, значит, и у князя вполне могут быть еврейские корни. По бабушке с материнской стороны Галахова-Шеншина была племянницей и наследницей Фета. Следовательно князь, вполне мог бы унаследовать и тургеневское имение Спасско-Лутовиново. Усадьбу Тургенева, по праву родственницы писателя, Галахова-Шеншина отсудила и выкупила у Полины Виардо и не допустила перевоза тургеневских вещей, книг и рукописей за границу.

А вот как отреагировал на эти мои рассуждения сам князь: «Спасибо, Эдуард, за то, что вы, может быть, сможете убедить читателей, что у меня есть еврейская кровь. Это мне будет очень на пользу, ибо, будучи русским дегенератом, вдруг многие из соотечественников тут начнут меня уважать, а в Нью-Йорке принимать за своего. Знал бы все это, не покидал бы Нью-Йорк, а сейчас загорал на Брайтон-Бич, вместо того, чтоб сидеть в холодном и дождливом Лондоне». Мало того, мои предположения Никита Дмитриевич переслал в Париж своим родственникам.

Вот комментарий племянницы князя, Марии Трубниковой:

> «Très amusante remarque… et je connais depuis 20 ans ces bavardages épistolaires de Tourguenieff, peut-être un peu justes à écrire dans un livre si celui-ci se veut sérieux! Nul ne sait vraiment si Fet est le fils de son père officiel ou celui de Foeth, si ce dernier était ou non juif et si Charlotte, notre aïeule commune, l'était ou non! Lorsque j'avais raconté à maman les commentaires de Tourguenieff, sa réaction avait été de dire que les mélanges sanguins étaient habituellement enrichissants et que quelque gouttes de sang juif ne pouvaient que nous être bénéfiques! J'ajoute que bien que la curiosité soit un vilain défaut, comme on dit en français, et que le sujet est vraiment mineur j'ai demandé à l'un de mes

petits-neveux parlant allemand et adroit en informatique d'essayer de trouver à Darmstadt les origines de Charlotte, il m'a écrit en début de semaine qu'ayant terminé ses examens il allait s'en occuper – peut-être saurons-nous bientôt si nous avons ou non ces quelques gouttes de sang. Quant aupauvre Fet, je pense qu'il a eu assez de malheurs matériels en début de vie pour avoir appris à se soucier des problèmes matériels et sa relation, je crois réelle, à l'argent peut avoir bien d'autres causes qu'une origine juive!..

Tselouiou Tebia et June

Mania

«Весьма занятное замечание… Да, я знаю об этих разговорах из писем Тургенева. Может быть, было бы правильным написать о них в книге, если кто-то всерьез этим заинтересуется. Никто на самом деле не знал, был ли Фет сыном того, кто официально считался его отцом, или сыном Фета (Foeth), и был ли этот Foeth евреем, и была ли еврейкой Шарлотта (мать Фета. – Э.Г.), наш общий предок. Когда я рассказала маме комментарии Тургенева, она отозвалась, что кровные смешения обычно являлись фактором обобщающим и что пару капель еврейской крови пошли бы нам лишь на пользу! Добавлю, что хотя, как известно, «любопытной Варваре…», тема в общем-то пустяшная, но я попросила одного из своих внучатых племянников, который говорит по-немецки и понимает кое-что в компьютерах, поискать в Дармштатте и выяснить происхождение Шарлотты. Он ответил, что как только сдаст экзамены, займется моей просьбой. И, быть может, скоро мы узнаем, есть ли у нас в крови и пара таких капель. Что же до бедного Фета, полагаю, что в начале его жизни у него было немало материальных трудностей, чтобы он стал беспокоиться о такого рода вещах. А его особенное, правду сказать, отношение к деньгам, могло иметь совсем другие причины, чем еврейское происхождение!

Целую тебя и Джун.

Маня»

Завершу тему предполагаемого еврейства князя его замечаниями об Израиле. К моему удивлению, князь не хотел туда ездить, чтобы не подвергать себя опасности. Но с израильским корреспондентом он однажды встретился. И попробовал ответить на вопрос, почему, к примеру, Англия призывает к бойкоту израильских товаров, учёных, кинофильмов. Только ли растущая в стране мусульманская община в этом виновата? Князь тогда отвечал так:

– Антиизраильские настроения в политике Соединённого

Королевства основаны на так называемой «политической корректности», которая ныне в моде. Общество поддерживает мусульманскую общину, составляющую 3 процента избирателей! А евреи дают только 0,5 процента! Я не бывал в Израиле. Но принципиально я не люблю теократии, включая Иран и Саудовскую Аравию. Меня гораздо больше волнует противостояние между Израилем и Ираном. Администрация Нетаньяху неизбежно совершит выборочную агрессию на атомные объекты в Иране. Для Израиля это жизненный вопрос и другого выхода нет, ибо Ахмадинежад неоднократно высказывался, что одна из целей его администрации – уничтожение Израиля. Беда в том, что агрессия Израиля сплотит иранский народ с Ахмадинежад ом. А это приведёт к увеличению террористических актов во всём мире, а главным образом в англосаксонском, где я провожу большую часть времени. Я не думаю, что Обама поспешит посылать американскую военную помощь, ссылаясь на экономические трудности в Соединённых Штатах. Для России же бомбёжка Ирана будет манной небесной. Цены на нефть неизбежно повысятся до 140–150 долларов за бочку, что выручит Россию в нынешних бюджетных затруднениях.

Эти рассуждения забавны тем, что князь с вдохновением рассказывал мне, как он на одном из диспутов поддержал именно антиизраильские настроения, о которых из-за той же политкорректности по мнению Никиты Дмитриевича, никто не хотел говорить! И как публика благодарила его после выступления и выражала солидарность.

В том нашем разговоре, как мне показалось, он провоцировал подозрения в его еврейских корнях и одновременно в его антисемитизме и великодержавном шовинизме. Кстати, в его выступлениях без труда можно отыскать множество пассажей, посвященных русскости того или иного художника, русскому патриотизму, величию России. Впрочем, именно князь познакомил меня вот с этими высказываниями о «великом русском народе», переслав мне их по интернету:

Федор Достоевский: «Народ, который блуждает по Европе и ищет, что можно разрушить, уничтожить только ради развлечения».

Михаил Булгаков: «Не народ, а скотина, хам, дикая орда душегубов и злодеев».

Иван Тургенев: «Русский есть наибольший и наинаглейший лгун во всем свете».

Татьяна Толстая, писатель и телеведущая: «Страна не такова, чтобы ей соответствовать!.. Ее надо тащить за собой, дуру толстожопую, косную! Вот сейчас, может, руководство пытается

соответствовать, быть таким же блядским, как народ, тупым, как народ, таким же отсталым, как народ».

Валерия Новодворская, публицист: «Русские в Эстонии и Латвии доказали своим нытьем, своей лингвистической бездарностью, своей тягой назад в СССР, своим пристрастием к красным флагам, что их нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию. Их положили у параши и правильно сделали. А когда Нарва требует себе автономии, для меня это равносильно требованию лагерных «петухов» дать им самоуправление».

Иван Шмелев: «Народ, что ненавидит волю, обожает рабство, любит цепи на своих руках и ногах, грязный физически и морально… готовый в любой момент угнетать все и вся».

Иван Аксаков: «Ох, как тяжко жить в России, в этом смердючем центре физического и морального разврата, подлости вранья и злодейства».

Так кто же такой князь?

Среди когорты блистательных советских актёров меня всегда привлекал Евгений Александрович Евстигнеев. Я был убеждён, что он «мальчик из хорошей семьи». Да, слышал, что пил, но кто из наших интеллигентов не пил! По тому как достоверно он играл царей и профессоров, я не сомневался в его происхождении. Каково же было моё удивление, когда совсем недавно я узнал, что Женя Евстигнеев – парень из деревни под Нижним Новгородом, что, перебравшись в город, он работал слесарем на заводе, играл в оркестре на ударных инструментах и жил в своё удовольствие. Совершенно случайно в фойе кинотеатра его услышал директор театрального училища. Вернее, увидел, как вдохновенно играл этот парень и предложил ему учиться на актёра. Впрочем, Евстигнеев, уже став знаменитым актёром, свою артистическую среду не жаловал. В приятелях у него было два человека: директор гастронома и слесарь из ремонтной мастерской! По сути, он остался тем самым слесарем на заводе, игравшим в фойе кинотеатра. Когда же, вычленив деревенское происхождение выдающегося лицедея, я стал размышлять о его даровании, мне открылась суть творимого им на сцене: играл Евстигнеев блистательно, потому что был выдающимся русским скоморохом. Скоморошество досталось ему от рождения, ибо оно присуще русскому национальному характеру. И вот тут выскажу одно соображение, которое ставит всё на свои места в высказываниях и поступках князя. Объяснение у меня одно: 33-й потомок Рюриковичей – скоморох!

Для начала, разберёмся, кто же такой скоморох. Скоморох – персона, чья странность и чужеродность искупаются за счет откровенного социального служения. Он – представитель иного мира почти в той же самой мере, что и юродивый. Поэтому с точки зрения публики, узурпирование им права на нарушение границ и правил общественного поведения вполне естественно. Скоморошество – это антимир перевернутых норм и связей, который выражается речью, одеждой, действиями. Сущность скоморошества заключается в нарушении принятого порядка вещей, в антиповедении. Скоморох берет на себя смелость заявлять о том, что принято считать неприемлемым, тем самым доказывая, что свобода возможна даже в условиях жесткого запрета. Говоря научным языком, в этом заключается катарсис скоморошеского зрелища и квинтэссенция его аттрактивности. Тут же обнаруживается и точка соприкосновения скоморошества с юродством. Ведь не случайно юродивый так часто заимствует

скоморошеское поведение. Для своих целей скоморох выбирает тематику, максимально противоречащую нормам благочестия: скабрезные шутки, ненормативную лексику, пародийное воспроизведение сцен половых актов и телесных отправлений, непристойные выходки. Акт нарушения порядка, насмешка над ним, предполагает вступление в противоречие с его устроителями и носителями – лицами, наделенными властью.

Но если в России Рюриковичей, да и после них, вплоть до революции семнадцатого года, скоморохи лицедействовали перед властью, которую составляли князья, бояре, представители правопорядка, служители церкви, то в России современной скоморошествует и юродствует сам национальный лидер. Располневшего политолога на публике он укоряет «в упитанности», европейских партнёров – что они «в штаны наложили», недовольных граждан называет бандерлогами, а их белую ленточку, символ движения «За честные выборы» – сравнивает с контрацептивами. Накануне выборов объявляет о списании с граждан несобираемых налогов на миллиард баксов. Ему бы покаяться, что его налоговики «дали маху», обирая соотечественников, а он представляет это как акт милосердия. Навязывая себя в президенты на третий срок, лидер-скоморох изобретательно глумится над избирателями: то публично демонстрирует, что ему все по плечу, а то исповедуется, жалуется, что работа у него противная, молит: «пожалейте меня!», корчит из себя «раба на галерах».

А теперь поясню, почему провожу такую параллель. Часто наезжая в Россию, князь подмечал, что «власть там всё делает напоказ!» Тем не менее, это не помешало Никите Дмитриевичу дать своеобразную оценку национальному лидеру: «история поставит Президента Путина в один ряд с Петром Великим и Екатериной Второй в его усилиях развернуть гигантскую и неповоротливую Россию лицом к Европе, стать её частью не на словах, а на деле».

Я нахожу, что эта характеристика – не что иное, как род скоморошества самого князя. Совершенно не смущаясь, он рассказывал мне, что в своих публичных выступлениях на заседаниях и встречах в Москве то и дело напоминает затейника. Поглядев же в интернете некоторые его выступления, я убедился, что князь на потеху слушающих и смотрящих, к удовольствию показывающих то «вынимал стул из-под губернатора», а то вдруг принимался со смирением благодарить власть за то или иное благодеяние её по отношению к сообществу русских эмигрантов! И я понял, что естество князя, его натура (хоть и родился вне России, и воспитывался на Западе) близка духу русского

национального характера, включающего скоморошество.

Эта моя догадка возникла неслучайно. Ведь на Руси юродство достигло расцвета, которого не знал ни греко-византийский, ни тем более, римско-католический мир. Уверен, князь слишком образован и сведущ, чтобы не помнить: из 36 юродивых, официально причисленных Церковью к лику святых, и множества юродивых, почитаемых в народе, но не признававшихся Церковью, только шестеро были признаны на христианском Востоке еще до крещения Руси. Европейцы, испытывающие призвание к юродству, переселялись в Россию, где пик расцвета юродства пришёлся на XIV–XVII века. В этот период, по выражению В.О.Ключевского, юродивый становится «ходячей мирской совестью, живым образом обличения людских пороков».

На Западе черты, сходные с юродством обнаруживаются лишь в образе св. Франциска Ассизского, называвшего себя «скоморохом Божиим». Ну, а ближайшие родственники князя, бежавшие на Запад из большевистской России, вывозили с собой в своих привычках и поведении элементы «карнавальной культуры», шутовства, скоморошества (к примеру, София привлекла эмигрировавшего деда князя церковным песнопением – его по воспоминаниям князя интересовали в жизни лишь музыка и православие; бабушка тоже чудила, легко «купившись» наугольные копи, которые ей показали мошенники, предварительно зарыв… несколько мешков с углём неподалёку от столицы Болгарии).

Так что с большой долей вероятности можно предположить, что у князя склонность к скоморошеству проявилась не случайно. И именно в то время, когда он ребёнком в 11 лет попал в тюрьму, когда вышел на волю и голодал, когда они с матерью снова могли исчезнуть в одно мгновение – советская власть зорко следила за только что выпущенными из тюрьмы. И надо было извернуться, не попасться, выжить. Приходилось продавать вещи в школе, встречаться с иностранцами и скрывать, скрывать то, что думал. С одной стороны, занимался плаванием и готовил себя к побегу, а с другой – помалкивал в школе на уроках истории партии.

Позже, работая в Советском Союзе, укрощал свою ненависть к Советам вживаясь в это общество, чтобы заключать выгодные кредитные контракты, умножать коллекцию. И тут князю приходилось прибегать к скоморошеству, юродствовать, чтобы покупать и продавать, менять и вывозить, наконец, устраивать выставки. Ради этого князь задумывал поэтапные ходы внедрения, угождал власти, подкупал её, осуществлял акты дарения… Приходилось считаться с таможенными барьерами, давать взятки, договариваться с посольствами… А какие испытания прошёл

князь, прежде чем ему удалось поместить свою коллекцию в Санкт-Петербурге! Не следует забывать, что путь этот начинался с преодоления цензуры даже на простое упоминание имени Лобанова-Ростовского! Пришлось идти на некоторую договорённость с ведомством КГБ (о чём я рассказывал в предыдущих главах). Это теперь кажется простым факт: Советы рухнули в одночасье! Да, многие в те времена понимали, что империя изжила себя. Но издыхание монстра заняло не одно десятилетие! А жизнь одна! Она проходит! Вот почему вместо скорого осуждения я пытался понять истоки скоморошества князя.

Со скоморошества также началось наше общение. В Ричмонд-парке, где мы встретились, князь устроил спектакль, сначала заплатив за чай в бумажном стаканчике, а затем сообщив мне, что я зря теряю время – он ведь, не намерен оплачивать мне… потраченные на беседу часы! И потом отговаривал меня от затеи писать эту книгу, неоднократно напоминая, что не планирует финансировать её издание. Так что, повторюсь, мои мысли о скоморошестве возникли не на пустом месте.

И я, и князь по времени рождения относимся к военному поколению, хотя нам не пришлось воевать. Но мы оба помним (князь намного больше, чем я) ту войну. Практичность и здравый смысл свойственен поколению, которое народилось после войны. Тут ещё можно говорить о здравомыслии в характере. А во время революции, войны, и особенно на войне сама история становится в каком-то смысле юродивым. Человеку деваться от нее некуда. В таких условиях, в такие исторические моменты юродство становится абсолютной нормой… Интересный случай произошёл с Николаем Гумилевым: в «Доме искусств» во времена военного коммунизма была вечеринка. Все пришли в свитерах, в лаптях, черт знает в чём. Но он явился… во фраке. Голод дикий, и он голодал, как все… И вот из-за сместившегося контекста норма превратилась в… юродство: поэт во фраке выглядел, как Железный Колпак (юродивый по имени Николка и по прозвищу Железный колпак в трагедии Пушкина «Борис Годунов). Другой пример: Клюев очень любил, уже будучи признанным поэтом, имея гонорары, появляться в крестьянском наряде. Нравилось ему шокировать общество…только и всего!

Я пишу о скоморошестве в характере князя без опасений, зная, что Никита Дмитриевич настроен по отношению к журналистам и литераторам весьма демократично. Не прощает он только невежества. Писать же о себе разрешает всё, что угодно. Потому привожу его беседу с корреспондентом, состоявшуюся в начале 90-х годов:

– А российское гражданство вам не предлагали, как многим в последнее время?

– Предлагали, но я отказался. Буду ждать, пока Россия переменит свое отношение к людям.

– Что вы имеете в виду?

– Россия до сих пор не отменила некоторые законы, которые могут подвести человека под репрессии. Правосудие не защищает деловых людей. Моральные качества российских партнеров – бизнесменов и политиков – оставляют желать лучшего. Я говорю о вымогательстве, о стремлении нажиться на партнере. Этим и объясняется отсутствие иностранных капиталовложений в Россию, несмотря на огромнейший экономический потенциал.

А спустя десять лет после этого интервью князь принимает гражданство. Оно было пожаловано Лобанову-Ростовскому решением президента Российской Федерации за особые заслуги перед Отечеством. Более того, при вручении паспорта гражданина РФ князь признался, что решения о предоставлении гражданства он ждал полтора года и очень счастлив, что ему оперативно выдали паспорт – всего за три дня. В письме же, адресованном Президенту Российской Федерации, князь пишет: «Благодарю Вас за дарованное мне Российское гражданство, которым я очень горжусь и дорожу». Как это объяснить? Изменением демократического лица России невозможно: оно не изменилось, а если изменилось, то только в худшую сторону. Впрочем, Никита Дмитриевич нашёл объяснение: ему стало неловко защищать интересы русских эмигрантов в Российских общественных организациях и слышать упрёки, что сам он не гражданин России. Чистое скоморошество!

О князе Лобанове-Ростовском в Интернете при желании можно найти горы материала. И в пору активной деловой жизни, и сейчас, будучи на пенсии, Никита Дмитриевич охотно даёт интервью. Забавно, что он не противится и легко разрешает публиковать о себе любые скандальные материалы. Скоморошество чистой воды! И оно имеет объяснение. Похоже, забвение для князя хуже всяких домыслов, скандалов и недобросовестных суждений. Потому и вьются «разбойники пера» вокруг него постоянно.

Я из своего опыта общения могу засвидетельствовать: князю можно задавать любые вопросы без всяких опасений обидеть его. Другое дело, как отмечал философ А.Пятигорский, те, кто думает, что можно задавать любые вопросы с целью прояснить нечто, ошибаются: вопрос сам по себе может свидетельствовать, что спрашивающий не успел осознать ситуацию и тогда это реакция непонимания, а вовсе не попытка понять. Так случалось, когда я

пробовал получить однозначные ответы в беседах с князем.

Личность князя в высшей степени противоречива. Кто наш герой – русский патриот или русофоб? Кем его считать – завзятым и злобным антисоветчиком или циничным прагматиком? Почему он с такой готовностью говорит о том, что думает о евреях, которые плотно окружали его в годы собирательства, службы и даже в личной жизни? И почему он с такой радостью отнёсся к моим попыткам отыскать в его роду еврейские корни?

Кое-что поясню, прежде всего, в его поведении. Свою скупость он не только не скрывает, а преувеличивает нарочито и при всяком удобном случае. На самом деле и меценатствует, и дарит много. Тонкую романтическую душу скрывает дикими анекдотами и лихой матерщиной. Где всего этого набрался мальчик, имевший и гувернёров, и домашних учителей? В тюрьме, посидев полгода с уголовниками. С той поры научился скрывать свою родословную и козырять ею лишь в нужных случаях. Иначе говоря, скоморошествовать! В рамках скоморошества становится наивным и вопрос: что для князя важнее, выгода или принципы? Выше я рассказывал как он, будучи ростовщиком, давал взаймы Советскому Союзу, иначе говоря, поддерживал режим, ограбивший его семью, выбросивший её за границу, наконец, убивший его отца. Такой вопрос задала ему однажды корреспондентка газеты «Совершенно секретно». Вот ответ князя: «Конечно, в моей душе был конфликт. В Москве с 1962 по 1979 годы я представлял интересы одного из влиятельнейших американских банков. В 1977 году мы предоставили банку СЭВа триста миллионов долларов кредита. Он безупречно обслуживал долг. Но, работая в банке, я не мог не рекомендовать зарабатывать деньги на кредитоспособной стране». Конечно, с принципами в данном случае пришлось отступить – надо было выполнять служебные обязанности и думать об интересах американских банков, на которые работал князь.

В том же интервью пришлось отвечать и на вопрос о сотрудничестве с разными разведками: «Что касается связей с «органами», то коммерческими тайнами я с ними не делился». Возникает вопрос, а некоммерческими? Корреспондент не отстаёт и спрашивает: «При такой работе, связанной с сотрудничеством с разными разведками, трудно представить себе, что вы не имели дело с КГБ. Слухи такие, во всяком случае, ходили. Что вы на это скажете?» – «Естественно, за мою долгую жизнь я встречал сотрудников многих спецслужб. Также естественно, что я, человек, дававший взаймы СССР, представлял интерес для

таинственных господ из КГБ»… Не трудно заметить, что в ответе князя нет главного: отрицания, что он удовлетворял этот интерес! Наконец, следующий вопрос корреспондента должен был бы прояснить, на кого работал князь: «А ФБР, наверное, интересовалось людьми, с которыми вы встречались в Москве?». Тут князь пробует легко отшутиться: «Сотрудники ФБР – чрезвычайно занятая публика и на пустяки времени не тратят. Я был гражданином свободной страны, и ни один чиновник не мог заставить меня что-либо делать против моей воли». Когда же прозвучал вопрос о том, почему КГБ регулярно выдавал ему визы, и он даже останавливался в партийной гостинице, князь жёстко ответил, что никогда ничьим агентом не был, хотя вполне понимает причины появления слухов и сплетен. С визами однако не всё было просто: ведь не дали князю визу в 1984 году, когда он должен был присутствовать на первой выставке своей коллекции, организованной американским посольством в Москве. В партийной же гостинице останавливался… за небольшую взятку, которую охотно давал и которую охотно брали.

Все эти факты, связанные с дачей взяток, подкупами, оказанием услуг детям власть имущих, всё это вполне можно объяснить в деятельности князя в Советском Союзе и в России, если отбросить нормальную человеческую логику и принять князя, как скомороха. Тогда всё встаёт на свои места. Начал собирать коллекцию, потому что захотел иметь то, что увидел в Лондоне в 1954 году, впервые попав на выставку художников, работавших с Дягилевым. Иметь, это значит любоваться тем, что висит у тебя на стене всякий раз, когда ты захочешь. Но собранную коллекцию по соображениям безопасности, условиям для хранения можно было разместить только в специальном складе. Этот склад былнайден в Германии, где и хранилась коллекция до момента, когда она была продана России. Значит, иметь, чтобы любоваться – это вне логики. Тогда князь принимается объяснять коллекционирование, как страсть, которой подчиняется вся его жизнь. Потом захотелось подняться над страстью и пришло иное объяснение: Запад должен увидеть лицо другой России, которую он нарисовал себе – с ракетами и тоталитарным режимом. Для убедительности князь предал этот Запад со всеми его демократическими ценностями. Дальше – больше: в патриотическом порыве вдруг объявил, что почувствовал в себе некую генетическую обязанность перед Россией. С точки зрения логики, эта привязанность никак не вяжется с тем, что Россия извела род Лобановых-Ростовских, расстреляла отца, ускорила смерть матери и засадила его самого в тюрьму.

О своём скоморошестве князь, возможно, не догадывается. Но всегда с удовольствием говорит о судьбе, позволившей ему выбраться из того омута, в котором он оказался в начале жизни. И это та часть правды, которая совсем не противоречит скоморошеству. В одном из интервью журналистка спросила князя, часто ли сбываются его мечты.

– Не часто, но сбываются. Например, в январе 1954 года, на выставке театральной живописи Дягилевских сезонов я, в свои лет, решил создать подобное собрание. К счастью, мне удалось. Когда мне было 12 лет, я решил стать геологом, что и совершилось в 1960-м году. Но самое главное, я мечтал выжить, несмотря на репрессии коммунистической диктатуры, расстрел отца, угнетения матери, что привело к ее смерти. Все это породило во мне огромную злобу к советскому строю, которая была, наверное, главным двигателем в стремлении к успеху, как в спорте (я стал юношеским чемпионом Болгарии по плаванию на 100 и 200 метров брасом), так и в образовании (три степени в наипрестижных университетах мира), финансовой независимости после лет работы в ведущих американских банках.

Конечно, у меня (как у биографа князя) возник вопрос: а эта огромная злоба к советскому строю совсем не мешала сговору с ней, сговору, который вольно или невольно укреплял и продолжал жизнь Советов? Или на этот сговор князя толкала генетическая обязанность? Ведь много лет он не только помогал советской власти получать кредиты от Запада, но и привозил в Страну Советов дары, архивы и картины русских художников. Князь утверждает, что дарил не советской власти, а народу. Но ведь он-то лучше всех знает, что эта власть отняла у народа всё. И у княжеского рода тоже. Значит, вопрос в том, что получал князь взамен даров?

Всё, что хотел, но, прежде всего, признание. Его стали пускать на телевидение. Он завязал отношения в высших эшелонах власти. А тут уж выступал исключительно как патриот: мол, вся утерянная красота должна вернуться на родину. Потому и деятельность национального лидера сравнил с ролью в истории Петра Первого. И, в конце концов, был услышан: получил через министра культуры высочайшую резолюцию: «купить коллекцию Лобановых-Ростовских за 16 миллионов долларов». Однако после этого князь опять публично говорил и писал то, что думал: в России всё коррумпировано и власть продажна. Получив миллионы, преспокойно утверждал: деньги для меня не так важны, как выполнение генетической обязанности перед Родиной. Иначе говоря – я свободен и волен вести себя так, как считаю нужным.

И что же в итоге? Можно ли быть спокойным за коллекцию, которая являлась делом его жизни, после того, как она, наконец, оказалась на исторической Родине? Нет, потому что тут же выяснилось, что князь разместил коллекцию в России, которая не собиралась и не собирается выполнять на себя взятые обязательства по её сохранению. Как например летом 2010 года, которое выдалось аномально жарким. Коллекция, хранившаяся в запасниках в Петербурге, попала под эту жару, поскольку помещение осталось без кондиционера, обеспечивавшего необходимую температуру…

Теперь Никита Дмитриевич признаёт: если бы коллекция попала в Библиотеку Конгресса США, она была бы сохраннее. Для этого следовало набраться терпения, рисковать, ожидать решения, которое могло быть принято, а могло и не быть. Похоже, тут сыграла роль не генетическая обязанность, которую он испытывал к России, а трезвый расчёт: библиотека Конгресса – это синица в небе, а Константиновский Фонд – реальность и миллионы долларов. Да и таких славословий в адрес князя по поводу продажи коллекции России, в Америке он вряд ли бы дождался. Так что же, здравый смысл покинул князя? Нет и нет! Никита Дмитриевич сказал мне, что его первая жена, Нина, совладелица коллекции, возражала против продажи коллекции России. И тут же добавил: она права, и не отдаёт 200 предметов коллекции, которые ей принадлежат. Но если с ней хорошо поговорить, она отдаст.

В подтверждение же моим мыслям, когда книга была почти готова, князь любезно прислал мне одно интервью, данное им журналу, в котором уже без всяких оговорок сообщил, что жалеет, продав коллекцию России. Библиотека Конгресса предполагала сфотографировать все собрание, описать и сделать общедоступным в интернете. А вот это замечание вообще ставит крест на идее возвращения культурных ценностей современной России: «К тому же сейчас, я думаю, для русской культуры лучше было бы продать нашу коллекцию в США, где ценности хранят бережно».

И ещё одна сторона коллекционера. Кто он – собиратель или обиратель? И то, и другое, конечно. Собирал всеми доступными средствами. Ходил обирать со стодолларовой купюрой, чтобы ни при каких обстоятельствах не платить больше. Оправдывал себя всем: что вдова содержит кого-то и вовсе не бедствует, что картины хранятся на балконах, в подвалах и портятся и он спасает их. На самом деле понимал истинную цену приобретений и не брал на себя задачу просвещения наследников по части ценности того, что они уступали ему за смехотворные суммы.

Князя, между тем, по его утверждениям, считали чудаком, когда он стал собирать то, что валялось под ногами. Те же эскизы Гончаровой, Ларионова. Их можно было купить за два доллара. И он покупал. Его прозорливость оплачена с лихвой. Начав с обирательства, которое сопровождалось и скупостью, и расчётом, и даже мелочностью, он завершил замечательным меценатством. Впрочем, и с меценатством не так всё просто. Нищим, падшим и заблудшим он не помогает. Не стоят они того! А вот дать миллион для кафедры – значит увековечить своё имя! Медная табличка на дверях лаборатории с его именем – это дело! Тщеславен? Да. А что в этом греховного?

Для меня, тем не менее, князь Лобанов-Ростовский, хоть и скоморох, и обиратель, и расчётливый меценат, а всё равно – истинный русский патриот. Да, именно так – по содеянному он патриот! То, что принято называть русским искусством, как он полагает, должно быть рождено на российской почве, в условиях русской национальной и культурной традиции. Кстати говоря, художники, может быть, подсознательно смотрели гораздо дальше политиков, и импортированные идеологии, будь то марксизм или зачаточная «чуждая» демократия Временного правительства, плохо кончились. Художники знали: Россия смотрит только на самоё себя, во внутрь, – и разрабатывали художественные формы, будь то традиционные или авангардные, всегда уходящие корнями в русскую самобытность, народное и кустарное искусство. А по образу мыслей, роду занятий и даже внешне я увидел… еврея. Рюрикович в 33-м колене еврей?

На вопрос, который я поставил в этой главе – кто же такой князь: русский или еврей, однозначного ответа, как будто, нет. По образу мыслей, роду занятий и, даже внешне, еврей: прогуливаясь вместе по Ричмонд-парку, я взглянул в профиль на Никиту Дмитриевича и поразился его иудейскому облику. Известно, что любой русский интеллигент к старости становится похожим на еврея! Но ведь тут речь не только о внешнем сходстве!..

Не знаю, как объяснить мои чувства в связи с этой догадкой. Я же не отношу себя к тем, у которых первый вопрос: вы еврей или нет. Не выделяю евреев среди других наций, чтобы доказать их превосходство и генетически. Большой же процент интеллектуалов среди них пробую объяснить историческими причинами. В данном же случае, пытаясь разобраться в характере князя, ловлю себя на мысли: мне хотелось, чтобы творцом этой неординарной биографии был действительно еврей. Но, тут же меня охватывает почти мстительная гордыня: мол, и в чистокровности Рюриковичей есть сомнения. И там, возможно, наследило неугомонное племя!

Впрочем, оставлю захватывающую тему еврейства князя без разрешения. Уверен, её и без меня с удовольствием подхватят в России, как только моя книга выйдет в свет. Сейчас же попробую прояснить предпочтения князя, так сказать, в культурологическом плане. Уяснить его жизненные кредо помог сам Никита Дмитриевич. Однажды он взялся ответить на вопросы известной анкеты Марселя Пруста. «В 1996 году, читая Марселя Пруста, я вдруг обнаружил занятную анкету. Это были вопросы, на которые он ответил, когда ему было 20 лет. Вопросы были короткими, лаконичными, предполагавшими ответы такого же свойства. Мне показалось, что было бы интересно взглянуть на себя со стороны, задав себе те же вопросы. Я надеюсь, что дух великого француза простит мне эту вольность».

Замечу, князю в момент ответов на эти вопросы было 60. К этому времени он был уже состоявшимся человеком иного, чем Пруст, века, много пережившим, прошедшим эмиграцию, знавшим, что такое сталинский террор. Именно под этим утлом любопытно сравнить ответы того и другого. Итак, главной чертой своего характера князь назвал способность не торопясь и последовательно осуществлять поставленные задачи. В мужчинах он предпочёл надёжность и откровенность в дружбе, в женщинах – доброту и ясный ум, в друзьях ценил преданность и возможность разделить радость. Своим главным недостатком он назвал плохую память, любимым занятием – делать то, что его интересует больше всего в настоящий момент, мечтой о счастье – уравновешенное состояние и здоровая старость, что выглядит понятно и весьма практично, самым большим несчастьем – смерть матери, когда ему был 21 год.

Князь признался, что хотел бы быть Лоренцо Медичи. Великобританию он назвал страной, в которой хотел бы жить. Его любимый цвет – зелёный, а цветок – роза. Любимая птица орёл. Любимые писатели Шекспир и Гоголь, любимые поэты Пушкин, Шелли и Гёте. А вот любимого литературного героя у князя, к его же сожалению, не нашлось. Хотя любимая литературная героиня есть – Татьяна Ларина. Любимым композитором он назвал Моцарта, любимыми художниками Арчимбольдо, Рембрандта, Гольбейна. Героями современности князь считал Черчилля, Де Голля, героиня у него Маргарет Тэтчер. Из имён он предпочитает Татьяну и Дмитрия. Больше всего князь не любит ложь и подлость. Самым отвратительным в истории человечества князь назвал Сталина. В истории войн ближе всего ему победа Кутузова над Наполеоном. Из всех политических реформ ближе всего создание Американской конституции 1776 года.

Из талантов, которыми князь хотел бы обладать, он назвал

аналитические способности Сороса. Умереть хотел бы во сне. Состояние своего духа назвал боевым. Из слабостей, к которым он относится терпимо – женская непоследовательность. Его девиз «Через тернии к звёздам!».

Любимые оперы князя «Дон Жуан», «Тоска» и «Борис Годунов». Слушать предпочитает «Реквием» Моцарта. Любимой пьесой князь назвал пьесу О.Уайльда «Как важно быть серьёзным».

Любимые сигареты кубинские «Кохиба робустос», любимое вино «Романе Конти», любимое шампанское «Дом Рюинарт», любимая еда – овощи во всех видах. На вопрос, что вы считаете роскошью, князь ответил: «Роскошь, это когда другие делают за вас то, что вам скучно и неинтересно делать». На вопрос, что такое богатство, князь в 60 лет ответил: «Богатство – это когда у вас больше денег, чем вы в состоянии истратить».

А теперь приведу ответы 20-летнего Пруста. Например: человечество в лице своих лучших представителей остаётся стабильно суеверным. Хотя, в отличие от князя, Пруст не раскрывает свой девиз. Почему? А чтобы он не принёс ему несчастье. Пруст снисходителен лишь к порокам, которые ему понятны. Пруст досадует, что долго пришлось размышлять о себе, чтобы ответить на эти вопросы анкеты. Далее, напомню, князь хочет умереть во сне и думает о лёгкой смерти, а Пруст хочет умереть, став лучше, чем есть и любимым. Если князь уверен в своей воле и харизме, то Пруст досадует, что лишён того и другого и хотел бы обладать силой воли и умением очаровывать. В своих ответах Пруст ироничен, ибо… ценит в военной истории больше всего момент, когда он записался добровольцем. В том же ключе Пруст сетует, что ленив и потому у него недостаточно познаний, чтобы презирать какие-то исторические персонажи. Пруст больше всего ненавидит то дурное, что видит в себе.

Забавны его ответы, касающиеся любимых имён. Пруст утверждает, что в каждый данный момент у него одно любимое имя. Среди любимых писателей Пруст назвал Анатоля Франса и Пьера Лоти (псевдоним Жюльена Вио, французского романиста – *Э.Г.),* поэтов Бодлера и Альфреда де Виньи, литературного героя Гамлета, литературную героиню Федру, которую, впрочем, зачеркнул и написал Беренику, композиторов Бетховена, Вагнера и Шумана, художников Леонардо да Винчи и Рембрандта, героев в реальной жизни месье Дарлю и месье Бутру, героиню в истории Клеопатру. Пруст называет любимой птицей ласточку. Очень неопределёнными оказались предпочтения Пруста в цвете и цветах. Инфантильны представления Пруста о стране, где ему хотелось бы жить, где его желания сбывались бы, словно по

волшебству, и где чувство нежности всегда было бы взаимным. Своей наиболее характерной чертой Пруст назвал жажду быть любимым, а точнее, быть обласканным и избалованным, скорее, чем служить предметом восхищения. Качество, которое 20-летний Пруст более всего ценил в мужчинах – женственное обаяние, в женщине – проявление мужественности, а также искренность в дружбе, а в друзьях – нежность по отношению к нему, при том, что их личности настолько утончённы, что их нежностью стоит дорожить. Главным своим недостатком Пруст считал неумение, неспособность «желать». Любимым занятием назвал – любить. На вопрос «Какова мечта о счастье» Пруст скромно заметил: «Боюсь, что она недостаточно возвышенна, к тому же боюсь разрушить её словами». Самым большим несчастьем Пруст назвал «никогда не знать мою маму и бабушку». А на вопрос, каким бы он хотел быть, ответ достойный: «Самим собой – тем, кем меня хотели бы видеть люди, которыми я восхищаюсь».

Сравнивая ответы, замечу лишь, что никогда не упомянул бы девиз: «Через тернии к звёздам!» Избито, банально для русского уха! Но ведь князь никогда не жил в России. То, что у нас на слуху (анекдоты, пословицы, поговорки), Никите Дмитриевичу кажется свежим, оригинальным. Хотя устный русский язык он освоил и изъясняется абсолютно свободно. Предпочтения же в культуре, литературе, искусстве – дело вкуса. В конце концов, русский народ опережает все народы мира по частоте использования пословиц и поговорок. Этот факт можно трактовать, как образность русской речи, а можно считать признаком несамостоятельности, неразвитости общественных институтов, общественной жизни.

Завершу же главу «Так кто же такой князь?» ещё одним общим замечанием о его скоморошестве. Оно развивалось в определённую эпоху, когда советский строй осуществлял некую утопию. Эта утопия существовала не только в сознании нас, бывших советских людей. От неё до сих пор не может освободиться и поколение Никиты Дмитриевича. В этом я вижу истоки и патриотических иллюзий, которые он испытывает. Утопический мир, который мы застали при утверждении и крушении его, воспроизводил это самое скоморошество сначала как способ выживания, а затем помогал самоутверждению. И тут совсем неважно, что князь родился вне России. Важно, что этот утопический мир изобиловал противоречиями: торжеством мысли и торжеством множества предубеждений, суеверий, предрассудков. Потому князю нравилось не столько жить своей жизнью, сколько играть в неё, насмешничать и непременно рисковать: изначально не имея на хлеб насущный, задумать и

создать богатейшую коллекцию; выиграв жесточайшую конкуренцию, получить блестящую должность, а затем, запросив несусветную зарплату, объявить, что полгода будет работать бесплатно, а потом уйдёт, если не оправдает запрошенное; предупредить, что не намерен субсидировать проект моей книги, а потом предложить помощь в её издании; торговаться за чай в бумажном стаканчике и в то же лето потратить миллион на создание кафедры в Оксфорде…

Что это как не род скоморошества, веселья, отваги и радости от жизни!

Проекты и утопии

В русском языке закрепилась антитеза – проекты-прожекты. Прожекты – это своеобразная пародия на проекты и отличаются они тем, что утрачивают связь с реальностью, т. е. становятся утопией. Прожектёрство – увлечение несбыточными планами, принятие желаемого за действительное. И разговор о проектах князя, предполагаемых и осуществляемых, начну с очень важного момента в его жизни: *общественной деятельности.* И тут сразу возникает очередная параллель.

Я полвека жил в стране, где этот самый род деятельности вызывал у меня отвращение из-за её бессмысленности. Поэтому я, как только мог, отлынивал от общественных нагрузок, поручений и обязанностей. Я ненавидел собрания, заседания, демонстрации, митинги и всеми способами избегал их. Антиобщественная прививка, полученная в Советском Союзе, оказалась столь мощной, что и здесь, на Западе, я не принимаю участия в массовых общественных акциях, признаю только свои индивидуальные формы протеста.

Я являюсь пассивным избирателем в выборных компаниях. И на корню обрубаю попытки моих приятелей и родственников, живущих на разных континентах, подключать меня к общественным акциям через Интернет. Конечно, это не добавляет мне друзей, вызывает раздражение и непонимание. Сознательно ограничивая общение, делая его избирательным, я, как ни странно, нахожу понимание лишь со стороны моих приятелей-англичан. Они принимают мой общественный нигилизм и никогда не привлекают меня ни к каким формам массовых акций.

Другое дело князь. Он не жил в Советском Союзе и потому не воспринимает так остро как я, что эта страна продолжает жить по законам ГУЛАГа, что лагерная риторика и эстетика проявляются там, прежде всего, именно в общественной жизни. Может быть, в далёкой юности в Болгарии он был слегка инфицирован этим антиобщественным вирусом, но в последующей студенческой и взрослой жизни полностью излечился от него. Потому общественной деятельностью князь занимается с энтузиазмом, что вызывает у меня глубокое уважение, хотя и кажется мне иррациональным. По его собственному признанию, общественная деятельность забирает треть его времени и связана с поездками на заседания Международного Совета Российских Соотечественников (МСРС), Фонда «Русский мир», Фондов культуры не только в Россию, но и в Болгарию и другие страны. Несмотря на свой возраст, князь постоянно совершает перелеты

едва ли не по всем континентам. Только в Международный Совет Российских Соотечественников входит около ста организаций из 74 стран. Лобанов же является первым заместителем председателя МСРС и членом Президиума Координационного Совета Российских Соотечественников в Лондоне.

На заседаниях Координационного Совета, – рассказывает князь, – многие конфликтные темы стараются исключить из повестки дня. Свою роль вижу в том, что в конце обсуждения я непременно поднимаю руку и говорю: «Эй!» Потому меня так ненавидят и в Координационном Совете, и в других местах, где я заседаю. Немногим лучше атмосфера в Международном Совете Российских Соотечественников. Обычно на общественных заседаниях из десяти членов правления семь всегда молчат, а три или четыре ведут заседание. И в зависимости от их настойчивости принимаются решения в одном или другом направлении. Я являюсь шипом! Я остаюсь неблагонадежным потомком белогвардейца! Так что, например, в коммунистической лавке «Фонд Людмилы Живковой» в Болгарии, где есть думающие члены ЦК и куда я попал по их рекомендации, я стараюсь, по крайней мере, уменьшать те аберрации, которые могли бы быть, внося свои предложения и настаивая на том, что я говорю. И это принимается во внимание. У меня нет ответственности ни перед кем. Меня нельзя запугать. Я независим финансово и политически. Многие люди приезжают на эти общественные заседания потому что поездки оплачиваются. Это своеобразный род подкупа. Я его не принимаю. И поскольку я независим, я считаю себя полезным.

Князь, как один из самых видных деятелей русского зарубежья, со времён теперь уже бывшего мэра Москвы Лужкова, кстати поддерживавшего и помогавшего МСРС, успешно отстаивает независимость Международного Совета. Эта общественная организация финансируется столичной мэрией. В отличие от другой общественной организации – Конгресса соотечественников, который был создан федеральным правительством и, по выражению князя, «пляшет под его дудку», в МСРС ситуация всегда была иная! В будущем МСРС намерен строить свою политику на финансовой независимости. Князь рассчитывает, что когда в Москве будет построена башня «Москва-сити», МСРС переселится туда и сможет сдавать в аренду под гостиничные номера и офисы часть своих помещений. Это позволит Международному Совету иметь свой ежегодный доход, означающий полную самостоятельность! Не надо будет ничего ожидать или просить от российских властей!

Чистое прожектёрство! Можно не сомневаться, что

существующая власть в России никогда не будет содействовать независимости эмигрантских организаций. Недавно Дума приняла документ, объявляющий едва ли не все организации, связанные с зарубежьем, иностранными агентами.

Публичная деятельность помогает князю чувствовать себя востребованным. Заполняя свою жизнь различного рода проектами он продолжает верить, что в современной России крепнет свобода мысли, что голос общественности становится все более слышен и что Кремль прислушивается к ее мнению. А если не верит, то сохраняет надежду что-то изменить. Очевидно поэтому он охотно откликался, когда Д.Медведев в бытность своего президентства приглашал его на приёмы (не так давно князь был в Ростове-Великом). Подобные приглашения для свободного от всяких обязательств князя значимы. И он ими не пренебрегал и не пренебрегает, хотя бы потому, что в своём почтенном возрасте ему хочется признания. Он часто бывает в России. Это понятно и нормально. Тем более, что на встречах с руководителями страны он поднимает насущные вопросы – например, о поддержке русскоязычных школ за пределами России (князь даже выразил готовность взять на себя часть расходов); о создании Всемирного русскоязычного конгресса, который стал бы таким же эффективным как Всемирный еврейский конгресс (и тут Никита Дмитриевич проявил готовность способствовать созданию такой организации).

Поразительно, однако, что ощущения князя от всей этой деятельности оказались созвучны моим. Не так давно в одном из интервью он признал: «Вот и теперь в постсоветской России опять всё то же: сосуществуют в Москве Конгресс Соотечественников, Международный Совет Российских Соотечественников – что они делают, с какой целью собираются? Каким-то махровым бюрократизмом веет на простого российского гражданина от этих возглавляемых, уж извините, графами и князьями съездов, конгрессов, с их обедами, бесконечными разговорами, ничем не завершающимися обсуждениями и т. д. и т. п. Кто вас слышит? Каким влиянием в мире обладает российская диаспора?». Вопросы замечательные! Действительно, на территории бывшего СССР проживает 18 миллионов русскоязычных людей и 12 миллионов распылены на разных континентах. Всего 30 миллионов. Современная Россия тщится стать в ряды великих держав, стать ядром всех русских. Но экономический прогресс сдерживается политическими барьерами в жизни общества. Так есть ли смысл участвовать в этих бюрократических игрищах и бесполезных сборищах?

Не оправдывая собственный общественный нигилизм, но

продолжая держаться за него в эмиграции я почему-то помню один забавный эпизод в нашем с князем общении. Однажды я высказался, что хорошо бы вместе оказаться в какой-то момент в Москве, чтобы оживить в памяти, как Никита Дмитриевич впервые подлетал к Шереметьево в 70-м году, заглянуть в Дом-музей в Филёвском парке, зайти с ним в музей личных коллекций. Никита Дмитриевич живо откликнулся на мой журналистский интерес и сам предложил, что он договорится с руководством Международного Совета Российских Соотечественников, чтобы я мог посидеть на одном из заседаний Президиума МСРС. Наверное, мой скепсис не укрылся от внимания князя. Я сказал, что заседания меня интересуют в меньшей степени. И не кривил душой: когда я заглянул в официальные документы, от всех этих повесток дня с обсуждением выполнения планов работы, утверждений новых планов в связи с подготовкой к отчётно-выборной конференции; мероприятий, приуроченных к празднованию Дня народного единства, перечислением приоритетных направлений деятельности МСРС в новом году – от всего этого повеяло таким хорошо забытым прошлым, что у меня свело скулы от скуки. И я искренне обрадовался, когда понял, что князь изменил первоначальное намерение пристегнуть меня к своей очередной поездке в Москву.

Не менее удручающе для меня выглядели отчёты о работе этой организации, из которых я узнавал, что участники заседания «единодушно поддержали идею проведения Фестиваля «Русская песня», обсудили итоги участия МСРС в праздновании 50-летия полета Ю.А.Гагарина, а также доклад о прошедшем в Вашингтоне 30-м Всемирном Российском форуме» и прочее, и прочее… Впрочем, знакомясь с этими планами и отчётами я всё-таки пожалел, что не присутствовал на выступлениях князя, посвященных вопросу реализации инициатив МСРС о создании Памятника Примирения и на его докладе «О Национальной портретной галерее».

Идея создания памятника Примирения возникла у князя Н.Д.Лобанова-Ростовского и графа П.П.Шереметева на совместном молебне по жертвам революции 1917 года, гражданской войны и репрессий, состоявшемся в Москве в храме Знамения иконы Божией Матери (бывшей домашней церкви Шереметевых) в День народного единства 4 ноября 2009 года. Благодаря инициативе князя в Международном Совете Российских Соотечественников тогда же возникла идея проекта Памятника Примирения России. Эта инициатива увязывалась с 400-летием преодоления Смутного времени и, в особенности, со

100-летием Октябрьского переворота, который затормозил развитие России, удалил её на долгие годы от семьи европейских народов, привёл к гибели миллионов россиян и к тому расколу общества, от которого Россия и русский мир до сих пор не могут оправиться! По мысли князя, Памятник Примирения призван символизировать единство расчлененного историческими процессами и идеологическими барьерами народа и призвать к терпимости, примирению и покаянию.

У меня вызывают уважение практические шаги князя в этом направлении. Благодаря его напору, активности сегодня уже обсуждается идея Памятника в виде колокола, подвешенного на стальных опорах, которые символизируют стороны участников конфликта. Предлагается представить всю историю страны (начиная с Рюрика) на чеканке колокола. Этот колокол, возможно, не будет иметь языка. Как в японских храмах, к колоколу предполагается подвесить лишь палицу. Палицей в колокол легко бить, а язык надо раскачивать. Вот дословное суждение князя на тему Памятника Примирения:

– Примирение нам необходимо для выживания страны… В ЮАР социальный и политический переворот произошёл без кровопролития. Два вождя – чёрный (Нельсон Мандела) и белый (Фредерик де Клерк) – решили прекратить противостояние граждан одной страны. Я – геолог и работал в ЮАР. Чёрных тогда убивали, избивали, а белого мужчину, который решил бы заговорить на улице с чернокожей девушкой, могли посадить в тюрьму. Чёрные, взяв власть, могли сделать то же самое и с белыми. Но этого не случилось, и сейчас ЮАР – страна, которая нормально развивается. Подобное случилось и при объединении Германии. В России же, если верить газетам, 70 процентов граждан не знают, что такое День народного единства! Нам, белым и красным, русским и россиянам, верующим и неверующим, православным и мусульманам – нужно обрести ещё и гражданское согласие. Не спущенное сверху, а настоящее, выстраданное. Так пусть памятник-символ такого согласия поставит окончательную точку в истории разделения народа и станет основой для будущего партнёрства и сотрудничества всех россиян независимо от политических взглядов, в какой бы стране они не находились, во имя и на благо России…

Уверен, любой здравомыслящий человек не станет возражать против Примирения и его символа в виде Памятника! Но у меня во всей этой затее князя возникает принципиальный вопрос: почему Памятник призывает к Примирению прежде Покаяния. Ведь уникальность политической ситуации в России в том, что не было и нет недвусмысленного акта покаяния со стороны первых

лиц страны перед собственным народом, пострадавшим от репрессий, перед зарубежными соотечественниками. К этому Россию не подвинул даже пример Германии, где именно покаяние помогло народу очиститься от нацистской скверны. А тут вдруг на первый план вылезает идея примирения, согласия! Да ещё из уст князя, отец которого был уничтожен сталинским режимом, да и сам он ребёнком попал в Военную тюрьму!..

Может быть, идея Примирения, предшествующего Покаянию, не казалась бы столь абсурдной, если бы Сталин, страшнейший из всех диктаторов, живших на земле, был повешен, как Саддам Хуссейн, если бы его труп проволокла по улицам Москвы разъяренная толпа, как это сделали ливийцы с Муамаром Каддафи, если бы его, больного, тащили на суд, как Хосни Мубарака в Египте… Было бы диким одобрять подобные кровожадные акты! К счастью, ничего подобного в России так и не случилось. Но разве не дикость, что кровавый вождь Октябрьского переворота и сегодня лежит в мавзолее, а за ним у Кремлёвской стены на той же Красной площади стоят памятники палачам, и прежде всего, Сталину. Могилы же миллионов замученных в ГУЛАГе на Колыме и в Магадане остаются безымянными. И в такой стране князь полагает возможным говорить о Примирении и Согласии! Впрочем, идея примирения для министра иностранных дел России Сергея Лаврова – пустой звук! Министр попытался призвать к ответу телеведущего Владимира Познера, комментировавшего слова Лаврова, что Москва лишь готова рассмотреть реабилитацию жертв Катыни!. А Владимир Познер в своей авторской телевизионной программе всего-то высказался в том плане, что «…польские офицеры были пленены не в результате военной операции – их просто захватили… И по рекомендации Берии, и конечно, с согласия Сталина, они были все расстреляны. Все до одного. То есть советское руководство совершило абсолютно тяжелейшее преступление. А теперь мы говорим, что готовы рассмотреть вопрос об их реабилитации. По-моему, это звучит очень странно. Может быть, не дожидаясь решения Страсбургского суда, можно было давно реабилитировать их, как ни в чем не повинных людей. А заодно объявить тех, кто указал, что их надо расстрелять, во главе с Иосифом Виссарионовичем, преступниками. Может быть, вот это надо было рассмотреть? Вообще, нет предела ни лицемерию, ни отсутствию совести»…

Потому я и подумал, что именно утрата связи с реальностью делает этот проект князя под названием «Памятник Примирения» утопией. Но князь не теряет надежды. Вот выдержка из письма, с которым он обратился к Президенту Российской Федерации:

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

…Хочу привлечь Ваше внимание к идее, которую инициировал Международный Совет Российских Соотечественников – проект Памятника Примирения России, призванный символизировать единство расчлененного историческими процессами и идеологическими барьерами народа. Идею уже поддержали многие общественные структуры. Среди них – делегаты III Всемирного Конгресса соотечественников, на котором Вы выступали, участники IV Ассамблеи Русского мира, а также Патриарх Кирилл, который назвал эту идею «уместной и своевременной».

Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Мне очень импонирует Ваше стремление превратить Россию в сильную и современную державу. Убежден, что ее основой должно стать единство народа, принявшего и осознавшего свою историю. Народный сбор средств на Памятник Примирению станет выражением этого единства. Прошу Вас поддержать нашу идею.

С уважением,

Ваш Никита Д. Лобанов-Ростовский

7 ноября 2009 г.

Эту главу книги я дописывал, будучи на Мальте. И оттуда попросил находящегося в это время в Москве князя сообщить последние новости, касающиеся его инициативы. «С памятником Примирения полный застой!» – ответил он. Замечу лишь, что со времени обращения князя к Президенту прошло три года!

Теперь ещё об одном проекте Лобанова. Созданием Национальной портретной галереи в Москве князь занялся в 2001 году. Основная его идея – собрать и показать портреты людей, тех, кто внес свой весомый вклад в историю России: государственные деятели, полководцы и политики, люди искусства, даже мошенники. Тогдашний мэр Москвы Лужков поддержал идею организации такой галереи.

Примечательно, что подобная «портретная» инициатива уже имела прецеденты в России. Традиция портретных выставок в России восходит ко второй половине XIX века. Ещё Павел Третьяков задумывал создать портретную галерею выдающихся людей нации. Через несколько лет ее осуществил специалист по русской истории и генеалогии, автор книги «История родов русского дворянства», изданной в 1886 году, знаток русского искусства Петр Петров. Его опыт, как будто, сегодня намерены

использовать, отбирая для галереи портреты, написанные современниками. Но даже сейчас, в начальном периоде сбора материала, уже есть уникальные портреты с уникальной судьбой. Так, портрет маленького Ульянова-Ленина был найден в Подмосковье в затопленном подвале сгоревшей школы. Оказалось, что это работа известного советского художника Краснова.

Забавно, что журналисты заподозрили князя в корысти. Кто-то из них напрямую спросил, надеется ли князь, что в галерее будет и его портрет. Князь ответил отрицательно. Но ведь тут дело даже не в личности князя, каким бы тщеславием он не обладал. Его родословная – великая без всяких преувеличений! Чего стоит имя выдающегося дипломата А.Б.Лобанова-Ростовского, блестяще представлявшего российскую политику и отстаивавшего интересы России! Князья Лобановы-Ростовские сыграли видную роль в победе России над наполеоновской Францией. Когда отмечалось 200-летие Бородинского сражения была организована конференция «Соотечественники – потомки великих россиян», куда был приглашен Никита Дмитриевич. Да и как можно было не пригласить его! Ведь среди участников этой войны были и предки князя – генерал от инфантерии Дмитрий Иванович (1758–1838); Яков Иванович (1760–1831), который в 1812 году по собственной инициативе сформировал 17 малороссийских казачьих полков, двинув их на Тулу и Калугу; генерал-лейтенант Алексей Яковлевич (1795–1848), участвовавший также в заграничных походах 1813–1814 годов и дошедший до Парижа. Так что портреты Лобановых-Ростовских в Национальной галерее, в любом случае, должны присутствовать. Я уж не говорю об одном из множества портретов Никиты Дмитриевича, коллекционера, видного деятеля русской диаспоры, искреннего патриота России, дарителя, и наконец, инициатора самой идеи.

Самое удивительное, что Никита Дмитриевич и с этой его инициативой – создание портретной галереи – попал в водоворот всевозможных бюрократических отписок, которые должны были бы отбить у всякого нормального человека желание делать добро. Князь же находит такой ход событий естественным. По поводу галереи у него скопилось множество ходатайств, в том числе министру культуры А.С.Соколову. Но даже в министерстве не понимали самого главного в предложении князя: для первоначальной экспозиции нужно получить те многочисленные портреты, которые хранятся в запасниках музеев по всей России. Министерских чиновников не убедил железный довод, который приводил князь: на этом принципе построена английская

Национальная портретная галерея. Словом, проект двигается очень медленно. Однако в Историческом музее состоялась выставка исторического русского портрета и Никита Дмитриевич считает это событие этапным шагом…

Среди аргументов князя в пользу создания Национальной галереи мировая практика. Только в Соединенном Королевстве Национальные портретные галереи есть не только в Лондоне, но и в шотландском Эдинбурге, австралийской Канберре. Слово «национальная» – ключевое в понимании общественной функции этого института. Портрет – это лицо нации.

Поэтому князь посчитал возможным обратиться с письмом к Президенту Российской Федерации:

Президенту Российской Федерации Медведеву, Дмитрию Анатольевичу

О Национальной портретной галерее в Москве

Глубокоуважаемый г-н Президент,

Обращаюсь к Вам с просьбой решить создание «Национальной портретной галереи» в Москве вслед за нашим разговором 4-го ноября. Подобные музеи давно существуют в значимых столицах мира. Россия же с её сложной судьбой и исторически недавними попытками переписать свою историю, особенно нуждается в создании института объективной оценки прошлого. Галерея сможет показать современному зрителю во всей полноте непрерывность исторического процесса в России до сегодняшнего дня.

Ссылаюсь на слова основателя Лондонской национальной портретной галереи – шотландского историка Томаса Кар-лайля: «Любой портрет природой своей как бы превосходит полдюжины «биографий»… Я вижу портрет, как горящую свечу, при свете которой нужно читать эти биографии. Тем самым достигается человеческое их понимание».

Создание Национальной портретной галереи в значительной мере облегчило бы поиски гражданами России понимания места и значения великой страны и представителей её народов в её прошлом и настоящем. Эта идея нашла достаточно широкий отклик среди зарубежной диаспоры и была поддержана «Международным советом российских соотечественников».

При принятии Вами положительного решения по этому вопросу, предлагаю свои услуги по нахождению и

передаче в Галерею портретов и скульптур лиц, имеющих прямое отношение к истории страны, но в силу определённых причин, очутившихся за рубежом. А также и в поиске первоначального временного помещения и частичное спонсорство с моей стороны.

В понедельник 9-го ноября дарю Российскому посольству в Париже портрет Александра III, который принимал там Наполеона III Это вслед за даром портрета Александра II, который указал Горчакову купить дом на 79 rte de Grenelle.

Мое обращение по поводу галереи от 25 февраля 2009 г. было передано в Министерство культуры, где оно и застряло.

С уважением,

Н. Дм. Лобанов-Ростовский

Приложения:

Концепция Национальной портретной галереи, 02.07.2008 Национальная портретная галерея России, 02.10.2008 Организация НПГ, 31.03.2008

Что дальше? Спустя четыре года после этого письма постановили открыть Национальную портретную галерею к 200-летию войны 1812 года. Но кремлёвское решение есть, а галереи нет. Вокруг проекта кипят нешуточные страсти. Искусствоведы опасаются, что картины для кремлевского проекта будут навсегда изыматься у других музеев. По-прежнему не очень понятно портреты каких исторических личностей и полотна каких художников составляют «достояние страны».

В 2010 году в павильоне Всероссийского выставочного центра состоялась выставка «От Рюрика до современников», но для широкой общественности она прошла практически незаметно. Посмотреть на портреты известных россиян пришли в основном те, кто непосредственно принимал участие в создании экспозиции. На вопросы журналистов директор Ассоциации художников-портретистов Ирина Махнева заявляет: «Нам хотелось, чтобы в галерею вошли работы современных художников, современные герои. Если ограничиться только историческими персонажами, это будет в ущерб концепции Национальной портретной галереи». За 10 лет ассоциация художников-портретистов собрала почти тысячу работ этого жанра.

Но это всё частности. Князь же настаивает на создании юридической базы музея. Более того, его поддержал Владимир Путин: «Представители русской миграции первой волны подали,

на мой взгляд, хорошую идею – создать Национальную портретную галерею. Имеется в виду собрание портретов выдающихся деятелей русской истории в сфере культуры, образования, государственной деятельности, военного дела. Необходимо подобрать соответствующее место»…

Появилось предложение создать портретную галерею выдающихся деятелей русской истории на базе Исторического музея. Но в Министерстве культуры так и не могут согласовать концепцию Национальной портретной галереи, определиться с критериями отбора и рейтингом авторов работ. Галерею, как будто намерены формировать на базе Государственного музейного фонда России. Некоторые работы будут изыматься из ведущих музеев страны – из Русского музея, Третьяковской галереи и других. Тем не менее, музейное сообщество страны, как считает заместитель директора департамента культурного наследия Министерства культуры России Ирина Смирнова, не поддерживает концепцию портретной галереи, предложенной князем. Представители художественного мира страны, по её словам, понимают, из чего будет состоять Национальная портретная галерея и чьи портреты будут там выставлены. Реальность же такова: на тысяче квадратных метрах Исторического музея можно разместить максимум 150–200 полотен.

Все эти эпизоды осуществления проекта под названием «Российская национальная галерея» упираются, впрочем, в главный вопрос: о роли личности в истории России. А он до сих пор остаётся одной из самых горячих тем для обсуждения. К тому же, найти портреты XVIII и первой половины XIX веков просто нереально. Они есть в частных коллекциях Европы, но стоят очень дорого. Изымать портреты для новой галереи у других музеев, значит, ломать годами сложившуюся экспозицию. Национальная портретная галерея, по убеждению вице-президента Международной конфедерации антикваров и арт-дилеров России и СНГ Георгия Путникова – это не пиар-акция, это не выделение места и не надергивание портретов; это покупки, приобретения, формирование фондов, по сути дела большой научно-исследовательский процесс. По сути, это создание института национальной генеалогии. Так что вокруг проекта князя формируется свой круг. Действительный член академии художеств, художник-карикатурист Владимир Мочалов убеждён, что создание галереи будет сопровождаться большими спорами ещё не один год. И предлагает создать альтернативную галерею, в которую он, например, может предоставить свои работы. Ведь у каждого художника свой взгляд на исторические персонажи.

Вопрос формирования фонда галереи остаётся весьма острым. Князь, как самый публичный зарубежный деятель и автор проекта – в центре дискуссии. Журналисты не раз спрашивали его, почему, мол, он сам не приберёг портрет Александра III для Национальной галереи, а подарил его российскому посольству в Париже:

– Это занятная история. Правительство Франции наладило дипломатические отношения с Советским Союзом только в 1924 году. До этого момента посольство в Париже продолжало работать под мандатом Временного правительства. Назначенный Лениным первый полпред Красин письменно попросил уходящего российского посла Маклакова вынести из посольства все портреты и царские реликвии. Это были работы «передвижников», других мастеров. Такое искусство считалось в то время «упадничеством», ибо царил авангард – беспредметная живопись. Маклаков всё сохранил, передав картины и трон в Русский дом для престарелых в предместье Парижа Сен-Женевьев-де-Буа. Я об этом не знал, пока бывший российский посол Авдеев не пригласил меня с супругой в посольство на обед. На мой вопрос, почему в резиденции посла на рю де Гренель нет ни одного портрета, он рассказал историю с Красиным и Маклаковым. Авдеев указал на императорские инициалы по углам потолка. В своё время канцлер и министр иностранных дел светлейший князь Горчаков получил указание от императора Александра II приобрести этот особняк в качестве российского посольства, впоследствии ставшего резиденцией российского посла.

Так совпало, что в эти же дни мой дядя Н.В.Вырубов – брат моей матери – пригласил меня и моего двоюродного брата Ю.А.Трубникова в «Клуб инженеров». У дяди был известный прижизненный портрет Петра Великого кисти Жан-Марка Натье, написанный во время официального визита Петра во Францию.

Предчувствуя свою кончину, дядя хотел оформить передачу этого портрета в дар российскому посольству, но хотел посоветоваться с нами как его наследниками. Мы поддержали его решение. Направившись к выходу, мы повстречались с послом Авдеевым… Это было вещее совпадение!.. К сожалению, мой дядя скончался три месяца назад на девяносто седьмом году жизни. Удивительный был человек… Замечательный некролог по поводу его кончины написал Иван Никитич Толстой – внук Алексея Толстого. Помимо этого, мне повезло купить на аукционе в Стокгольме портрет Александра III, который тоже бывал в посольстве в Париже. Теперь в резиденции российского посла вместе с большим портретом Петра Великого висят портрет Александра II, подаренный мной ранее, и портрет Александра III.

Из приведённого эпизода, впрочем, как и из всего проекта князя, вывод один: создание национальной галереи в Москве задача благородная. Но будет ли она решена в ближайшем будущем и выйдет ли из разряда очередного «прожекта» князя пока неясно.

В заключение хочу вернуться к проекту, который князю удалось осуществить на 100 процентов: а именно – разместить свою коллекцию в России. Как мы знаем, она в Петербурге! Но тут вновь встал вопрос о надёжности и сохранности коллекции. О безразличном отношении к культурным ценностям в России князь, конечно, был хорошо осведомлён. Но это почему-то не остановило его хлопоты сделать Россию постоянным домом для коллекции. А ведь пример варварского отношения россиян к памятникам культуры я нашёл в одном из интервью князя. Он рассказал буквально следующее: «Близ Николиной Горы в парке пансионата «Сосны», относящегося, между прочим, к Управлению делами Президента России, где ежегодно бывают тысячи человек, уже десятилетия буквально гибнут брошенные на землю два великолепных бронзовых оленя, созданные немецким скульптором Г.Христлибом и отлитые известной берлинской литейной фирмой «Gladenbeck шм! Sohn». Олени, – как пишут в российской прессе, – представляют собой совершенные по форме, превосходные бронзовые экземпляры, имеющие исключительную художественную ценность. В качестве трофеев они были после войны доставлены из-под Берлина, где находились в знаменитой усадьбе Геринга Каринхале. Более полувека этих прекрасных произведений садово-парковой скульптуры не касалась рука реставратора, какие-то местные умельцы измазали их бронзовой краской, дети и взрослые портят скульптуры, нанося им непоправимые увечья.

Именно такое отношение к перемещенным объектам культуры заставляет задуматься об их судьбе. Казалось бы, чего проще – владеете культурными ценностями, следите за ними, как положено в цивилизованном обществе, отреставрируйте эти произведения, поднимите их на соответствующие постаменты, установите рядом таблички с известной и опубликованной уже историей этих бронзовых красавцев и любуйтесь ими. Кстати, их третьего собрата можно увидеть в целости и сохранности на постаменте в зоопарке берлинского района Фридрихфельде. Такие и им подобные примеры небережения, выражающиеся в наплевательском, как в случае с оленями из «Сосен», отношении мелких чиновников и хозяйственников к произведениям искусства, в частности, трофейным, непозволительно, и лишь обостряют проблему перемещенных культурных ценностей».

Когда я спросил князя, не останавливает ли такое отношение россиян его миссионерскую деятельность собирания предметов русского искусства по всему миру и помещения их в России, и в частности, оставшейся у него с бывшей супругой Ниной части коллекции театрального искусства, он ответил:

– Нет. Подобные факты сдерживали мою деятельность в этом направлении. Но, как видите, не остановили. Всё меняется, и я надеюсь на лучшее».

Ну что ж, оптимизмом князя можно восхищаться. Но за ним стоят действительно серьёзные опасения. И он их тоже не скрывает:

– Что будет с коллекцией, меня очень волнует, потому что, несмотря на юридические условия, на основе которых Константиновский фонд обязан хранить коллекцию, не исполняются. Например, работы хранятся в филиале Театрального музея в Санкт-Петербурге в хороших условиях, но там охладителя нет, кондиционера, так что когда была жара 40 с чем-то градусов, все это плохо отразилось на картинах. А Театральный музей говорит, что у них нет средств на содержание коллекции.

Неопределённо, что будет с собранием. Оно юридически принадлежит Константиновскому фонду, но фонд пока не определился, будет ли он строить здание. И если будет строить, то когда. Те 150 работ, среди которых есть уникальные шедевры большие декорации Гончаровой, огромные декорации Бакста находятся в собственности у Нины. Она же не соглашается ни подарить, ни продать, потому что видит, что происходит с проданной частью коллекции.

Константиновский фонд неспособен заниматься нашим собранием, оно его не интересует, абсолютно не интересует. Пока Театральный музей нашу коллекцию просто вклеивает в свое собрание, поскольку в музейных экспозициях есть исторический пробел. И наша коллекция его заполняет. Но у музея нет возможности содержать коллекцию в тех условиях, которые указаны в контракте продажи. Нас это очень беспокоит, но у меня нет никакой возможности влиять. Юридических инструментов для этого в России нет. А это значит, что для защиты коллекции ничего нельзя сделать. Входить в судебные тяжбы с могучим учреждением – дело безнадёжное. Так что судьба коллекции для меня загадочна. Мне хочется, чтобы она осталась в Театральном музее, там студентам удобней с ней работать. Кроме того, собрание такое большое, что можно организовывать разные выставки – украинского авангарда, еврейского авангарда… Я давным-давно предлагал сделать выставку в Нью-Йорке, в МоМа –

всех «измов» в русской живописи, и послать ее после Нью-Йорка в Питер, а потом в Лондон, Париж и так далее. Моя цель та же, что была и во времена холодной войны, когда я показал коллекцию в 47 музеях США. Люди смотрели и не могли уже негативно относиться к СССР. А сегодня и Россия, и США делают все, чтобы ухудшить отношения. Причем если американцы делают это по глупости, просто реагируя на ситуацию, то в России это делают хитрые люди, которые, будучи разведчиками, смотрят на три хода вперед!

Вот такой нерадостный взгляд на настоящее и будущее коллекции. В наших беседах, впрочем, меня интересовала судьба собрания и в контексте будущего России. Тут мнение князя тоже нельзя назвать оптимистичным:

– Россия – самая богатая страна в мире. России нужно новое поколение людей, которые смогут внедрять технологии, необходимые в 2020 году. Ведется изучение, что и как нужно. Однако стратегия строится теми людьми, которые не знают предмета, ибо они не практикуют его. С этой точки зрения Россия не готова к быстрым переменам. Финансовый крах замедляет развитие инфраструктуры России: она настолько отстала, что сколько бы денег ни кидать в сельское хозяйство, оно не пригодно. Магазины забиты продуктами из других стран, как например, из малюсенькой Голландии. В советские времена России боялись из-за ее военной мощи, сегодня – из-за газа и нефти, но Россию не уважают. Одно – это бояться, другое – уважать. За что можно Россию уважать – это за её культуру. Однако Россия недостаточно занимается пропагандой своей культуры.

Встречаясь с журналистами, князь, тем не менее, всякий раз напоминает, что при великой ненависти к советскому строю он по-прежнему остаётся деятельным патриотом России. Кто-то даже назвал его мечтателем, романтиком, прожектером, Дон Кихотом нашего времени. На что Никита Дмитриевич отвечает:

– А я не конъюнктурщик! Мое отношение к России не связано с ее политикой. Потому что политика – временное явление. Тысячелетие мои предки участвовали в создании Российской Империи и у меня есть определенный психологический настрой: я тоже должен что-то делать для России. Даже в коммунистические времена первый подарок я сделал Советскому Союзу (Государственному музею изобразительных искусств им. Пушкина) в 1974 году. Я дарил стране независимо от строя.

И это та правда, которая не осталась неотмеченной. Князь многократно награждался за свою деятельность, в том числе и правительством. Ему пожаловано гражданство, вручён орден

«Дружба народов». За вклад в сохранение русского искусства за рубежом Никите Дмитриевичу присвоено звание почетного доктора Санкт-Петербургской Академии художеств.

Завершая это непростое повествование о жизни князя подчеркну, что деятельный характер моего героя мне импонирует. И прежде всего тем, что Никита Дмитриевич не сдаётся и пытается все время что-то планировать на будущее. Подтверждение этому – фрагмент беседы с князем корреспондента радиостанции «Свободная Европа».

Иван Толстой: Три вещи, которые вы хотели бы завершить, довершить и осуществить в вашей жизни, три самых главных вещи?

Никита Лобанов-Ростовский: Первое – увидеть полностью наше собрание в России в нормальных условиях, то есть температура, освещение и прочее. И чтобы это было в Театральном музее, где люди, по крайней мере, по своему назначению, обязаны этим заниматься. Так что даже если оно будет на балансе у Константиновского фонда, то тогда в пользовании оставалось бы в Театральном музее.

Второе – это англоязычное издание о нашем собрании, которое, я надеюсь, выйдет через два года и станет для англоязычной публики, по крайней мере, путеводителем по русской театральной живописи.

И третье – увидеть Российскую национальную портретную галерею действующей. Вот три вещи, которые меня сейчас беспокоят.

Послесловие

Своего героя, Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского, я воспринимаю, прежде всего, как личность, а затем уже как одного из ярких деятелей русского зарубежья. Я сомневаюсь в своевременности возвращения культурных ценностей в коренную Россию, хотя и с сочувствием отношусь к его усилиям. Народ русский, на мой взгляд, не готов принять такой дар.

Меня, как литератора, привлекает именно необычность его судьбы – родившись князем, Никита вполне мог стать уголовником, алкоголиком, простым геологом, одним из добросовестных банковских служащих. Стал же выдающимся коллекционером-искусствоведом. В том-то и привлекательность его жизненного пути, что наперекор судьбе, он закончил Оксфорд, потом Колумбийский и Нью-Йоркский университеты, сделал завидно удачную карьеру в деловом мире. А затем, с нуля начав познавать живопись, занялся собирательством, научился понимать изобразительное искусство, разобрался в его истории и создал превосходную коллекцию…

Он сделал себя той самой личностью, которую имел ввиду Томас Карлейль, заметив, что «великие люди, каким бы образом мы о них не толковали, всегда составляют крайне полезное общество», что «при самом поверхностном отношении к великому человеку мы всё-таки кое-что выигрываем от соприкосновения с ним», и что «он – источник жизненного света, близость которого всегда действует на человека благодетельно и приятно».

Решившись на дерзкие параллели, я не ставил целью погреться в лучах княжеской славы. Этими параллелями я хотел сделать сопричастными судьбе князя моих читателей, размышлявших, всерьёз думавших когда-либо или решившихся на эмиграцию. Потому что это событие, в конце концов, и в наших столь разных биографиях – самое важное. Эмиграция определила многое, если не всё в жизни князя. Это я понял из наших бесед. Общение с князем оказалось для меня едва ли не более полезным, чем знакомство с документальными материалами его биографии.

Написав эту книгу, я иначе смотрю на многое. История создания коллекции открыла новый для меня мир русской театральной живописи. Так что дело тут не в степени великости моего героя, хотя он для меня, конечно, личность незаурядная. Иначе бы я не стал писать о нём! Дело в попытке реконструировать отрезок времени, в котором мы живем, в желании разобраться шаг за шагом в жизненном пути князя, отобрать, осмыслить какие-то факты его биографии, оставаясь

при этом убеждённым, что без такого анализа все авторитеты выглядят дутыми.

Что же касается моего личного опыта, тут я с печалью признаюсь: спустя 25 лет (в самом деле, что такое четверть века для истории!) моё подсознание остаётся в том же мире, в котором я прожил прежде чем решился эмигрировать. Дерзкие же параллели, которые я провел в книге, повторюсь, весьма условны.

notes

Сноски

1

В мемуарах одного из французских приятелей композитора приводятся его высказывания: «Воздух чужбины не возбуждает во мне вдохновения, потому что я русский и нет ничего более вредного для человека, чем жить в ссылке, находиться в духовном климате, не соответствующем его расе. Я должен снова окунуться в атмосферу моей родины, я должен снова видеть настоящую зиму и весну, я должен слышать русскую речь, беседовать с людьми, близкими мне. И это даст мне то, чего так здесь не хватает, ибо их песни – мои песни».